ПРИЛОЖЕНІЕ

къ № 7 „Журнала Министерства Юстиціи“ (Сентябрь 1902 г.).

IX-ый СЪѢЗДЪ

МЕЖДУНАРОДНАГО СОЮЗА

КРИМИНАЛИСТОВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

I. Доклады.

II. Протоколы засѣданій Соединенной Коммисіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества и русской группы Международнаго союза криминалистовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1902.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ № 7 „Журнала Министерства Юстиціи“ (Сентябрь 1902 г.).

IX-ый СЪѢЗДЪ

МЕЖДУНАРОДНАГО СОЮЗА

КРИМИНАЛИСТОВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

I. Доклады.

II. Протоколы засѣданій Соединенной Коммисіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества и русской группы Международнаго союза криминалистовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1902.

ОГЛАВЛЕНІЕ

I. Доклады [1])

II. Протоколы.

---

[1]) Представленный IX съѣзду Международнаго союза криминалистовъ *И. Г. Щегловитовымъ* докладъ—„Упрощеніе судопроизводства по маловажнымъ уголовнымъ дѣламъ"—былъ напечатанъ въ „Журналѣ Министерства Юстиціи" 1901 г. Октябрь, стр. 66.

О ЗНАЧЕНІИ СУБЪЕКТИВНАГО МОМЕНТА ВЪ ПРЕСТУПЛЕНІИ.

Докладъ Д. А. Дриля.

Вопросъ о значеніи внутренней, субъективной стороны въ преступленіи не можетъ быть не только разрѣшаемъ, но и правильно обсуждаемъ,—такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется—если не касаться другаго вопроса,—вопроса о цѣли и значеніи наказанія, который представляетъ собою краеугольный вопросъ уголовнаго права, обусловливающій всю конструкцію послѣдняго. Не выяснивъ его, нельзя правильно выяснить второстепенные вопросы, отъ него зависящіе и имъ вполнѣ опредѣляемые.

Дѣйствительно, допустимъ взглядъ, весьма многими раздѣляемый, что цѣлью наказанія является отмщеніе или—что̀ почти то же—возмездіе. При такомъ взглядѣ, наказаніе будетъ направляться на успокоеніе вызваннаго преступленіемъ чувства раздраженія и озлобленія потерпѣвшихъ и общества, ставшаго на ихъ сторону. Внутренній міръ преступника и субъективные моменты дѣянія при этомъ, естественно, отодвинуты далеко на задній планъ. Опредѣлителемъ мести или мзды для мздовоздаятелей почти исключительно будетъ служить то, что̀ совершилъ дѣятель, а не то, какъ и почему онъ совершилъ. Достаточно, что онъ дѣйствовалъ сознательно. Установленіе причинной связи между дѣяніемъ и дѣятелемъ сведется *главнымъ образомъ* къ установленію внѣшней, а не внутренней связи.

Иначе представится тотъ же вопросъ, если цѣлью наказанія признать огражденіе общества отъ зла преступленія, въ лицѣ уже народившагося преступника. Конечно, и въ этомъ случаѣ возникаетъ вопросъ о выборѣ цѣлесообразныхъ средствъ для огражденія, который и можетъ раздѣлять мнѣнія, но всѣ, конечно, сойдутся при

этомъ въ признаніи необходимости предварительнаго опредѣленія зловредности и опасности дѣятеля преступленія, что̀, въ свою очередь, выдвинетъ на первый планъ субъективную сторону преступленія, его субъективные моменты, въ качествѣ показателей. Итакъ, при первомъ взглядѣ, мы будемъ примѣнять наказаніе—здѣсь я пока не говорю о его содержаніи—на основаніи только прошлаго и въ полной *условной* соразмѣрности съ нимъ, а при второмъ мы будемъ примѣнять его, хотя и руководствуясь прошлымъ, какъ показателемъ, но въ видахъ будущаго. Разница существенная и основная.

Сказанное указываетъ, насколько важно выясненіе вопроса о цѣли и значеніи наказанія. Это выясненіе не можетъ быть произведено, однако, умозрительно—философскимъ путемъ. Вопросъ о сущности наказанія не есть вопросъ вчерашняго дня. Напротивъ, онъ представляетъ собою одинъ изъ великихъ вопросовъ всей культурной исторіи всего человѣчества, а потому къ многовѣковому опыту послѣдняго и должно обратиться для его выясненія.

Изучая наказаніе на пространствѣ вѣковъ, мы видимъ, что его роль и значеніе не оставались всегда сами себѣ равными величинами, а, напротивъ, постепенно измѣнялись, на ряду съ существеными измѣненіями въ условіяхъ общественной жизни и съ развитіемъ культурности. Въ ходѣ историческаго развитія возникали, дѣйствовали и отживали различные факторы, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялись роль и значеніе наказанія. Поэтому, желая отдать себѣ разумный отчетъ въ современности, представляющей собою продуктъ различныхъ наслоеній, мы должны прослѣдить различныя стадіи ея развитія въ ходѣ вѣковъ и выяснить, что̀ въ ней представляется только переживаніемъ и утратившимъ свой прежній смыслъ остаткомъ старины, производящія причины котораго уже сошли со сцены, и что̀ еще сохраняетъ свою жизненность и продолжаетъ имѣть большее или меньшее основаніе въ существующихъ условіяхъ. Здѣсь я, конечно, не имѣю въ виду вдаваться въ подробное изслѣдованіе. Отмѣчу исключительно въ крупныхъ штрихахъ, вѣроятно, всѣмъ извѣстные факты, которые сами говорятъ за себя и ясную рѣчь которыхъ я только немного подчеркну.

Въ наиболѣе отдаленную эпоху, съ которой можно начать изученіе наказанія, въ эпоху родовую, когда единственною связью людей въ общества являлась кровная связь, связь по единству происхожденія, и когда для каждаго за предѣлами его рода были только чужеродцы,—почти синонимъ враговъ-непріятелей—тогда то,

что соотвѣтствуетъ теперешнему наказанію и что было первымъ зародышемъ его, имѣло характеръ междуродовой войны, вполнѣ подобной теперешнимъ междугосударственнымъ войнамъ съ ихъ перипетіями. Родъ, обиженный и въ чемъ-либо потерпѣвшій, всегда дѣйствовалъ „за единъ братъ", какъ одинъ человѣкъ. Онъ шелъ съ войной-пограбленіемъ на обидчика,—столь же тѣсно объединенный чужой родъ,—и, руководимый исключительно злобнымъ чувствомъ, кроваво мстилъ и старался добыть отъ обидчика-чужака возможно большій искупъ за свою живо чувствуемую обиду, за свой вредъ. При этомъ, конечно, не существовало и не могло существовать никакой мѣры. Все зависѣло отъ злобнаго чувства мести и обусловливалось взаимными силами, ловкостью и находчивостью нападавшихъ и защищавшихся, какъ и въ современныхъ войнахъ между государствами.

Съ теченіемъ времени соплеменные роды, въ интересахъ взаимной защиты и совмѣстнаго нападенія, начали объединяться въ тѣсно сплоченное цѣлое, при чемъ зарождавшаяся государственная власть, въ какой бы формѣ она первоначально ни являлась, становилась посредникомъ-примирителемъ и для устраненія внутреннихъ неурядицъ устанавливала опредѣленные размѣры выкуповъ за обиды,—выкуповъ, въ общемъ слагавшихся изъ двухъ частей: изъ платы пострадавшему за причиненный ему вредъ и платы за судъ-посредничество. Первая въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія постепенно умаляется въ своемъ значеніи и нисходитъ до вознагражденія за вредъ и убытки нашего времени, а вторая послѣдовательно трансформируется въ штрафъ, различнаго рода казни и, наконецъ, въ исправительное наказаніе новѣйшаго времени.

Этотъ періодъ выкуповъ является вторымъ характернымъ періодомъ въ исторіи наказанія, въ теченіе котораго неограниченное удовлетвореніе чувства мести перваго періода мало по малу отступаетъ передъ зародившимся и развивающимся интересомъ сплочивающагося общества во внутреннемъ мирѣ, спокойствіи и порядкѣ.

Третій періодъ наступаетъ съ полнымъ образованіемъ военнаго государства, постепенно развившагося изъ государства племеннаго. Государь-военноначальникъ, которому особенно невыгодны были всякія внутреннія смуты, старался властной военной рукой предупредить и подавить внутреннія неурядицы и нарушенія заповѣданнаго имъ внутренняго мира, при помощи суровыхъ наказаній и жестокихъ казней, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ военному

духу и воззрѣніямъ государства того времени. Достаточно хотя бы припомнить, что еще въ XVI столѣтіи за праздность и бродяжество, которыя разсматривались, какъ общественная опасность, назначались пожизненное рабство, клеймленіе и смертная казнь. Нѣкоторое стремленіе къ установленію соразмѣрности воздаянія съ содѣяннымъ существовало и въ этомъ періодѣ, но соразмѣрности относительной, *чрезвычайно повышенной въ сторону воздаянія.* Стремились воздѣйствовать средствомъ, единственно понятнымъ и доступнымъ для людей того времени,—устрашеніемъ или, правильнѣе, терроризированіемъ,—какъ на злой произволъ самихъ лихихъ людей, такъ и другихъ, ихъ окружающихъ, чтобы и этимъ другимъ „не повадно было". Культура была низка, научныя знанія и правильное пониманіе природы человѣка и непреложныхъ законовъ, ею управляющихъ, отсутствовали, а съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо должна была отсутствовать возможность болѣе разумнаго и цѣлесообразнаго упорядоченія внутреннихъ неурядицъ.

Здѣсь должно замѣтить, что привходящими составными элементами понятій преступленія и наказанія явились также понятія грѣха и заглаживанія его страданіями, но въ разсмотрѣніе этихъ элементовъ я теперь вдаваться не стану, потому что это завлекло бы меня въ слишкомъ большія подробности.

Еще продолжающійся и въ настоящее время четвертый періодъ въ исторіи наказанія отмѣчается все болѣе обнаруживающейся наклонностью къ смягченію и даже существенному видоизмѣненію установленныхъ наказаній, въ стремленіи къ терроризирующему вліянію которыхъ человѣчество предшествующаго періода утратило даже подобіе чувства какой-либо мѣры. Это направленіе имѣло и имѣетъ свои глубокія причины.

Начало четвертаго періода относится ко второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Слѣдуетъ указать, что оно совпадаетъ съ началомъ усиленнаго развитія вскрывающихъ тайны природы положительныхъ наукъ вообще и наукъ о физической и психической природѣ человѣка, о природѣ общества и законовъ, ими управляющихъ, въ частности. Въ поступательномъ ходѣ своего развитія науки эти, исходящія отъ факта и его тщательнаго изученія и выясняющія въ явленіяхъ непреложное сцѣпленіе причинъ и слѣдствій, оказали и продолжаютъ оказывать сильное и все усиливающееся вліяніе на умы людей, а чрезъ нихъ и на всѣ стороны общественной жизни и въ томъ числѣ на мрачную область перешедшихъ отъ старины уголовныхъ наказаній.

Конечно, смѣна періодовъ, о которыхъ я говорю, не происходила съ такою полной правильностью, какъ въ изложеніи, и явленія одного порядка разомъ не вытѣсняли явленій порядка послѣдующаго. Въ дѣйствительности явленія, по существу своему относящіяся къ различнымъ періодамъ, сосуществуютъ нѣкоторое время: одни постепенно вымираютъ, а другія столь же постепенно развиваются, на подобіе двухъ послѣдующихъ поколѣній людей.

Не довольствуясь приведенными общими указаніями, вглядимся теперь, въ интересахъ правильной оцѣнки ближайшихъ задачъ общественной борьбы съ преступленіемъ, въ нѣкоторыя явленія подробностей занимающаго насъ четвертаго періода.

Все болѣе развивается и выдвигается на первый планъ идея исправленія, какъ главенствующая, первенствующая, если не единственная цѣль наказанія. Для подтвержденія достаточно указать на общее направленіе и содержаніе работъ уже шести международныхъ тюремныхъ конгрессовъ, въ которыхъ эта идея постепенно все яснѣе обнаруживается. Правда, при этомъ слышатся еще отголоски старины,— мысли о возмездіи, устрашающемъ терроризированіи и пр., но слышатся они большею частью, какъ побочные, ослабѣвшіе тоны. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникла и постепенно дальнѣйше развивается идея необходимости возможно большей индивидуализаціи примѣняемыхъ мѣръ исправленія и возможно большаго ихъ согласованія съ разнообразными особенностями природы отдѣльныхъ преступниковъ, которая начинаетъ тщательно и всесторонне изучаться. Обѣ эти идеи уже нашли свое болѣе полное осуществленіе въ примѣненіи къ исправительному воспитанію несовершеннолѣтнихъ, при чемъ предѣльный возрастъ примѣненія такого воспитанія отодвигался и отодвигается все далѣе, и теперь уже началъ охватывать почти всю продолжительность средней жизни человѣка, т. е. періодъ до 30, и даже болѣе, лѣтъ. По отношенію къ несовершеннолѣтнимъ въ собственномъ смыслѣ—если говорить вообще—можно даже утверждать уже, что уголовное наказаніе почти совсѣмъ исчезло и замѣнилось воспитаніемъ, которое все болѣе стремится стать медико-педагогическимъ, въ смыслѣ разсчитано-систематическаго стремленія къ устраненію недостаточностей и недочетовъ какъ физической, такъ и тѣсно связанной съ нею психической стороны.

Этимъ новое теченіе, однако, не ограничивается. Совмѣстное тщательное изученіе законовъ физической и психической жизни человѣка и законовъ явленій жизни общества, приводя къ твердому убѣжденію въ существованіи непреложной причинной зави-

симости и непоколебимаго соотвѣтствія особенностей факторовъ и особенностей производимыхъ ими результатовъ и въ этой области, порождаетъ, развиваетъ и ярко освѣщаетъ идею объ участіи, о винѣ и отвѣтственности самого общества за преступленія, въ немъ совершающіяся, и преступниковъ, въ немъ нарождающихся. Недостатками своего строя, отсутствіемъ въ немъ достаточныхъ разумныхъ заботъ о слабѣйшихъ, хотя бы, напримѣръ, о многочисленныхъ безпризорныхъ дѣтяхъ, и несправедливостями многихъ частей своей внутренней организаціи общество само создаетъ свои язвы и само содѣйствуетъ даже массовому оскудѣнію и вырожденію породы. Послѣднія, подтачивая физическія и душевныя силы, эту основу жизненныхъ успѣховъ и довольства, и создаютъ *главнымъ образомъ* тѣхъ „лихихъ людей", которые, при существующихъ условіяхъ общественной жизни, носятъ въ особенностяхъ своей натуры, въ особенностяхъ своего характера непосредственныя производящія причины совершаемыхъ ими преступленій и нарушеній установленнаго общественнаго порядка.

Все это породило и постепенно все болѣе укореняетъ другую основывающуюся на точномъ изученіи массовыхъ фактовъ великую идею, состоящую въ томъ, что единственными или почти единственными дѣйствительно надежными мѣрами борьбы съ преступленіемъ и преступностью, какъ и съ другими язвами общества, должны служить не суровыя наказанія, а широкія мѣры предупрежденія, мѣры общественно-государственнаго упорядоченія и оздоровленія, въ основѣ которыхъ заложенъ принципъ „живи и жить давай другимъ", и что въ числѣ этихъ мѣръ на одномъ изъ первыхъ мѣстъ должны стоять народное воспитаніе и образованіе, предназначенныя правильно развивать и исправлять характеры.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ основывающееся на быстромъ развитіи научныхъ знаній современное теченіе мыслей и чувствъ. Отсюда, какъ его непосредственное выраженіе,—понятіе объ огражденіи общества цѣлесообразными мѣрами отъ зла преступленія, какъ объ основной цѣли наказанія; отсюда—стремленіе дѣйствовать главнымъ образомъ широкими мѣрами предупрежденія и только подсобно, по отношенію къ народившимся уже преступникамъ,—мѣрами исправленія; отсюда—и стремленіе къ введенію напередъ неопредѣленныхъ въ ихъ срокахъ приговоровъ, на подобіе неопредѣленныхъ сроковъ леченія; отсюда и возникновеніе, по типу заведеній для несовершеннолѣтнихъ, реформаторій для взрослыхъ съ примѣняемыми въ нихъ началами медико-педаго-

гическаго воспитанія или перевоспитанія, руководствуясь которыми только и можно достигать послѣдняго, а изъ всего этого, какъ необходимое логическое слѣдствіе, переносъ центра тяжести въ субъективные моменты преступленія и въ періодъ времени, послѣдующій за приговоромъ.

Здѣсь сдѣлаю одну оговорку. Противъ существующихъ реформаторій для взрослыхъ слышатся многія возраженія. Не будучи лично знакомъ съ дѣятельностью этихъ заведеній, не возьму на себя смѣлости отрицать существованіе всякихъ основаній для высказываемыхъ возраженій. Замѣчу только, что указываемые недостатки, если они и существуютъ въ дѣйствительности, представляютъ собою недостатки практическаго осуществленія, вовсе не присущіе самой системѣ реформаторій, основанной на вполнѣ правильныхъ началахъ, безъ примѣненія которыхъ тюрьмы будутъ оставаться мѣстами для фабрикаціи преступниковъ за счетъ государства. Послѣ этого небезполезнаго замѣчанія пойдемъ далѣе.

Наконецъ, въ тѣснѣйшей связи съ указаннымъ мною современнымъ теченіемъ мыслей и чувствъ въ занимающей насъ области находится усиливающееся и оправдываемое опытомъ стремленіе изыскать по отношенію къ лицамъ, *до нѣкоторой степени* случайно впадающимъ въ преступленія, болѣе тонкіе способы воздѣйствія на ихъ субъективную сторону, нежели даже принудительное воспитаніе въ заведеніяхъ. Таковы условное осужденіе и нѣкоторыя другія вновь проектируемыя мѣры, имѣющія въ виду, по возможности, ограничить примѣненіе уголовныхъ наказаній, въ тѣсномъ значеніи послѣдняго слова.

Всѣмъ сказаннымъ вовсе не отвергается важное значеніе объективной стороны преступленія. Сторонѣ этой—къ ней я отношу всѣ внѣшнія проявленія того внутренняго процесса, который въ своемъ конечномъ результатѣ можетъ имѣть или имѣлъ уже совершеніе даннаго преступленія,—придается только иное болѣе надлежащее значеніе.

Внутренній, субъективный міръ человѣка, съ его особенностями и свойствами, недоступенъ нашему непосредственному наблюденію. Онъ открывается намъ только въ своихъ внѣшнихъ, объективныхъ проявленіяхъ, которыя даютъ возможность заглядывать въ него и посредственно оцѣнивать его по достоинству. Поэтому объективная сторона преступленія проявляетъ въ себѣ его субъективные моменты. Она служитъ и юридическимъ основаніемъ для возможности примѣненія исправительныхъ воздѣйствій и въ существующей стадіи

развитія, когда, по традиціи отъ минувшаго, все еще считается необходимымъ въ самомъ законѣ болѣе или менѣе точно опредѣлять мѣры взысканій,—она, быть можетъ, должна служить основаніемъ для опредѣленія максимальныхъ сроковъ этихъ воздѣйствій, въ зависимости отъ различій въ тяжести совершенныхъ дѣяній (американская система).

Здѣсь должно сдѣлать одно пояснительное замѣчаніе. Государство не воспрещаетъ подъ страхомъ наказанія всѣ безнравственныя и потому вредоносныя дѣянія; оно выдѣляетъ только нѣкоторыя, почему-либо представляющіяся болѣе опасными. При этомъ въ однихъ случаяхъ оно принимаетъ во вниманіе только внѣшнюю сторону и игнорируетъ сторону субъективную—это область полицейскихъ правонарушеній; о нихъ я не говорю теперь. Въ другихъ же случаяхъ оно требуетъ и наличности субъективныхъ моментовъ преступленія. Только эти послѣднія дѣянія я здѣсь и имѣю въ виду. Правильна ли такая двойственность отношенія,—вопросъ другой. Его я вовсе теперь не затрогиваю. Я просту исхожу отъ факта его существованія. Послѣ этого замѣчанія пойдемъ далѣе.

Изложенный выше ходъ развитія общественныхъ взглядовъ въ вопросѣ о роли и значеніи наказанія, *представляющій собою безспорный фактъ культурной исторіи человѣчества*, даетъ намъ достаточные элементы для оцѣнки такихъ теорій старой школы, какъ теоріи строго разграниченныхъ стадій въ осуществленіи преступленія и различныхъ, юридически разноцѣнныхъ формъ соучастія въ немъ, съ напередъ пріуроченными къ тѣмъ и другимъ устойчивыми различіями въ отвѣтственности. Главнѣйшая ошибка школы въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, состоитъ въ томъ, что она стремится выяснять не общія достаточно эластичныя руководящія начала, а желаетъ давать кристализованныя, если позволено такъ выразиться, общіе формулы и шаблоны, чтобы безразлично подводить подъ нихъ всѣ явленія, съ внѣшней стороны кажущіяся подобными. Отдѣльные случаи, конечно, могутъ иногда согласоваться съ этими общими формулами, обыкновенно выведенными изъ совершенно недостаточныхъ наблюденій, но громадное большинство случаевъ будетъ уклоняться отъ нихъ и притомъ въ различной мѣрѣ. Въ мірѣ явленій преступности, какъ въ мірѣ явленій вообще и въ мірѣ явленій болѣзни въ частности, все индивидуально, случай на случай не похожъ, и потому все требуетъ индивидуальныхъ изслѣдованій и такой же оцѣнки. Медицина уже сравнительно давно установила, что не существуетъ болѣзней, а существуютъ только больные, которые

требуютъ индивидуальнаго ухода и леченія. То же и въ области тѣхъ недочетовъ и недостатковъ психо-физической природы, которые, *при извѣстныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ окружающей жизненной обстановки*, проявляются, между прочимъ, и совершеніемъ преступленій. И новое теченіе, о которомъ я говорилъ и которое достаточно характеризовалъ выше, выдвинувъ на первый планъ необходимость изученія отдѣльныхъ преступниковъ и ихъ исправленіе, предполагающее индивидуализацію воздѣйствій, очевидно, должно вступить на тотъ же путь. Покушеніе, совершеніе, подстрекательство, виновничество, пособничество, даже въ одновидовыхъ преступленіяхъ, вовсе не являются всегда сами себѣ равными величинами. Напротивъ, во всей совокупности своихъ подробностей, которыми только и можетъ выясняться преступность личности—это истинное основаніе для уголовной отвѣтственности и примѣненія исправительныхъ воздѣйствій,—они представляются до крайности разнообразными и требуютъ индивидуальной оцѣнки въ каждомъ данномъ случаѣ. Поэтому всѣ эти внѣшнія проявленія важны лишь постольку, поскольку въ отдѣльныхъ случаяхъ они могутъ служить для оцѣнки внутренней преступности, которая, одна только, и является объектомъ дѣятельности, направленной на огражденіе общества отъ зла преступленія въ лицѣ уже народившихся преступниковъ.

Сами по себѣ различія въ стадіяхъ выполненія преступленія и въ формахъ соучастія имѣютъ очень относительное значеніе. Преимущественную важность представляетъ совокупность выяснившихся и выясняющихся обстоятельствъ, характеризующихъ внутреннюю преступность и опасность личности. По отношенію къ несовершеннолѣтнимъ, для которыхъ высшій предѣльный возрастъ отодвигается все далѣе, этотъ принципъ уже всецѣло получилъ общее признаніе. Когда къ несовершеннолѣтнему, по поводу совершеннаго имъ незначительнаго законопротивнаго дѣянія, примѣняется принудительно-исправительное воспитаніе до наступленія дѣйствительнаго исправленія или до наступленія максимальнаго предѣльнаго возраста, тогда самому дѣянію, какъ внѣшнему факту, придается значеніе только повода къ оцѣнкѣ испорченности несовершеннолѣтняго и опасности вліянія всей окружающей его обстановки на дальнѣйшее развитіе его личности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на степень его будущей опасности для общества. Тотъ же принципъ долженъ имѣть примѣненіе и въ исправительномъ наказаніи взрослыхъ. Одинъ, два, три и болѣе года, прошедшіе послѣ истеченія максимальнаго срока уголовнаго несовершеннолѣтія, очевидно, не должны приносить съ собою

кореннаго измѣненія въ самомъ существѣ отношеній общества къ лицу, совершившему законопротивное дѣяніе, какъ истеченіе этого срока не приноситъ съ собою и какого-либо кореннаго измѣненія въ законахъ внутренней жизни личности. Поэтому всѣ стадіи осуществленія преступнаго дѣянія и всѣ формы соучастія,—приготовленіе, болѣе или менѣе подвинувшееся впередъ покушеніе, совершеніе, подстрекательство, пособничество,—одинаково могутъ давать основаніе, въ зависимости отъ всей совокупности обстоятельствъ и степени проявленной и проявляемой преступности, для отбытія большей или меньшей части, или maximum'а наказанія, назначеннаго за данное преступное дѣяніе въ законѣ. При этомъ едва ли нужно говорить, что судъ долженъ чрезвычайно строго относиться къ оцѣнкѣ степени доказательности внѣшнихъ проявленій для признанія необходимости въ употребленіи крайней мѣры—уголовной кары. Широкое примѣненіе условнаго осужденія и другихъ формъ, смягчающихъ въ индивидуальныхъ случаяхъ тяжелую суровость уголовной репрессіи, представляется настоятельно необходимымъ въ интересахъ самого ограждаемаго общества. Не будемъ забывать мудраго правила древности: „во всемъ знай мѣру". Нарушеніе этого правила, имѣющаго въ своей основѣ законы природы, и приводитъ общество къ созданію обширныхъ тюремъ, которыя, какъ свидѣтельствуютъ весьма многіе факты, вслѣдствіе непосильности задачи приносятъ, быть можетъ, болѣе вреда, нежели пользы. Единственно же вполнѣ надежныя средства борьбы съ преступностью—широкія мѣры предупрежденія вообще и предупредительное воспитаніе въ частности.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ССЫЛКИ НА КАТОРГУ ВЪ РОССІИ.

Докладъ А. В. Витте.

Число сосланныхъ на каторгу за 13 лѣтъ (1886—1898 гг.) видно изъ нижеслѣдующей таблицы.

ГОДЪ	ВЪ СИБИРЬ							НА САХАЛИНЪ							ВСЕГО						
	Ссыльно-каторжные			Слѣдующіе за ними.				Ссыльно-каторжные			Слѣдующіе за ними				Ссыльно-каторжные.			Слѣдующіе за ними			
	М.	Ж.	Всего	М.	Ж.	Дѣт.	Всего	М.	Ж.	Всего	М.	Ж.	Дѣт.	Всего	М.	Ж.	Всего	М.	Ж.	Дѣт.	Всего
1886	1743	95	1838	—	240	456	696	1050	5 11	1165	1	73	134	208	2793	210	3003	1	313	590	904
1887	2156	131	2287	6	266	516	788	1050	107	1157	—	82	146	228	3206	238	3444	6	348	662	1016
1888	2578	129	2707	2	234	490	726	1053	106	1159	—	81	181	262	3631	235	3866	2	315	671	988
1889	1933	107	2040	3	194	352	549	1051	110	1161	—	120	226	346	2984	217	3201	3	314	578	895
1890	2020	127	2147	2	216	413	631	1051	89	1140	—	44	85	129	3071	216	3287	2	260	498	760
1891	2258	62	2320	2	156	323	481	1205	144	1349	—	91	207	298	3463	206	3669	2	247	530	779
1892	1108	66	1174	—	160	356	516	1381	109	1490	—	68	128	196	2489	175	2664	—	228	484	712
1893	1662	91	1753	1	124	304	429	1653	172	1825	—	162	220	382	3315	263	3578	1	286	524	811
1894	1256	84	1340	2	123	284	409	1604	142	1746	—	131	273	404	2860	226	3086	2	254	557	813
1895	1206	100	1306	4	77	208	289	1593	118	1711	—	89	152	241	2799	218	3017	4	166	360	530
1896	1242	66	1308	—	72	149	221	1339	138	1477	—	104	217	321	2581	204	2785	—	176	366	542
1897	1157	99	1256	4	100	212	316	1308	87	1395	—	95	221	316	2465	186	2651	4	195	433	632
1898	1281	68	1349	4	10	243	350	1363	95	1458	—	100	164	264	2644	163	2807	4	203	407	614
Всего	21600	1225	22825	30	2065	4306	6401	16701	1532	18233	1	1240	2354	3595	38301	2757	41058	31	3005	6660	9996
Въ среднемъ	1661	94	1755	2	159	331	492	1285	118	1403	—	95	181	276	2946	212	3158	2	254	512	768

Въ каторжныя тюрьмы, расположенныя въ Сибири, направляются: а) всѣ осужденные въ самой Сибири и смежныхъ съ нею губерніяхъ Европейской Россіи—Пермской и Вятской; б) евреи и еврейки; в) мужчины старше 55 л. и женщины старше 50 л.; г) неспособные по увѣчью, старости и дряхлости къ работѣ и д) не могущіе перенести морское плаваніе и страдающіе заразными болѣзнями.

Хотя такимъ образомъ на Сахалинъ поступаетъ, такъ сказать, „цвѣтъ" каторжныхъ, тѣмъ не менѣе, при изслѣдованіи врачомъ Бродовичемъ [1]) сахалинскихъ каторжныхъ, среди нихъ оказались 47% плохо упитанныхъ и 12% неспособныхъ къ труду по болѣзни (чахотка, грыжа, порокъ сердца, пораженіе конечностей и т. п.), кромѣ тѣхъ, которые помѣщены въ тюремныхъ больницахъ и богадѣльняхъ. Приписывая это явленіе отчасти невнимательному освидѣтельствованію каторжныхъ въ губернскихъ правленіяхъ, Главное Тюремное Управленіе въ 1890 г. распорядилось направлять въ Москву для переосвидѣтельствованія въ особо учрежденной для сего классификаціонной коммисіи всѣхъ каторжныхъ, признанныхъ губернскими правленіями пригодными для Сахалина, послѣ чего они еще въ третій разъ свидѣтельствуются передъ самой посадкой на пароходъ въ г. Одессѣ коммисіей, состоящей подъ предсѣдательствомъ инспектора Главнаго Тюремнаго Управленія. Результатомъ дѣятельности этихъ коммисій явилось значительное сокращеніе числа лицъ, направляемыхъ на Сахалинъ.

Изъ числа каторжныхъ, направляемыхъ въ Сибирь, мужчины холостые или одинокіе поступаютъ въ каторжныя тюрьмы № 1 и № 2, расположенныя въ г. Тобольскѣ, а остальные пересылаются въ распоряженіе Иркутскаго губернскаго правленія, которое осужденныхъ на болѣе краткій срокъ (обыкновенно, не свыше 8 лѣтъ) отсылаетъ въ Александровскую каторжную тюрьму (въ 60 в. отъ г. Иркутска), а остальныхъ—распредѣляетъ по каторжнымъ тюрьмамъ Нерчинскаго округа. Пересылка производится по Сибири частью по желѣзной дорогѣ, частью (отъ Тюмени до Тобольска) на пароходѣ, и только отправляемые въ Нерчинскія тюрьмы должны отъ 250 до 400 верстъ пройти пѣшкомъ (при чемъ для больныхъ и

---

[1]) Сопровождавшимъ б. Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія А. Саломона въ его путешествіи по Сибири и Сахалину (см. отчетъ А. Саломона, стр. 206—218).

увѣчныхъ мужчинъ, всѣхъ женщинъ и дѣтей, а равно и для багажа, нанимаются на счетъ казны подводы [1]).

Всѣ вновь вступающіе въ остроги каторжные зачисляются въ разрядъ „испытуемыхъ", изъ коего, при одобрительномъ поведеніи, переводятся въ разрядъ „исправляющихся", но не ранѣе слѣдующихъ сроковъ:

Осужденные	безсрочно	послѣ	8 л.,
„ „	на срокъ 15—20 л.	„	4 л.,
„ „	„ „ 12—15 л.	„	2 л.,
„ „	„ „ 6—12 л.	„	$1^1/_2$ г.,
„ „	„ „ 4— 6 л.	„	1 г.

Главное отличіе положенія „исправляющихся" отъ „испытуемыхъ" заключается въ томъ, что первые освобождены отъ ношенія кандаловъ и остающійся срокъ пребыванія ихъ въ каторгѣ сокращается на $^1/_6$. Затѣмъ слѣдующая льгота—право жить внѣ острога (не освобождаясь, однако, отъ обязательныхъ работъ), строить для себя домъ на землѣ острога и вступать въ бракъ—представляется каторжнымъ разряда „исправляющихся":

осужденнымъ на срокъ не менѣе	12 л.,	послѣ	3 л.
„ „ „ „ „	8 л.,	„	2 л.
„ „ „ „ „	4 л.,	„	1 г.

пребыванія въ отрядѣ исправляющихся. Такимъ образомъ въ каторжныхъ острогахъ издавна (съ 1845 г.) примѣняется своеобразная прогрессивная система, но, съ какимъ успѣхомъ,—покажетъ дальнѣйшее изложеніе.

---

[1]) Изъ отчета Главнаго Тюремнаго Управленія за 1899 г. (стр. 97) видно, что за перевозку арестантовъ по главному ссыльному тракту въ Сибири казна уплатила желѣзнымъ дорогамъ 125.497 р. 47 к.; кромѣ того, казна израсходовала на прокормленіе этихъ арестантовъ въ пути 75.667 р. 83 к., на снабженіе ихъ одеждою 41.671 р. 41 к., на леченіе, погребеніе ихъ и др. мелкіе расходы 48.210 р., а всего 291.046 р. 87 к. (сюда не вошли расходы на содержаніе конвойныхъ командъ, этапныхъ зданій и т. д.). За провозъ же моремъ изъ Одессы черезъ Суэзскій каналъ на о. Сахалинъ 910 арестантовъ (мужчинъ: каторжныхъ 679, бродягъ 63, поселенцевъ 6; женщинъ: каторжныхъ 133, бродягъ 8, поселенокъ 21) уплачено „Добровольному флоту" 194.312 р. и еще за провозъ 349 добровольно слѣдующихъ за ссыльными лицъ 30.040 р.; кромѣ того, содержаніе іеромонаховъ, сопровождающихъ партіи ссыльныхъ, обошлось въ 1.542 р. 63 к., содержаніе врачей, фельдшеровъ и т. д. 2.250 р. и на лекарства потрачено 342 р. 6 к., итого 228.487 р. 66 к., или на одного человѣка 181 р. 48 к. (безъ продовольствія и одежды арестантовъ и содержанія конвоя).

А. Тобольская и Иркутская каторга.

Каторжныя тюрьмы устроены:

Тобольская № 1 на 410 чел., № 2 на 350 чел. и Александровская на 1010 чел.; въ дѣйствительности же въ 1900 г. въ нихъ содержалось въ среднемъ: въ первой 335 ч., во второй—212 ч. и въ третьей 1255 ч.

Б. Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія А. Саломонъ, ревизовавшій въ 1898 г. тобольскія каторжныя тюрьмы, нашелъ, что устройство и эксплоатація мастерскихъ, изъ коихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ сукновальня, вполнѣ удовлетворительны, особенно въ тюрьмѣ № 1. Дѣйствительно, изъ послѣдняго отчета тобольскихъ каторжныхъ тюремъ за 1900 г. видно, что затрачено поденщинъ (въ тюрьмѣ № 1) на внутреннія работы—53.021, а на хозяйственныя 8.119, а въ тюрьмѣ № 2 на внутреннія работы—21.149, а на хозяйственныя—11.553, при чемъ арестантами заработано: въ тюрьмѣ № 1—5721 р. 85 к., а въ тюрьмѣ № 2—2001 р. 41 к.

Менѣе удовлетворительно поставлены работы въ Александровской каторжной тюрьмѣ, судя по отзыву А. Саломона, который въ своемъ отчетѣ пишетъ слѣдующее:

„Въ представленной мнѣ при посѣщеніи тюрьмы раскомандировкѣ каторжныхъ значилось, что изъ числа 526 здоровыхъ и способныхъ къ труду арестантовъ не занято работами 68. Изъ остальныхъ 458 показаны были занятыми строительными работами 140, заготовленіемъ арестантской одежды 34, прочіе же 284, т. е. болѣе 50% всего рабочаго состава тюрьмы, хозяйственными работами самыхъ разнообразныхъ наименованій. Путемъ провѣрки раскомандировки я пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) показанные не работающими арестанты суть люди, которыхъ начальство тюрьмы не рѣшается выпустить на внѣшнія работы, опасаясь побѣговъ; они проводятъ время въ полной праздности;

2) хозяйственныя работы могутъ быть раздѣлены на 2 группы: а) работы по хозяйству въ собственномъ смыслѣ слова (варка пищи, поддержаніе чистоты, уходъ за казеннымъ имуществомъ) и б) командировка къ разнымъ „обязанностямъ“, въ родѣ караульныхъ, прислуги у чиновниковъ, звонаря и трапезника при церкви, фотографа и т. д.; фактически большая часть многочисленныхъ хозяйственныхъ рабочихъ проводитъ время въ праздности; особенно относится это до „командированныхъ по обязанностямъ“, которыхъ

зачастую можно видѣть часами ничего не дѣлающими и покуривающими свои трубки въ самомъ благодушномъ настроеніи;

3) при тюрьмѣ существуютъ незначительныя столярная и слесарная мастерскія, въ коихъ производятся разныя подѣлки для надобностей тюрьмы и исполняются частные заказы".

Къ числу достоинствъ администраціи Александровской каторжной тюрьмы (во главѣ тюрьмы стоитъ человѣкъ, самъ бывшій въ положеніи ссыльнаго за участіе въ польскомъ мятежѣ 1863 г.) относится ея гуманное обращеніе съ каторжными: глазъ пріятно пораженъ отсутствіемъ бритыхъ головъ [1]) и людей, закованныхъ въ кандалы; тѣлесныя наказанія уже много лѣтъ, какъ не примѣняются вовсе. За всѣмъ тѣмъ тюрьма не производитъ впечатлѣнія распущенности.

Въ вѣдѣніи администраціи Александровской каторжной тюрьмы находились и команды каторжныхъ, работавшія въ 1894—1897 г.г. на постройкѣ Сибирской желѣзной дороги близъ Иркутска. Благодаря установленному за эти работы болѣе крупному денежному вознагражденію, улучшенному питанію и сокращенію срока каторги (2 рабочихъ дня на постройкѣ дороги считаются за 3 дня каторжныхъ работъ) каторжные всѣ наперерывъ рвались на эти работы. Выбравъ изъ числа ихъ лицъ, наиболѣе достойныхъ такихъ льготъ, тюремная администрація одной лишь угрозой возвратить въ Александровскую тюрьму искусно поддерживала образцовый порядокъ въ каторжныхъ желѣзнодорожныхъ командахъ: за четыре года ими не было совершено ни одного преступленія, а побѣговъ учинено не болѣе пятнадцати.

Заработокъ каторжныхъ на желѣзнодорожныхъ работахъ виденъ изъ нижеслѣдующей таблицы:

Годъ.	Число рабочихъ. Каторжныхъ.	Число рабочихъ. Срочныхъ арест.	Число рабочихъ дней.	Сумма заработка. Рубли.	Коп.
1894	418	98	46945	7072	42
1895	430	66	73044	15874	40
1896	952	84	48007	9034	61
1897	187	15	14804	2647	25

Окарауливались эти команды каторжныхъ первоначально конвойными солдатами, но затѣмъ послѣднихъ замѣнили тюремными над-

---

[1]) По закону, у каторжныхъ должна быть выбрита правая, а у ссыльнопоселенцевъ лѣвая половина головы.

зирателями по разсчету 1 младшаго надзирателя на 20 каторжныхъ и 1 старшаго на всю команду.

Самою слабою стороною какъ Тобольской, такъ и Иркутской каторги является отсутствіе какихъ-либо заботъ объ участи оканчивающихъ срокъ каторжныхъ работъ, переводимыхъ на поселеніе на 10 лѣтъ [1]) въ селенія Енисейской и Иркутской губерній. Вотъ какъ описываетъ статсъ секретарь Куломзинъ въ своемъ отчетѣ, представленномъ 23 февраля 1899 г. Государю Императору, положеніе этихъ лицъ, не пользующихся никакими пособіями со стороны казны: „Разсчитывать на благопріятные результаты по устройству ихъ быта путемъ приселенія ихъ къ деревнямъ старожиловъ представляется совершенно невозможнымъ. Отвращеніе самихъ поселенцевъ отъ прочной осѣдлости является фактомъ, не допускающимъ сомнѣнія. Въ тѣхъ же сравнительно немногочисленныхъ случаяхъ, когда поселенецъ не отказывается отъ земли и выражаетъ охоту устроиться на ней, препятствіемъ является недоброжелательное отношеніе старожиловъ: фактическое пользованіе земельными угодіями опредѣляется въ каждомъ селеніи по усмотрѣнію общества, а потому поселенцы не получаютъ конечно готовой пашни, а должны сами или расчистить землю изъ подъ лѣса, или поднять землю въ степи; въ другихъ селеніяхъ поселенцы въ первые 3 года по причисленіи не получаютъ никакого надѣла. И есть наконецъ селенія, которыя, ссылаясь на утѣсненіе въ землѣ, ссыльныхъ къ пользованію ею совершенно не допускаютъ. Такимъ образомъ установленное закономъ поселеніе въ большинствѣ случаевъ фактически сводится къ причисленію поселенца къ той или другой волости, къ явкѣ его на мѣсто приписки и къ возможно скорому полученію паспорта съ цѣлью отлучки для пріисканія заработковъ. Помѣщаемое въ паспортѣ указаніе, что предъявитель сего „поселенецъ“, крайне затрудняетъ пріисканіе мѣста и полученіе занятій. Остается питаться воровствомъ или инымъ сходнымъ промысломъ, въ лучшемъ случаѣ нищенствомъ, и въ результатѣ—сибирскія тюрьмы переполнены поселенцами“.

---

[1]) При одобрительномъ поведеніи 10-лѣтній срокъ можетъ быть сокращенъ до 6 лѣтъ.

Б. Нерчинская каторга.

Каторга эта подробно изслѣдована лѣтомъ 1898 года г. Начальникомъ Главнаго Тюремнаго Управленія, который въ своемъ отчетѣ, напечатанномъ въ № 10 „Тюремнаго Вѣстника“ за 1900 г. (стр. 417—485), даетъ слѣдующую характеристику ея.

Сибирская каторга, въ традиціонномъ значеніи этого слова, сохранилась только въ Кабинетскихъ сребросвинцовыхъ рудникахъ Нерчинскаго горнозаводскаго округа.

По своей организаціи, съ центральнымъ управленіемъ въ Горномъ Зерентуѣ, зависящими отъ него тюрьмами Мальцевской (5 верстъ) [1]), Кадаинской (36 в.), Кутомарской (61 в.), Алгачинской (159 в.), Александровской (160 в.) и Акатуйской (174 в.) и состоящими при нихъ, спеціально для сего учрежденными, воинскими командами,—Нерчинская каторга представляетъ весьма стройно и цѣлесообразно задуманное цѣлое. За исключеніемъ Александровской, долженствовавшей служить богадѣльней, тюрьмы эти устроены или при рудникахъ, или (Кутомарская) при серебро-плавильномъ заводѣ, чѣмъ обезпечивается занятіе преступниковъ тяжелыми, но производительными работами. Какъ бы завершеніемъ организаціи, въ духѣ дѣйствующаго законодательства, является образованіе изъ отбывшихъ срокъ работъ преступниковъ поселеній, каковыхъ существуетъ два: Михайло-Никольское близъ Алгачей и Сергіевское близъ Кутомарскаго завода. Наконецъ въ устройствѣ Горно-Зерентуйскаго пріюта выразилось попеченіе о дѣтяхъ ссыльно-каторжныхъ.

Несмотря на такіе, казалось бы, прочные залоги преуспѣянія, положеніе Нерчинской каторги приходится, однако, признать во многихъ отношеніяхъ крайне неудовлетворительнымъ.

На 1-е августа 1898 г. въ тюрьмахъ Нерчинской каторги содержалось 1.390 человѣкъ, которые слѣдующимъ образомъ распредѣлялись по мѣстамъ заключенія.

---

[1]) Цифры въ скобкахъ обозначаютъ разстояніе отъ Горнаго Зерентуя.

НАИМЕНОВАНІЕ ТЮРЕМЪ.	Здоровыхъ. Тюремнаго разряда.		Внѣ-тюремнаго разряда.		Больныхъ.		Итого
	м.	ж.	м.	ж	м.	ж.	
Горно-Зерентуйская. . .	230	—	91	66	29	6	422
Мальцевская. . . .	—	—	72	29	—	—	101
Кадаинская. . . .	183	—	51	18	—	—	252
Кутомарская. . . .	—	—	100	5	—	—	105
Алгачинская. . . .	250	63	14	48	25	11	378
Александровская . . .	—	—	—	—	—	—	—
Акатуйская . . .	87	—	28	11	6	—	132
	717	63	356	177	60	17	1390

Изъ этой таблицы видно, что въ отношеніи распредѣленія по разрядамъ есть рѣзкая разница между мужчинами и женщинами. Къ внѣ-тюремному разряду изъ 1073 мужчинъ принадлежитъ 356 или 33%; женщинъ же изъ 240 — 179 или 73, 7%. По части перечисленія каторжныхъ женщинъ во внѣ-тюремный разрядъ нужна еще большая осмотрительность, чѣмъ при перечисленіи мужчинъ, ибо существующая организація внѣ-тюремнаго разряда несомнѣнно способствуетъ разврату.

Обращаясь къ наиболѣе важному въ дѣлѣ устройства каторги предмету, къ организаціи труда преступниковъ, остановлюсь сперва на работахъ горныхъ, въ которыхъ заключается смыслъ и цѣль сосредоточенія каторги въ Нерчинскомъ округѣ.

Во время посѣщенія мною каторги, горными работами было занято въ Горномъ Зерентуѣ—25 чел., въ Мальцевскомъ рудникѣ—26 чел., въ Кадаѣ—85 чел., въ Алгачахъ—35 чел., въ Акатуѣ—10 чел., всего, слѣдовательно 181 человѣкъ или 13% общаго числа каторжныхъ. Если взять процентное отношеніе за нѣсколько лѣтъ (съ 1892 по 1897 г.г.), то окажется, что оно колеблется между 14,7% (въ 1895 г.) и 23,8% (въ 1894 г.). Иными словами, на Нерчинской каторгѣ, спеціально предназначенной для рудничныхъ работъ, этими-то работами занято лишь незначительное меньшинство преступниковъ [1]).

---

[1]) И вотъ для того, чтобы дать работу сотнѣ-другой каторжныхъ, казна несла и несетъ колоссальныя денежныя жертвы. Въ 1869 г. между Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и Кабинетомъ Его Императорскаго Величества со-

При ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что это не есть какое-либо случайное явленіе. Изъ объясненій съ назначеннымъ сопровождать меня горнымъ инженеромъ я пришелъ къ заключенію, что при полномъ напряженіи силъ количество горныхъ работъ можетъ быть увеличено въ довольно незначительной степени. Въ самомъ богатомъ рудникѣ—Кадаинскомъ—можетъ быть занято не болѣе 200 человѣкъ, всего же на Нерчинской каторгѣ не болѣе 300—350 человѣкъ. Если прибавить къ этому, по самому широкому разсчету еще 100 человѣкъ для работъ на Кутомарскомъ заводѣ, то получается общая цифра въ 400—450 каторжныхъ, которыхъ можно бы пріурочить къ горнымъ работамъ. Отсюда естественно возникаетъ вопросъ, что же дѣлается, чтобы занять работами остальную, большую часть ссылаемыхъ на Нерчинскую каторгу преступниковъ. Разсматривая раскомандировки рабочихъ и провѣряя ихъ затѣмъ путемъ осмотра работъ и опроса людей, я пришелъ къ довольно невыгоднымъ заключеніямъ.

Въ Горно-Зерентуйской тюрьмѣ 18 августа 1898 года содержалось 463 преступника. Изъ нихъ было здоровыхъ: мужчинъ 350, женщинъ—65; больныхъ обоего пола—44; заключенныхъ въ карцеръ—4.

Изъ числа здоровыхъ 350 мужчинъ оставались безъ всякихъ работъ „по неспособности и слабосилію“ 79 человѣкъ. Въ составѣ остальныхъ 271 горными работами было занято 25 человѣкъ. Такимъ образомъ, не входя въ оцѣнку того, правильно или нѣтъ были освобождены отъ работъ помянутые 79 человѣкъ, представляется

стоялось соглашеніе о возобновленіи Нерчинскихъ сребросвинцовыхъ рудниковъ для работъ ссыльно-каторжныхъ съ тѣмъ, чтобы потребные для подготовленія рудниковъ расходы и всѣ убытки отъ работъ относились на счетъ тюремнаго вѣдомства. Къ разработкѣ Нерчинскихъ рудниковъ трудомъ каторжныхъ приступлено было лишь въ 1883 г., и съ этого времени за подготовленіе рудниковъ для работъ каторжныхъ выплачено Кабинету Его Императорскаго Величества—417.706 р. и еще предстоитъ уплатить за однѣ только операціи 1895—1898 г.г 90.039 руб., а всего 507.745 р. Кромѣ того, тюремное вѣдомство возмѣстило уже Кабинету Его Императорскаго Величества убытки отъ работъ за 1883—1892 г.г. въ суммѣ 74.866 р. и обязано еще вознаградить за убытки 1893—1897 г.г. въ суммѣ 101.914 р., а всего 176.780 р. При этомъ замѣчательно, что убытки съ каждымъ годомъ все возрастаютъ: въ то время какъ въ 1883—1895 г.г. они равнялись въ среднемъ въ годъ 9000 р. въ 1896—1897 г.г. они достигали почтенной суммы 59.695 р., заработано же было ссыльно-каторжными по добыванію руды и выплавкѣ чугуна: въ 1896 г.—12.408 р. 67 к., въ 1897 г.—12.736 р 21 к.; въ 1898 году—16.218 р., въ 1899 году—17.137 руб. 68 коп.

интереснымъ выяснить, чѣмъ были заняты 246 каторжныхъ, совершенно здоровыхъ, способныхъ къ работѣ, но не нашедшихъ примѣненія своему труду въ рудникахъ. Сводя въ нѣсколько группъ значащіяся въ раскомандировкѣ разнообразныя занятія, оказывается:

Занятыхъ варкой пищи и хлѣбопеченіемъ . .	12 чел.
Занятыхъ уходомъ за тюремными помѣщеніями и поддержаніемъ чистоты. . . .	40 „
Прислуги въ лазаретѣ.	12 „
При лошадяхъ и быкахъ, а также водовозовъ и дрововозовъ	16 „
Сторожей и караульщиковъ	22 „
При управленіи каторгою (разсыльныхъ, писарей, прислуги).	10 „
Прислуги у чиновниковъ	5 „
Итого. .	86 чел.

Такимъ образомъ домашній расходъ составлялъ 24,5% общаго числа здоровыхъ арестантовъ и 34,9% числа годныхъ къ работамъ.

Въ составѣ остальныхъ, показанныхъ работающими, арестантовъ 34 человѣка были заняты шитьемъ и починкой арестантской одежды и обуви [1]). Это собственно единственные люди, которые пріурочены къ труду въ болѣе или менѣе организованныхъ и постоянныхъ мастерскихъ; прочіе были заняты или случайными работами по своимъ спеціальностямъ (плотники, столяры, бондари и т. п.) или же работами черными и тоже случайными (утрамбовкою тюремнаго двора, вязкою вѣниковъ).

Что касается до 65 здоровыхъ женщинъ, то 26 изъ нихъ служатъ прислугами у чиновниковъ, 3—въ пріютѣ; затѣмъ 10 были заняты шитьемъ бѣлья, 3—стиркою, остальныя—работами случайными.

Тотъ же характеръ имѣютъ раскомандировки рабочихъ и во всѣхъ другихъ тюрьмахъ Нерчинской каторги. Провѣрка раскомандировокъ обнаружила, сверхъ того, что такъ называемыя домашнія и хозяйственныя работы даютъ слишкомъ мало занятій. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти работы оканчиваются до обѣда, осталь-

---

[1]) Которые заработали на этихъ работахъ въ 1896 г.—3538 р. 83 к., въ 1897 г.—4853 р. 80 к, въ 1898 г.—4730 р. 92 к. и въ 1899 г.—3652 р. 47 к. (отчеты Главнаго Тюремнаго Управленія за 1896—1899 г.г.).

ную же часть дня арестанты проводятъ въ полной праздности. Сплошь и рядомъ они не могли дать мнѣ толковаго отвѣта о предметѣ своей работы: „занятъ по дому“, „занятъ, чѣмъ прикажутъ“. Въ одной изъ тюремъ я обнаружилъ, что пѣвчіе, какъ таковые, освобождены отъ всякихъ работъ. Арестантъ, знающій какое-нибудь мастерство, въ лучшемъ случаѣ работаетъ по частнымъ заказамъ въ свою пользу.

Такимъ образомъ можно смѣло сказать, что на Нерчинской каторгѣ господствуетъ безработица и, конечно, со всѣми свойственными этому явленію послѣдствіями [1]).

Что касается служебнаго персонала Нерчинской каторги, то я пораженъ былъ тѣмъ, какъ мало начальники тюремъ освѣдомлены о ввѣренныхъ имъ арестантахъ.

На Нерчинской каторгѣ мнѣ постоянно приходилось наблюдать, что начальники тюремъ бывали не въ состояніи сдѣлать сколько-нибудь обстоятельныя характеристики вызывавшихся мною арестантовъ. Иные изъ нихъ, видимо, не отдавали себѣ даже отчета въ томъ, зачѣмъ это нужно. При такомъ отношеніи къ дѣлу, объ осуществленіи какихъ-либо пенитенціарныхъ задачъ не можетъ быть и рѣчи [2]).

Надзоръ за арестантами Нерчинской каторги раздѣляется между тюремными надзирателями и спеціальными воинскими командами, которымъ присвоено названіе „конвойныхъ“: на нихъ возложено содержаніе наружныхъ караульныхъ постовъ, окарауливаніе арестантовъ на внѣшнихъ работахъ и подавленіе могущихъ произойти массовыхъ безпорядковъ. Во время посѣщенія мною Нерчинской каторги тюремныхъ надзирателей было 118.

Воинскихъ командъ на каторгѣ—5, въ составѣ: 12 офицеровъ, 766 строевыхъ и 16 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ [3]).

---

[1]) Въ вѣдѣніи администраціи Нерчинской каторги имѣются еще подвижныя ссыльно-каторжныя команды, работающія на постройкѣ Забайкальской желѣзной дороги. Командами этими заработано было въ 1896 г.—82622 р. 51 к. (468 каторжниками), въ 1897 г.—93918 р. 81 к. (393 кат.), въ 1898 г.—75814 р. 36 к. (411 кат.), въ 1899 г.—48394 р. 75 к. (146 кат.), какъ это видно изъ отчетовъ Главнаго Тюремнаго Управленія за 1896—1899 г.г.

[2]) Къ чести администраціи Нерчинской каторги слѣдуетъ отмѣтить то, что въ 1899 г. не было ни одного случая примѣненія тѣлеснаго наказанія къ каторжнымъ (отчетъ Главнаго Тюремнаго Управленія 1899 г., стр. 177).

[3]) Такимъ образомъ на 1390 ссыльно-каторжныхъ приходится 900 надзирателей и конвойныхъ, окарауливающихъ ихъ.

Подобная организація надзора весьма несовершенна, что̀ нетрудно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Работаютъ на открытомъ мѣстѣ 7 пильщиковъ: ихъ охраняютъ 5 солдатъ съ ружьями и 1 надзиратель. Ведутъ телѣжку, нагруженную кирпичемъ, 8 арестантовъ: ихъ сопровождаютъ 5 солдатъ съ ружьями и 1 надзиратель. Два арестанта идутъ принимать припасы изъ склада: ихъ конвоируютъ два солдата съ ружьями и 1 надзиратель. Эти цифры говорятъ за себя, свидѣтельствуя о преувеличенности наряда чиновъ надзора. Между тѣмъ при существованіи воинской охраны иначе быть не можетъ. Отъ часоваго нельзя требовать того, что̀ должно требовать отъ надзирателя, т. е. знанія людей, ввѣренныхъ его надзору, подвижности, умѣнья прислушиваться къ полу-словамъ, къ намекамъ, способности по взглядамъ, по выраженію лицъ, догадываться о томъ, что̀ затѣвается. Недостатокъ этихъ внутреннихъ качествъ восполняется, при воинской охранѣ, количествомъ часовыхъ [1]). Казалось бы поэтому желательнымъ отказаться отъ воинской охраны нерчинскихъ каторжниковъ и перейти къ обыкновенному тюремному надзору. Но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и условіяхъ это представляется невозможнымъ.

Несмотря на размѣры надзирательскаго жалованья (отъ 300 до 600 р.), значительно превышающіе оклады, установленные въ Европейской Россіи, въ Забайкальской области оказывается крайне затруднительнымъ найти за такое вознагражденіе подходящихъ кандидатовъ на должности тюремныхъ надзирателей. Въ виду этого приходится сохранить воинскую охрану, какъ болѣе дешевую, не смотря на присущія ей неудобства [2]).

---

[1]) Тѣмъ не менѣе число побѣговъ на Нерчинской каторгѣ весьма значительно, какъ это видно изъ нижеслѣдующей таблицы.

ГОДЪ.	Бѣжало. Изъ тюремъ.	Бѣжало. Съ жел. дор. раб.	Поймано.
1896	28	4	—
1897	97	2	—
1898	38	7	20
1899	44	23	56

(Отч. Главн. Тюр. Упр. за 1896—1899 г.г.).

[2]) Изъ смѣты Министерства Юстиціи по тюремной части на 1900 г. видно, что казною ассигновано было по Нерчинской каторгѣ: а) на содержаніе администраціи—50,736 р., б) на разъѣзды и канцелярію—17,430 р., в) на содержаніе надзирателей 46,820 р. 80 к. и г) на содержаніе конвойной стражи 113,969 р.,

Больнымъ мѣстомъ Нерчинской каторги является положеніе добровольно послѣдовавшихъ въ ссылку семействъ преступниковъ. О тѣхъ лишеніяхъ, которымъ подвергаются эти семейства, о развращающемъ вліяніи, которое оказываетъ на нихъ неизбѣжное соприкосновеніе съ тюремною средою, говорено и писано было много. То, что̀ можно было сдѣлать, чтобы ослабить это зло, уже сдѣлано; совсѣмъ устранить его было бы возможно путемъ коренной мѣры, предложить которую очень трудно, несмотря на сознаніе ея пользы. Я разумѣю воспрещеніе семействамъ слѣдовать въ ссылку за преступниками. Высоки и святы чувства, побуждающія женъ раздѣлять судьбу своихъ осужденныхъ на тяжкое наказаніе мужей, страдать вмѣстѣ съ дѣтьми, лишь бы не разорвать семейныхъ узъ, освященныхъ Богомъ; но когда познакомишься съ бытомъ этихъ семействъ на каторгѣ, то невольно возникаетъ вопросъ, благоразумно, человѣчно, нравственно ли допускать эти жертвы.

Семейства каторжныхъ живутъ въ выстроенныхъ ими или купленныхъ отъ вышедшихъ на поселеніе лачугахъ, носящихъ, по матеріалу изъ котораго онѣ построены, названіе мазанокъ, землянокъ, каменушекъ. Я затрудняюсь описать эти постройки, нужно ихъ видѣть, напр., въ Алгачахъ, прилѣпленныя къ крутому скату горы, тѣсныя, грязныя, дымныя, съ щелями въ стѣнахъ, безпорядочно сложенныхъ изъ дикаго камня, съ крошечными оконцами, которыя даже лѣтомъ скудно пропускаютъ дневной свѣтъ и всегда доступны для дождя и вѣтра; нужно пройтись между безпорядочно разбросанными мазанками возникшей при Горно-Зерентуйской тюрьмѣ „слободы Обираловки“, чтобы понять, что жить въ такихъ условіяхъ можно только подъ давленіемъ гнетущей нищеты. И дѣй-

---

итого 228,955 р. 80 к. Если присчитать къ этому суммы, ассигнованныя: а) на отопленіе и освѣщеніе зданій—35,327 р., б) на содержаніе ихъ въ чистотѣ—1952 р., в) на продовольствіе арестантовъ—121,648 р., г) на одежду и обувь—23,300 р., д) на мытье арестантовъ и стирку бѣлья—993 р., е) на бритье и стрижку 432 р., ж) на леченіе и погребеніе умершихъ 28,158 р., з) на расходы по работамъ 9,656 р., и) на перевозку по Забайкалью больныхъ каторжныхъ и грузовъ 4,800 р. і) другіе расходы—1,725, итого 227,991 р., то получится сумма 456,946 р. 80 к. Если же принять во вниманіе, что въ 1900 г. среднесуточный составъ каторжныхъ на Нерчинской каторгѣ равнялся 2020 чел., то содержаніе одного каторжнаго обходилось въ годъ казнѣ въ 226 р. 91 к., между тѣмъ какъ въ Европейской Россіи въ 1900 г. на это тратилось: въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ 96 р. 19½ к., а въ тюрьмахъ 93 р. 54½ к. въ годъ на арестанта.

ствительно нищета есть самый характерный признакъ быта семействъ каторжныхъ. Средствъ заработка почти никакихъ; одна надежда на казенное пособіе, которое выдается въ размѣрѣ 25—35 фунтовъ муки въ мѣсяцъ на ребенка [1]). Иногда, какъ въ Горномъ Зерентуѣ, бѣднѣйшимъ семействамъ разрѣшаютъ жить въ бракѣ внѣ тюремнаго разряда. А между тѣмъ мужья, сидящіе въ тюрьмѣ, ожидаютъ отъ своихъ женъ „облегченія ихъ тяжелой участи", т. е. чаю, сахару и печеныхъ булокъ. Можно ли удивляться, что въ погонѣ за деньгами жены каторжныхъ прибѣгаютъ къ разнымъ нелегальнымъ способамъ, въ родѣ продажи водки, или же торгуютъ собою. Единственное, можетъ быть, вліяніе семействъ состоитъ въ томъ, что семейные каторжники обыкновенно не совершаютъ побѣговъ. Грубость и черствый эгоизмъ мужей, апатичное безразличіе или въ циничномъ разгулѣ выражающійся протестъ женъ—вотъ обычныя черты отношеній между каторжными и ихъ семьями.

Каково при такихъ условіяхъ положеніе дѣтей, каково вліяніе на нихъ окружающей среды, представить себѣ нетрудно. Нельзя, поэтому, не привѣтствовать съ глубокимъ сочувствіемъ великодушнаго почина и дѣятельности состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны Общества попеченія о семьяхъ ссыльно-каторжныхъ, въ вѣдѣніи коего находится Горно-Зерентуйскій пріютъ.

Въ пріютъ принимаются, кромѣ сиротъ, дѣти обоего пола тѣхъ семействъ каторжныхъ, которыя пожелаютъ отдать ихъ туда.

Въ принципѣ, конечно, нежелательно разрывать связь родителей, хотя бы и каторжныхъ, съ ихъ дѣтьми; но должно сказать, что даже въ той слабой степени, въ какой сохраненіе этой связи допускается (т. е. въ видѣ разрѣшенія родителямъ, какъ добровольно послѣдовавшимъ за ссыльными, такъ и самимъ каторжнымъ внѣ тюремнаго разряда, свиданія съ дѣтьми въ пріютѣ, разъ въ двѣ недѣли)—связь эта представляетъ едва ли не самое больное мѣсто пріюта.

Хотя свиданія родителей съ дѣтьми происходятъ въ присутствіи надзирателей или надзирательницъ и ограничены короткимъ временемъ, тѣмъ не менѣе вліяніе этихъ свиданій на воспитанниковъ пріюта сводится къ пробужденію въ нихъ воспоминаній о

---

[1]) На это затрачено было: въ 1898 г.—2.874 р. 67 к., а въ 1899 г.—2.229 р. 84 к. (отч. Гл. Тюр. Упр. 1898—1899 г.г.).

прошломъ и къ духовному возвращенію ихъ въ ту среду, изъ которой, для ихъ же блага, имъ бы слѣдовало быть навсегда изъятыми.

Вліяніе этого прошлаго и этой среды ярко выражается въ чрезвычайной испорченности питомцевъ пріюта въ моментъ поступленія ихъ туда. Достаточно сказать, что игра въ убійство—одна изъ ихъ любимыхъ. Перевоспитаніе дѣтей достигается лишь громаднымъ трудомъ начальницы пріюта, трудомъ тѣмъ большимъ, что близость тюрьмы часто парализуетъ ея усилія.

Внутренній режимъ этого заведенія, учебная программа, обученіе мастерствамъ—цѣлесообразны и удовлетворительны.

Остается сказать нѣсколько словъ о существующихъ въ Нерчинскомъ горномъ округѣ поселеніяхъ, образованныхъ, при матеріальной поддержкѣ казны, изъ каторжныхъ, отбывшихъ наказаніе. Таковыхъ—три: поселокъ Михайло-Никольскій, близъ Алгачей, поселокъ Сергіевскій, близъ Кутомарскаго завода, и поселокъ Ундурги, близъ Усть-Кары.

Въ поселкѣ Михайло-Никольскомъ только 10 домохозяевъ суть земледѣльцы въ собственномъ смыслѣ слова. Эти десять домохозяевъ воздѣлываютъ въ общей сложности $31^1/_4$ десятины земли (не менѣе $1^1/_2$, не болѣе 5) и имѣютъ—49 лошадей (не менѣе 1, не болѣе 9) и 104 штуки рогатаго скота (не менѣе 2, не болѣе 21).

Сергіевскій поселокъ былъ основанъ въ мѣстности [1]) болотистой съ почвой глинистой, для хлѣбопашества невозможной. Въ виду этого, черезъ два года было разрѣшено перенести поселокъ на другое мѣсто, гдѣ оказалось уже 45 домохозяевъ, а 6 остались пока на старомъ мѣстѣ.

Изъ числа 45 домохозяевъ совершенно не занимались земледѣліемъ 10 человѣкъ, изъ остальныхъ же 35 воздѣлывали собственную землю и сверхъ того нанимали въ сосѣднихъ селеніяхъ. Всего воздѣлывалось земли $43^7/_8$ десятины. Наименьшее количество воздѣлываемой однимъ домохозяиномъ земли $^1/_4$ дес., наибольшее—5 десятинъ. Лошадей въ поселкѣ было 84 (не менѣе 1, не болѣе 7 на хозяйство), рогатаго скота было 114 штукъ, не болѣе 19 на хозяйство; не имѣвшихъ совсѣмъ рогатаго скота было 14 домохозяевъ.

Горное управленіе Нерчинскаго округа смотритъ на этотъ опытъ колонизаціи въ высшей степени скептически, ссылаясь на дурное

---

[1]) Назначенное для этого тюремной администраціей лицо выбирало мѣсто подъ снѣгомъ.

поведеніе посельщиковъ, и указываетъ на то, что нѣкоторые изъ нихъ заключены вновь въ тюрьму.

Въ этихъ поселкахъ поселена очевидно лишь самая незначительная часть каторжныхъ, окончившихъ сроки заключенія въ Нерчинскихъ каторжныхъ тюрьмахъ, главная же масса ихъ направляется на поселеніе изрѣдка на островъ Сахалинъ, а большею частью (въ среднемъ ежегодно 220 чел.) въ округа Читинскій, Верхнеудинскій, Селенгинскій и Баргузинскій, Забайкальской области. Положеніе ихъ здѣсь ничѣмъ не отличается отъ положенія лицъ, поселенныхъ въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ 70% ссыльныхъ тотчасъ по прибытіи въ мѣсто водворенія берутъ такъ называемыя „увольненія" для пріисканія заработковъ, а въ свои мѣста причисленія болѣе не возвращаются, какъ удостовѣряетъ губернаторъ Забайкальской области въ своемъ отчетѣ за 1898 г.

В. Островъ Сахалинъ.

Каторга.

Распредѣленіе ссыльно-каторжныхъ по тюрьмамъ о. Сахалина видно изъ прилагаемой таблицы:

Наименованіе тюремъ.	Число каторж.	Общ. куб. содерж. воздуха.	На одного арест. въ средн.
Александровская	1035	1186 с.	1,15 с.
Дуйская . .	270	244 "	0,90 "
Рыковская . .	950	1040 "	1,09 "
Дербинская . .	180	286 "	1,5 "
Онорская . .	149	320	2,16 "
Корсаковская .	964	974 "	1,801 "
Мало-Тымовская богадѣльня .	195	197 "	1 "
Итого	3743	4247 "	1,14 "

Всего, какъ было сказано, ссыльно-каторжныхъ на островѣ 5822 чел., между тѣмъ содержалось во всѣхъ тюрьмахъ въ среднемъ всего 3743 челов., изъ остальныхъ—значительная часть получила право, на основаніи закона, жить внѣ тюрьмы, а часть арестантовъ вопреки закону и судебнымъ приговорамъ была выпущена на жительство еще до пріобрѣтенія этого права за недостаткомъ помѣщеній въ тюрьмахъ. Право это предоставляется только людямъ

вполнѣ благонадежнымъ, успѣвшимъ зарекомендовать себя хорошимъ поведеніемъ, въ особенности семейнымъ, приступающимъ прямо безъ предварительнаго заключенія въ тюрьмѣ къ устройству своего домообзаводства.

Зданіе тюремъ, за исключеніемъ Онорской, выстроенной въ 1897, мало соотвѣтствуютъ своему назначенію; при постройкѣ ихъ не принимались въ соображеніе цѣли пенитенціарныя, а строители заботились лишь о скорѣйшемъ возведеніи зданій, въ коихъ можно было бы помѣстить людей, почему почти всѣ тюрьмы представляютъ собою не мѣста заключенія важныхъ уголовныхъ преступниковъ, а просто казармы или ночлежные дома. О раздѣленіи арестантовъ по категоріямъ не можетъ быть въ нихъ и рѣчи; не всегда даже представляется возможнымъ раздѣленіе арестантовъ испытуемыхъ отъ исправляющихся, а также—подслѣдственныхъ отъ отбывающихъ наказаніе. Кромѣ того по отсутствію на островѣ, кромѣ каторжныхъ тюремъ, другихъ мѣстъ заключенія подслѣдственные арестанты изъ лицъ свободнаго состоянія содержатся вмѣстѣ съ подслѣдственными ссыльно-каторжными и ссыльно-поселенцами. Камеры одиночнаго заключенія имѣются лишь въ Рыковской тюрьмѣ, гдѣ въ 1899 г. выстроенъ деревяный корпусъ, состоящій изъ 34 одиночныхъ камеръ. Имѣющіеся при тюрьмахъ карцера, по совершенной неприспособленности ихъ, не удовлетворяютъ своему назначенію.

Для содержанія ссыльно-каторжныхъ женщинъ отдѣльныхъ тюремъ нѣтъ; имѣется лишь при Александровской тюрьмѣ отдѣльная камера, могущая вмѣстить отъ 30 до 40 женщинъ, при чемъ, конечно, о раздѣленіи ихъ по разрядамъ не можетъ быть и рѣчи.

Зданія тюремныхъ лечебницъ представляются въ еще менѣе удовлетворительномъ видѣ. Всѣ они тѣсны, страдаютъ отсутствіемъ вентиляцій, ветхи, холодны. Въ зимнее время, когда число больныхъ значительно увеличивается, кроватей не хватаетъ, ставить ихъ негдѣ, и больныхъ приходится помѣщать на полу въ проходѣ между кроватями. Раздѣленіе больныхъ по родамъ болѣзней представляется невозможнымъ, и въ одной и той же палатѣ помѣщаются больные съ самыми разнообразными болѣзнями. Нѣкоторое исключеніе по своему относительно благоустройству представляетъ Тымовская окружная лечебница.

Тюремный надзоръ.

Наличіе къ 1-го января 1900 г. видно изъ прилагаемой таблицы:

Вольнонаемныхъ старш.	108
„ младш.	65
Военнослужащ. нижн. ч.	152
Итого	325

Въ числѣ вольнонаемныхъ надзирателей числится 36 техническихъ надзирателей, которые взяты изъ среды ссыльныхъ для непосредственнаго руководства работами, требующими техническихъ знаній [1]). Администрація не имѣетъ возможности нанять на Сахалинѣ опытныхъ и знающихъ дѣло надзирателей, изъ числа лицъ свободнаго состоянія, а поэтому вынуждена довольствоваться почти на половину надзирателями изъ военно-служащихъ.

Въ отчетномъ году, какъ видно изъ таблицы, 47% общаго числа надзирателей приходилось на долю военно-служащихъ. Неопытные солдаты, взятые изъ мѣстныхъ командъ, исполняя обязанности надзирателей, не могутъ принести существенной пользы въ дѣлѣ поддержанія порядка и дисциплины въ тюрьмахъ, а напротивъ,— сами же, незамѣтно для самихъ себя, подпадаютъ подъ вліяніе опытныхъ старыхъ каторжныхъ и дѣйствуютъ подчасъ въ руку арестантовъ. Вслѣдствіе этого происходятъ частыя возвращенія въ команды военно-служащихъ надзирателей для замѣны ихъ новыми [2]).

---

[1]) Число надзирателей изъ ссыльныхъ прежде было еще больше: такъ, напримѣръ, къ 1 іюля 1896 г. изъ числа 361 надзирателя ссыльныхъ было 90 человѣкъ, или 25 процентовъ.

[2]) Юрисконсультъ Д. А. Дриль указываетъ еще на то, что начальники воинскихъ командъ, въ виду своихъ собственныхъ интересовъ, по большей части сбываютъ въ надзиратели менѣе способныхъ солдатъ. Такіе надзиратели увольняются довольно часто и причинами увольненія, между прочимъ, служатъ: пьянство, карточная игра съ каторжными, нанесеніе побоевъ арестантамъ, оказаніе содѣйствія при побѣгахъ, доставленіе водки и т. п.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, напр., Александровская тюрьма для исправляющихся представляла собою какъ бы ночлежный домъ, куда сходились поселенцы и каторжные, живущіе на квартирахъ, проносилась водка и производилась карточная игра.

При наличности всей каторги въ 5207 человѣкъ (не считая женщинъ) одинъ старшій надзиратель приходится въ среднемъ на 48 человѣкъ и одинъ младшій на 24 человѣка.

Такой численный составъ надзирателей вполнѣ подходилъ бы къ нормѣ, установленной закономъ, если бы онъ полностью носилъ исключительно свои прямыя обязанности: между тѣмъ, за неимѣніемъ на островѣ городской и сельской полиціи, администрація вынуждена выдѣлять изъ числа надзирателей значительную часть спеціально на полицейскія нужды.

Перевозка казенныхъ грузовъ, содержаніе почтовой гоньбы, частые нарочные—все это опять-таки отрываетъ извѣстное число надзирателей отъ ихъ прямыхъ обязанностей.

Работы.

Назначеніе каторжныхъ на работы не подчинено опредѣленной системѣ. На это обстоятельство обратилъ серьезное вниманіе осматривавшій Сахалинъ въ 1894 году бывшій Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія М. Н. Галкинъ-Враской, при чемъ преподалъ рядъ указаній, сводившихся къ тому, чтобы тяжкіе преступники, осужденные на срокъ свыше 12 лѣтъ, занимаемы были работами внутри тюремъ или въ каменно-угольныхъ копяхъ подъ строгимъ надзоромъ; чтобы изъ каторжныхъ, осужденныхъ на срокъ менѣе 12 лѣтъ, холостые распредѣлялись на внѣшнія работы отнюдь не поодиночкѣ; чтобы изъ этихъ каторжныхъ семейные, а также холостые, заявившіе себя склонностью къ сельскому хозяйству, обращались на подготовительныя работы по устройству поселеній, гдѣ имъ и предстояло бы современемъ остаться.

Обозрѣвая Сахалинъ, А. П. Саломонъ не нашелъ никакихъ слѣдовъ того, чтобы это распоряженіе исполнялось мѣстными властями. Холостыхъ каторжныхъ, осужденныхъ на срокъ свыше 12 лѣтъ, случалось встрѣчать на свободѣ безъ всякихъ работъ, семейные каторжные, осужденные на срокъ менѣе 12 лѣтъ, содержались въ тюрьмахъ и даже выводились на добычу каменнаго угля, тогда какъ наиболѣе тяжкіе преступники раскомандировывались на внѣшнія хозяйственныя по тюрьмамъ работы. Для ознакомленія съ положеніемъ на Сахалинѣ арестантскаго труда А. П. Саломонъ разсматривалъ и провѣрялъ рабочія раскомандировки, при чемъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Въ Дуйской тюрьмѣ, гдѣ сосредоточиваются здоровые каторжные, назначенные для добычи каменнаго угля въ

рудникахъ общества „Сахалинъ“, средній ежедневный составъ арестантовъ равняется 585 чел. Изъ нихъ назначается: на производство спеціально горныхъ работъ 145 чел., на разныя хозяйственныя занятія для потребностей общества „Сахалинъ“ (нагрузка углемъ пароходовъ, работы въ мастерскихъ, прислуга при баржахъ и катерахъ, сторожа и т. п.) 124 чел., на внутреннія по тюрьмѣ работы (камерщики, хлѣбопеки, кашевары, водоносы, портные и сапожники, уборщики, писцы, баньщики и пр.) 94 чел., на внѣшнія работы (дравотаски, сторожа при зданіяхъ, разсыльные, плотники и чернорабочіе) 115 чел. и числится больныхъ, неспособныхъ и на отдыхѣ 107 чел. Такимъ образомъ въ тюрьмѣ, предназначенной для содержанія отборныхъ по состоянію здоровья каторжныхъ, обращенныхъ номинально исключительно на болѣе тяжкія работы, отбывающихъ такія работы оказывается въ дѣйствительности лишь 26, 12%.

Въ Дербинской тюрьмѣ, отличающейся наименьшею производительностью арестантскаго труда, вслѣдствіе слабости состава ея населенія, изъ числа находившихся въ ней 435 каторжныхъ было занято: хозяйственными внутри тюрьмы работами 94 чел., разными внѣшними 103 чел. и сторожевыми обязанностями при казенныхъ зданіяхъ 49 чел.; затѣмъ состояло арестованныхъ 16 чел., больныхъ 20, неспособныхъ къ работамъ 87, остальные 66 не работали, подъ предлогомъ неимѣнія обуви.

Изъ 1115 человѣкъ списочнаго состава каторжныхъ Корсаковской тюрьмы находились: на внутреннихъ работахъ по тюрьмѣ 82 чел., въ мастерскихъ 150 чел., на внѣшнихъ 376, при обязанностяхъ сторожей 126, арестованныхъ 34, больныхъ 32, временно освобожденныхъ отъ работъ 199 и распредѣленныхъ въ разныя поселенія для поддержанія семействъ 116 чел.

Производимыя сахалинскими каторжными работы можно подраздѣлить на работы: для тюрьмы, въ мастерскихъ, внѣ тюрьмы и въ рудникахъ. Работы для тюрьмы заключаются въ исполненіи обязанностей старостъ, уборщиковъ камеръ и дворовъ, хлѣбопековъ, хлѣборѣзовъ, кашеваровъ и водогрѣевъ, ламповщиковъ, писцовъ, баньщиковъ, трубочистовъ и проч. Это—тѣ самыя домашнія и хозяйственныя работы, изобиліе коихъ составляетъ общее всей каторгѣ зло. Наряжаемые на эти обязанности люди вознагражденія не получаютъ, заняты весьма краткое время и потому, отвыкая мало по малу отъ физическаго труда, утрачиваютъ способность, по окончаніи срока наказанія, обезпечить свое существованіе.

Мастерскія устроены при всѣхъ почти тюрьмахъ острова, но находятся въ мало удовлетворительномъ положеніи. Наиболѣе выдающимися признаются мастерскія при Александровской тюрьмѣ. Онѣ занимаютъ громадный корпусъ, выстроенный отдѣльно отъ тюрьмы, и содержатъ въ себѣ отдѣлы: сталелитейный, слесарный, кузнечный, столярный, бондарный и паровую мельницу. Численный составъ работающихъ въ нихъ каторжныхъ крайне незначителенъ и весьма разнообразенъ (8—12% списочнаго состава каторжныхъ Александровской тюрьмы). Работаютъ въ нихъ и знающіе мастерства поселенцы. Обученіе каторжныхъ мастерствамъ не введено. Лучшіе въ нихъ мастеровые заняты исполненіемъ заказовъ для служебнаго персонала, высылающаго разные предметы на продажу въ сосѣднія области и даже въ предѣлы Европейской Россіи.

Въ одинаковыхъ условіяхъ находятся мастерскія прочихъ тюремъ острова, съ тою лишь разницею, что мастерства развиты въ нихъ весьма слабо. Только Корсаковская тюрьма отличается сравнительно значительнымъ производствомъ въ ней деревяныхъ, изъ „наплыва“, издѣлій.

Къ внѣшнимъ работамъ относятся: окарауливаніе зданій, мелочной ихъ ремонтъ, рубка, пилка и подноска лѣса и дровъ, служба при лечебницахъ и мѣстныхъ казенныхъ учрежденіяхъ, на катерахъ въ качествѣ разсыльныхъ, конюховъ, чернорабочихъ по проведенію дорогъ, исправленію телеграфныхъ столбовъ и вообще разныя земляныя, плотничныя и кирпичныя работы. Неустановленіе какой бы то ни было платы находящимся на внѣшнихъ работахъ каторжнымъ, равно отсутствіе правильнаго учета работъ назначенныхъ на нихъ людей, породило въ чинахъ тюремной администраціи убѣжденіе въ широкой возможности пользоваться подобнаго рода даровымъ трудомъ не только для казенныхъ, но и для собственныхъ надобностей. Имѣется также на о. Сахалинѣ и кирпичное производство. Наиболѣе производительный изъ кирпичныхъ заводовъ—Александровскій. Рудничныя работы заключаются исключительно въ добычѣ каменнаго угля. Поставлены онѣ на Владимірскихъ и Александровскомъ казенныхъ рудникахъ и на Дуйскомъ, арендуемомъ обществомъ „Сахалинъ“. Среднее ежедневное число каторжныхъ, работающихъ на Владимірскихъ рудникахъ, колеблется около 200, а на Александровскомъ около 120 ч.

Площадь Владимірскаго мѣсторожденія занимаетъ въ длину 8 верстъ и въ ширину 2 версты. Подробныхъ развѣдокъ ея, повидимому, не производилось. По словамъ штейгера, мѣсторожденіе богато,

и въ немъ уже заготовлено въ цѣлинахъ подъ очистку около 10.000.000 пудовъ угля. Организація работъ и всѣ вообще порядки на рудникѣ крайне несовершенны. Штейгеръ бываетъ на рудникѣ три раза въ недѣлю. Уроки назначаетъ онъ, а въ отсутствіи его— надзиратель.

Вознагражденіе за работу производится такъ. Канцелярія губернатора переводитъ въ распоряженіе штейгера 10% выручки отъ продажи угля, а штейгеръ распредѣляетъ эту сумму между арестантами по своему усмотрѣнію. Въ Дуйскихъ каменноугольныхъ копяхъ разработывается обществомъ „Сахалинъ" одинъ Воеводскій рудникъ. Уголь, по качеству, выше угля другихъ рудниковъ, разрабатываемыхъ нынѣ на о. Сахалинѣ. Рудники хорошо вентилируются, сухи и не содержатъ въ себѣ признаковъ гремучаго газа.

Плата всѣмъ безъ различія рабочимъ опредѣлена по 20 коп. въ сутки. Назначаемые въ рудникъ люди выводятся обыкновенно на работы въ 6—7 ч. утра и оканчиваютъ таковыя, самое позднее, къ 1 часу дня, послѣ чего возращаются въ тюрьму; прочіе же рабочіе освобождаются по мѣрѣ исполненія данныхъ имъ уроковъ. Сверхурочныхъ, за особую плату, работъ ни въ рудникѣ, ни при другихъ занятіяхъ не существуетъ вслѣдствіе уклоненія, будто бы, отъ сего самихъ каторжныхъ.

Подводя итоги сказанному о положеніи труда каторжныхъ на о. Сахалинѣ, Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія А. П. Саломонъ указываетъ, что отличительною чертою его представляется отсутствіе системы въ устройствѣ работъ, которыя не находятся ни въ какой органической связи съ цѣлями колонизаціи, не служатъ средствомъ дисциплины, не направлены къ тому, чтобы дать каторжному возможность подготовиться къ жизни на поселеніи и скопить для этого хотя бы маленькія денежныя средства.

Къ такимъ же точно выводамъ приходитъ и юрисконсультъ Д. А. Дриль. Вотъ, что онъ говоритъ въ своемъ отчетѣ по командировкѣ на о. Сахалинъ: трудъ сахалинскихъ каторжныхъ, если говорить вообще, тяжелъ не по своимъ качествамъ, а по условіямъ своей постановки и обстановки. Размѣры рабочихъ уроковъ сравнительно невелики, и сравнительно невелико также и количество вырабатываемаго. На Александровскомъ каменноугольномъ рудникѣ двое рабочихъ добываютъ отъ 150 до 200 пудовъ въ день, тогда какъ за границей на частныхъ рудникахъ на одного рабочаго приходится до 250 пуд.

Вообще производительность труда каторжныхъ считается почти вдвое меньше даже по сравненію съ производительностью труда ссыльно-поселенцевъ. По мнѣнію горныхъ инженеровъ, трудъ каторжнаго въ 2—2½ и даже въ 3½ раза менѣе производителенъ сравнительно съ трудомъ вольнаго рабочаго.

Но распредѣленіе по работамъ зависитъ преимущественно или въ значительной мѣрѣ отъ низшихъ тюремныхъ служащихъ, которые при этомъ допускаютъ иногда большія неправильности и злоупотребленія. Даже наемъ за себя на работы имѣлъ мѣсто до послѣдняго времени. Случается также, что полносильные арестанты назначаются на работы и занятія очень легкія, напр., въ прислугу, въ сторожа и проч., и, напротивъ, люди слабосильные назначаются на болѣе тяжелыя работы. Сахалинскіе врачи заявляютъ, что на ихъ отмѣтки о состояніи силъ тюремная администрація обращаетъ весьма мало вниманія. Въ приказѣ военнаго губернатора Мерказина отъ 22 апрѣля 1895 г. говорится прямо: „никакія указанія врачей на уменьшеніе сроковъ, на назначеніе на тѣ или другія работы приниматься не должны“.

Значительная неравномѣрность во всѣхъ условіяхъ различныхъ работъ въ значительной мѣрѣ отбиваетъ у большинства арестантовъ охоту трудиться. По отзыву всѣхъ, близко знающихъ тюрьму, арестанты всего болѣе чувствительны къ справедливости и всего болѣе цѣнятъ ее. Самое строгое отношеніе къ нимъ, разъ оно справедливо и заслужено, не вызываетъ ропота и переносится ими покорно. Напротивъ, всякая мелкая несправедливость вызываетъ уже неудовольствіе и раздраженіе. Безплатность огромнаго большинства работъ, незаинтересованность въ трудѣ и отсутствіе поощренія хорошо работающимъ, помимо всѣхъ прочихъ неблагопріятныхъ условій, также постепенно понижаютъ работоспособность арестантовъ.

И вотъ хитритъ и обманываетъ арестантъ начальство, стараясь сдѣлать поменьше да похуже, и при этомъ отвыкаетъ отъ упорнаго труда и нравственно все только больше портится.

Объ исправительномъ значеніи Сахалинской каторги не можетъ быть и рѣчи; пребываніе въ этихъ тюрьмахъ можетъ быть опасно не только для людей нравственно неустойчивыхъ, но и для тѣхъ, которыхъ привело на каторгу несчастное стеченіе обстоятельствъ или преступленіе характера формальнаго, каковыми являются многія даже тяжкія нарушенія воинской дисциплины.

Начальники мѣстныхъ командъ заявляли А. П. Саломону, что нижніе чины, назначаемые къ исполненію обязанностей надзи-

рателей, не только не могутъ имѣть какого-либо хорошаго вліянія на арестантовъ, но иногда сами развращаются подъ тлетворнымъ вліяніемъ сахалинской тюрьмы.

Пища и одежда каторжныхъ и стоимость ихъ содержанія.

Заготовка для потребностей Сахалина большей части провіанта, а также матеріаловъ одежды и обуви, производится распоряженіемъ Главнаго Тюремнаго Управленія. Эти матеріалы и припасы высылаются изъ Одессы на Сахалинъ на пароходахъ Добровольнаго флота. Количество и стоимость этихъ предметовъ видна изъ нижеслѣдующихъ таблицъ.

	Количество въ пудахъ.			Стоимость.		
Годъ.	Ржи.	Муки.	Крупы.	Ржи муки и крупы.	Мѣшковъ.	Перевозка изъ Одессы на Сахалинъ.
1896	186.340 [1])	60.000	10.100	166.127 р. 20 к.	16.191 р. 20 к.	124.085 р. 98 к.
1897	37.000	58.248	13.630	89.110 р. 94 к.	6.900 р. 15 к.	49.865 р. 57 к.
1898	100.000	—	8.000	96.960 р.	6.714 р.	51.833 р. 60 к.
1899	169.469 1/2	110.000 1/2	12.970	287.909 р. 61 к.	8.102 р. 94 к.	133.415 р. 69 к.

Мука въ сѣверныхъ окраинахъ о. Сахалина, Александровской и Мало-Тымовской, выдѣлывается на мѣстныхъ мельницахъ изъ зерна, доставленнаго изъ Европейской Россіи, а въ южную округу, Корсаковскую, доставляется въ готовомъ видѣ. Мѣстный же зерновой хлѣбъ пріобрѣтается у жителей въ очень незначительномъ количествѣ [2]), исключительно для поддержанія сельскаго хозяйства на островѣ, такъ какъ качество его, „какъ удостовѣряетъ военный губернаторъ генералъ-майоръ Ляпуновъ [3]), значительно ниже привознаго благодаря неблагопріятнымъ климатическимъ условіямъ острова“. Затѣмъ солонина пріобрѣтается черезъ посредство Владивостокскихъ торговыхъ фирмъ изъ Америки (въ 1899 г. по цѣнѣ 4 р. 93 к. за пудъ), а на мѣстѣ добывается только соленая рыба

---

[1]) Въ томъ числѣ 75.340 пудовъ выслано въ потребность 1897 года.

[2]) Отчетъ за 1899 г. стр. 25.

[3]) Напримѣръ, въ 1895 г. было пріобрѣтено зерноваго хлѣба 10.948 п. 29 ф. на сумму 13.381 р. 29 к.; фуража 2942 пуд. 2 ф. на сумму 2942 р. 5 к., соленой рыбы—8049 п. 17 ф. на сумму 8382 р. 77 к., мяса и огородныхъ продуктовъ—на сумму 13.381 р. 29 к., а всего на 67.791 р. 88 к. (А. П. Саломонъ, отчетъ, стр. 25).

(по 1 р. 33 к.—1 р. 68 к. за пудъ), далѣе овощи и свѣжее мясо въ скромномъ количествѣ. Потребные для одежды матеріалы (сукно, холстъ, кожи и пр.) доставляются также на пароходахъ изъ Европейской Россіи, постройка же изъ этихъ матеріаловъ бѣлья, одежды и обуви производится при тѣхъ тюрьмахъ острова, для коихъ она требуется. Только полушубки, рукавицы и вареги доставляются на Сахалинъ изъ Одессы въ готовомъ видѣ. Стоимость этихъ предметовъ, мыла и медикаментовъ видна изъ нижеслѣдующей таблицы.

	Стоимость.				
Годъ.	Сукна, холста, кожъ.	Полушубковъ, рукав.	Мыла.	Медикаментовъ.	Перевозка на Сахалинъ.
1896	—	220.828 р.	—	—	14.157 р. 46 к
1897	107.409 р. 29 к.	30.356 р.	1.927 р. 80 к.	—	4.529 р. 92 к.
1898	54.978 р. 12 к.	20.242 р. 5 к.	—	—	2.669 р. 24 к.
1899	147.169 р. 89 к.	57.021 р. 90 к.	—	20.374 р. 37 к.	17.618 р. 35 к.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что содержаніе ссыльно-каторжныхъ на о. Сахалинѣ обходится значительно дороже содержанія арестантовъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ и тюрьмахъ Европейской Россіи, хотя нѣсколько дешевле содержанія каторжныхъ въ Корсаковскомъ округѣ.

Изъ смѣты Министерства Юстиціи по тюремной части на 1900 г. видно, что казною ассигновано было по Сахалинской каторгѣ:

а) на содержаніе администраціи . .	141.788 руб.
б) на канцелярію, разъѣзды и т. п. . .	31.300 руб.
в) на содержаніе надзирателей . . .	116.189 руб.
Итого .	288.763 руб.

Если прибавить къ этому суммы, ассигнуемыя:

а) на отопленіе и освѣщеніе зданій	21.545 р.
б) на содержаніе ихъ въ чистотѣ	7.540 р.
в) на продовольствіе арестантовъ	552.640 р.
г) на одежду и обувь	190.000 р.
д) на леченіе и погребеніе арестантовъ . . .	76.000 р.
е) на занятіе ихъ работами	72.949 р.
ж) на мытье арестантовъ и стирку бѣлья . .	1.390 р.
з) на бритье и стрижку арестантовъ . . .	715 р.
и) на другіе мелкіе расходы	26.190 р.
і) на перевозку арестантовъ и грузовъ . . .	148.550 р.
то получится сумма	1.380.082 р.

Если присоединить сюда еще содержаніе военной команды на Сахалинѣ (въ 1898 г. по смѣтѣ Военнаго Министерства было отпущено на содержаніе 15 офицеровъ, 4 военныхъ врачей, 3 классныхъ чиновниковъ и 1448 нижнихъ чиновъ 140.511 р. 78 к. [1]), то получится сумма 1.520.593 р. Раздѣливъ ее на среднесуточный составъ каторжныхъ на о. Сахалинѣ въ 1900 г. (9.500 чел.), получимъ, что содержаніе одного каторжнаго на Сахалинѣ обходилось казнѣ въ 161 р. 6 к. (въ Нерчинскомъ округѣ 226 р. 21 к., въ Европейской Россіи въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ 96 руб. 19½ коп., а въ тюрьмахъ 93 руб. 54½ коп.).

Колонизація острова каторжными.

Первое на Сахалинѣ поселеніе, постъ Дуэ, на берегу Татарскаго пролива, возникло въ 1858 году и оставалось единственнымъ до 1869 года, когда были основаны: постъ Корсаковскій въ южной части острова и Александровская ферма къ сѣверу отъ Дуэ. Затѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ было устроено одно поселеніе въ средней части острова. Въ 1879 году положено начало поселеніямъ по ту сторону горнаго хребта, въ долинѣ Тыми, и въ 1882 году на Сахалинѣ существовало уже 13 поселеній. Выборъ мѣстъ для этихъ поселеній,—говоритъ въ своемъ докладѣ Приамурскому генералъ-губернатору бывшій тюремный инспекторъ Коморскій,—„произведенъ не какими-нибудь спеціалистами,—выбирали ихъ бывшіе надзиратели, переименованные послѣ въ смотрителей: унтеръ-офицеры Рыковъ, Дербинъ и др.“.

Въ 1882 году было окончательно рѣшено сосредоточить на Сахалинѣ отбываніе каторги съ цѣлью колонизировать островъ. Съ этого же времени началось усиленное образованіе поселеній; въ десятилѣтіе 1883—1892 годовъ таковыхъ было основано 62. При этомъ поспѣшность была уже такъ велика, что въ 1886 г. и въ 1891 г. образовано по двѣнадцати поселеній. Но наибольшей быстроты учрежденіе поселеній достигло въ слѣдующее шестилѣтіе, въ теченіе коего было основано 57 поселеній, при чемъ въ 1895 году—тринадцать, а въ 1894 году—двадцать.

Между тѣмъ система образованія поселеній осталась прежняя, т. е., вѣрнѣе, не было установлено никакой системы или плана.

---

[1]) Сахалинскій календарь, изданный на 1899 г., по распоряженію военнаго губернатора о. Сахалина, стр. 25, 27, 71, 73.

Избраніе мѣста производилось безъ участія имѣющагося на островѣ правительственнаго инспектора сельскаго хозяйства. Снаряжалась въ лучшемъ случаѣ экскурсія по долинамъ рѣчекъ, при чемъ количество и качество удобной къ заселенію и воздѣлыванію земли опредѣлялось на глазъ.

На Сахалинѣ учреждено 132 поселенія, изъ коихъ въ Тымовскомъ округѣ 3 фактически перестали существовать, а въ Корсаковскомъ 4 подлежатъ немедленному упраздненію. Кромѣ того въ Александровскомъ и Корсаковскомъ округахъ есть по 7-ми поселеній, которыя въ ближайшемъ будущемъ ожидаетъ та же участь.

Изъ 132 основанныхъ на Сахалинѣ поселеній только 62 соединены проѣзжими дорогами, общимъ протяженіемъ въ 423 версты; далѣе, 18 поселеній соединены дорогами, протяженіемъ въ 214 верстъ, но всѣ эти дороги въ весьма плохомъ состояніи и частью требуютъ капитальнаго ремонта, частью же должны быть проложены вновь. Такимъ образомъ, безъ путей сообщенія, кромѣ просѣкъ, остаются 52 поселенія, изъ коихъ 8 совсѣмъ отдѣлены отъ другихъ населенныхъ мѣстъ острова въ теченіе продолжительнаго времени въ году. Эти селенія внутренней части острова соединяются между собою едва проходимыми тропами съ переброшенными черезъ рѣчки деревьями, замѣняющими собою мосты, селенія же береговыя соединяются дорогой только зимой, лѣтомъ же сообщеніе поддерживается или на лодкахъ, или по берегу во время отлива. Для соединенія тѣхъ изъ 52 поселеній, кои имѣютъ хоть какую-нибудь будущность, необходимо провести дороги протяженіемъ не менѣе 278 верстъ. Но проведеніе дорогъ представляетъ крайнее затрудненіе: непролазная тайга съ перевившимися корнями, валежникомъ и пнями требуетъ громадныхъ усилій, приходится выжигать и выкорчевывать пни и корни, подвигаясь медленно, шагъ за шагомъ. Множество ручейковъ, рѣчекъ и болотъ еще болѣе задерживаетъ работу. Капитальное устройство мостовъ за неимѣніемъ средствъ невозможно, а легкіе мосты сносятся, почти всѣ, при весеннихъ разливахъ горныхъ рѣчекъ.

И вотъ поселенцы, вооружась шестомъ, перескакиваютъ съ кочки на кочку, переходятъ или по жердочкамъ, или прямо въ бродъ, выше пояса въ водѣ, горныя рѣчки, неся на плечахъ и надъ головой свой багажъ: муку, солонину, соль, топоры, мотыги и т. п.

Въ тайгѣ между пнями попадаются нерѣдко достигающіе двухъ обхватовъ. Рубка и раскорчевка такого лѣса представляетъ не-

имовѣрныя трудности, особенно, когда весь выдаваемый казною поселенцу на первый годъ инструментъ составляетъ: 1 топоръ дроворубный, 1 мотыга, 1 лопата и 2 фунта веревки. Цѣлину, вслѣдствіе твердости почвы, можно пахать быками, но доставлять быковъ по едва проходимымъ просѣкамъ, очевидно, немыслимо. Нельзя обвинять поэтому поселенцевъ за то, что они помогаютъ себѣ, пуская палъ, остановить который потомъ не въ силахъ.

Что же касается пригодности вообще Сахалина для земледѣлія, то военный губернаторъ въ своемъ отчетѣ за 1899 г. (ст. 34, 38) удостовѣряетъ, что поздняя холодная и дождливая весна, съ поздними утренниками, продолжающимися иногда до первыхъ чиселъ іюня, короткое не слишкомъ теплое лѣто, начало котораго часто страдаетъ засухами, а конецъ почти всегда изобилуетъ осадками, холодная, дожливая осень, особенно начало ея, совпадающее съ временемъ уборки хлѣбовъ, при чемъ первые заморозки весьма обыкновенны уже въ августѣ, и нерѣдко встрѣчаемое пониженіе температуры воздуха до 0° и нѣсколько ниже, даже въ двадцатыхъ числахъ іюля—все это условія, наглядно указывающія, что климатъ Сахалина нельзя считать вполнѣ соотвѣтствующимъ требованіямъ хлѣбопашества и благопріятнымъ для развитія и процвѣтанія земледѣльческой колоніи [1]).

	За 1898 годъ					За 1899 годъ				
	Умерло.					Умерло.				
	Общее число	М.	Ж.	Итого	%	Общее число	М.	Ж.	Итого	%
Ссыльно-каторжныхъ	6293	108	2	110	1,7	5822	87	8	95	1,6
Ссыльные	16485	203	24	227	1,4	17240	233	31	264	1,5
Лицъ своб. сост. .	4398	23	16	39	0,9	4614	3	11	14	0,3
Дѣтей	5950	88	60	148	2,5	6692	31	28	59	0,8
Итого	33126	422	102	524	1,58	34368	354	78	432	1,25

Между тѣмъ средняя смертность арестантовъ въ Россіи, исчисленная по формулѣ Энгеля, равна 2,36%.

Впрочемъ, по отзыву Д. А. Дриля и А. П. Саломона, туземцы Кавказскаго и Туркестанскаго края, равно уроженцы Бессарабской губерніи и Крыма, выросшіе въ благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, привыкшіе къ легкой растительной пищѣ и малоспособные отъ природы къ непрерывному труду, физически не въ со-

---

[1]) Но климатъ Сахалина не можетъ быть признанъ особо вреднымъ для здоровья, судя по нижеслѣдующей таблицѣ смертности.

стояніи выносить сахалинскаго климата, въ которомъ быстро разрушается ихъ здоровье, и они почти поголовно вымираютъ.

Вслѣдствіе такихъ неблагопріятныхъ климатическихъ условій острова и разныхъ недочетовъ въ пріемахъ культуры, мѣстное зерно въ значительной степени уже выродилось, а картофель, равно какъ и всѣ овощи, стоитъ по качеству своему безусловно ниже овощей хотя бы средней полосы Европейской Россіи, на что несомнѣнно вліяютъ мѣстныя климатическія условія: картофель, хотя и достигаетъ очень большой величины и значительнаго вѣса, но водянистъ и дряблъ, капуста же, какъ и остальныя огородныя овощи, достигая крупныхъ размѣровъ, грубовата и жестка. Точно такъ же и скотоводство,—говорится въ томъ же отчетѣ (стр. 38),—находится далеко не въ блестящемъ положеніи, какъ по количеству имѣющагося скота и крайне неравномѣрному распредѣленію его между отдѣльными хозяйствами, такъ равно и по качеству его [1]).

Но центральный вопросъ сахалинской колонизаціи есть вопросъ о томъ, какое среднее количество земли нужно для поселенца, чтобы земледѣліе стало его главнымъ занятіемъ.

Мѣстный инспекторъ сельскаго хозяйства фонъ-Фриккенъ (находящійся на Сахалинѣ съ 1888 г.) полагаетъ, что такимъ количествомъ являются 3 десятины [2]), при условіи, что поселенецъ, кромѣ рабочей лошади, будетъ имѣть и корову. Это мнѣніе свое онъ обосновалъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. Если принять составъ средней поселенческой семьи изъ 2 взрослыхъ и 3 малолѣтнихъ, годовая потребность такой семьи въ продуктахъ полеводства выразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Зерна.	Картофеля.
На 2-хъ взрослыхъ . .	по 18 п.—36 пуд.	по 20 п.—40 пуд.
„ 3-хъ малолѣтн. . .	„ 9 „ —27 „	„ 10 „ —30 „
Итого . . .	„ — „ 63 пуда	„ — „ 70 пуд.

[1]) Къ 1 января 1900 г. на островѣ числилось скота у населенія:

Лошадей	2.284
Быковъ	987
Коровъ	3.960
Жеребятъ	1.624
Телятъ	5.779
Свиней	3.877
Всего скота .	18.511 шт.

[2]) Десятина—2.400 кв. саженъ.

Принимая за норму участокъ въ 3 десятины и предполагая, что подъ паръ можно будетъ ежегодно отдѣлить $^1/_5$ всей полевой земли, а подъ картофель $^1/_{10}$, оказывается, что ежегодно подъ посѣвомъ зерна будетъ находиться въ хозяйствѣ 2,1 десятины, съ которыхъ, при посѣвѣ (какъ на Сахалинѣ принято) въ 10 пудовъ и при среднемъ урожаѣ самъ 4—5 [1]), можетъ быть получено отъ 84 до 105 пуд. зерна, и что съ 310 десятины картофеля, при посѣвѣ въ 30 пудовъ на десятину и урожаѣ самъ 6—7, можетъ быть собрано отъ 144 до 168 пудовъ картофеля.

Сборъ	отъ 84 до 105 п.	отъ 144 до 168 п.
Расходъ на продовольствіе	„ „ „ 63 „	„ „ „ 70 „
На посѣвъ слѣд. года .	„ „ „ 21 „	„ „ „ 24 „
Избытокъ . .	отъ 0 до 21 п.	отъ 50 до 74 п.

Этотъ избытокъ можетъ быть проданъ на сторону по цѣнѣ 1 р. за пудъ зерна и 20 к. за пудъ картофеля, что въ общей сложности дастъ въ благопріятный годъ 35 р. 80 к., а въ неблагопріятный—10 р.

Отсюда видно, что трехдесятинный участокъ можетъ быть принятъ за мѣрило для сужденія о достаточности, для предпринятой колонизаціи, имѣющейся на островѣ земли.

Точно опредѣлить размѣръ обработанной земли на Сахалинѣ не представляется возможнымъ, такъ какъ полевые земельные участки точно не измѣрены, и даже сами хозяева не могутъ дать ихъ точныхъ размѣровъ тѣмъ болѣе, что поля ихъ разбросаны весьма часто неправильными фигурами среди неудобныхъ для полеводства пространствъ: поэтому опредѣленіе размѣра этой площади разсчитывается по величинѣ посѣва. Распредѣленіе этого количе-

---

[1]) Урожай колосовыхъ хлѣбовъ былъ:

	Озимая рожь	Ярица	Яровая пшеница	Ячмень	Овесъ	Картофель
а) въ 1898 г.	4,75	6,46	5,13	4,19	5,51	7,7
б) въ 1899 г.	4, 1	6,09	5,22	5,03	6,09	7,9,

посѣяно же было въ 1899 г. пудовъ: озимой ржи 1.068, яровой пшеницы 17.125, ярицы 7.869, ячменя 6,054, овса 9.990 и картофеля 68.026 (отчетъ военн. губ. за 1899 г., стр. 34, 36, 37).

ства земли по округамъ и опредѣленіе средняго земельнаго надѣла видно изъ прилагаемой таблицы [1]).

Такимъ образомъ средній земельный надѣлъ—2515 кв. саж. значительно меньше нормальнаго 3 десятинъ (т. е. 7.200 кв. саж.).

Очевидно, что количество воздѣлываемой на Сахалинѣ земли оказывается недостаточнымъ для удовлетворенія самой насущной въ ней потребности. Поэтому для сужденія о будущности сахалинской колонизаціи необходимо выяснить, какъ великъ на островѣ запасъ годныхъ для культуры земель. Вотъ какое заключеніе по этому вопросу дано единственнымъ компетентнымъ на островѣ лицомъ г. фонъ-Фрикеномъ.

„Въ земледѣльческомъ отношеніи весь сѣверъ острова Сахалина отъ параллели $51^0\ 31^1/_2$ слѣдуетъ признать непригоднымъ.

„Точное опредѣленіе запасовъ удобныхъ площадей средней и южной частей острова невозможно, по неимѣнію подробныхъ топографическихъ съемокъ его, а потому всѣ такія опредѣленія приблизительны и сдѣланы на основаніи знакомства съ тою или другою мѣстностью и на глазъ.

„Во всякомъ случаѣ запасъ удобныхъ для хлѣбопашества пространствъ не можетъ быть великъ на островѣ, поверхность котораго обильно покрыта горами, на которыхъ по топографическимъ (крутые склоны), почвеннымъ и климатическимъ условіямъ земледѣліе невозможно, пригодными же можно считать почти исключительно только долины.

„Но и долины далеко не во всѣхъ своихъ частяхъ оказываются пригодными мѣстами: онѣ болотисты и покрыты глубокими торфя-

---

[1]) Отчетъ военнаго губернатора о. Сахалина Государю Императору за 1899 г., стр. 32 и 33.

ОКРУГА.	Число селеній.	Число хозяйствъ.	Общее количество земли.	Размѣръ земельнаго надѣла. Наибольшій.	Наименьшій.	Средній.	Общее число всѣхъ сельскихъ жителей.
Александровскій	36	1125	1300	12 д.	200 с.	1547 с.	5844
Тымовскій . . .	25	1699	2100	11 д.	1000 с.	$1^2/_3$ д.	3731
Корсаковскій . .	57	2256	1925	$3^1/_2$ д.	300 с.	200 с.	5333
Итого .	118	5080	5325	12 д.	200 с.	2515 с.	14908

никами, мѣстами почва ихъ слишкомъ мелка, мѣстами онѣ заняты хвойными лѣсами; ближе къ устьямъ онѣ обыкновенно слишкомъ сыры и даже болотисты и открыты вліянію морскихъ тумановъ, ближе къ верховьямъ—слишкомъ высоко подняты надъ уровнемъ моря (поздніе утренники и ранніе заморозки).

„По моимъ разсчетамъ, крайне приблизительнымъ и далеко неточнымъ, въ свободныхъ долинахъ острова Сахалина можетъ быть размѣщено на 8100 десятинахъ еще до 2.700 хозяйствъ и, допуская весьма вѣроятную ошибку съ моей стороны при такихъ крайне неточныхъ опредѣленіяхъ, равную половинѣ указанной цифры, во всякомъ случаѣ, не свыше 4.000 хозяйствъ на 12.000 десятинахъ“.

Для существующихъ 5080 хозяйствъ нужно, при 3 дес. участкахъ, 15240 дес., въ наличности имѣется 5,325, слѣдовательно недостаетъ 9915 дес. Если вычесть эту цифру изъ 12.000, получается 2085 дес. свободной земли, т. е. количество достаточное на 695 хозяйствъ съ 3 дес. участками, считая не только пахотную, но и усадебную землю, а слѣдовательно въ дѣйствительности еще меньше.

Сами поселенцы, на разспросы юрисконсульта Д. А. Дриля, постоянно твердили ему на разные лады: „на Сахалинѣ тѣсно живется“, „работаемъ, работаемъ, а все толку нѣтъ: никогда куска хлѣба досыта не доѣшь“; „если бы казна не поддерживала, то всѣ бы перемерли“, „безъ казеннаго пайка никакъ не проживешь“ и т. д.

Дѣйствительно казна оказываетъ ссыльному населенію существенную помощь, частью безвозвратную, частью ссудами. Безвозвратная помощь состоитъ въ зачисленіи ссыльно-поселенцевъ на казенное довольствіе, въ выдачѣ кормовыхъ денегъ и пособій при вступленіи въ бракъ.

На полное казенное довольствіе (продовольственное и одеждное) зачисляются главнымъ образомъ тѣ изъ поселенцевъ, которые, по увольненіи ихъ отъ работъ, причисляются къ селеніямъ для веденія сельскаго хозяйства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ неимѣющіе, по отсутствію заработковъ сообразно ихъ ремеслу, средствъ къ существованію. Первые обыкновенно зачисляются на годъ, а затѣмъ, въ зависимости отъ ихъ усердія, срокъ этотъ продолжается еще до одного года, а въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напр., при неурожаѣ, и до двухъ лѣтъ. Вторые же, обыкновенно по истеченіи года, исключаются съ довольствія.

Кромѣ того до 1899 г. зачислялись на полупайковое (безъ

одежды) довольствіе и семейства ссыльно-каторжчыхъ, а частью и поселенцевъ.

Число поселенцевъ и семействъ ссыльныхъ, состоящихъ на казенномъ довольствіи, къ 1 января 1900 года было:

ОКРУГА.	На полномъ Муж.	На полномъ Жен.	На полупайковомъ. Муж.	На полупайковомъ. Жен.
Въ Александровскомъ . .	319	39	119	14
„ Тымовскомъ	413	33	41	8
„ Корсаковскомъ	412	67	86	154
Итого	1144	139	246	176

Всего на полномъ	1.283
„ на полупайковомъ . . .	422
Итого . .	1.705

Пособіе въ видѣ кормовыхъ денегъ выдавалось семьямъ ссыльныхъ, добровольно послѣдовавшимъ на островъ за осужденными членами ихъ, а также ссыльно-каторжнымъ женщинамъ и поселенкамъ, имѣющимъ дѣтей, и этимъ послѣднимъ. Дѣти получаютъ кормовыя деньги до 14-лѣтняго возраста, а жены поселенцевъ въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ увольненія отъ работъ ихъ мужей, но срокъ этотъ въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ и размѣра семьи весьма часто удлиняется. Кормовыя деньги выдаются въ размѣрѣ 1 р. 50 к. на душу, а въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напр., на близнецовъ, сиротъ, калѣкъ и проч., по 3 р. Всего на этотъ предметъ израсходовано въ 1899 году 22.548 руб. Пособій на обзаведеніе и устройство хозяйства ссыльно-каторжнымъ и ссыльно-поселенцамъ, вступающимъ въ бракъ, въ теченіе отчетнаго года выдано 1.485 рублей.

Кромѣ того пострадавшимъ отъ пожаровъ выдано пособій 150 рублей.

Помощь ссудами оказывалась выдачею продуктовъ довольствія матеріаловъ, инструментовъ и земледѣльческихъ орудій. Всего въ 1899 году выдано ссудъ на сумму 33,631 руб. 19 копѣекъ.

Къ концу 1899 года состояло за населеніемъ долговъ казнѣ 221.487 р. 61 коп. (въ среднемъ, на одно хозяйство приходится долгу 43,59 руб.).

Задолженность населенія съ каждымъ годомъ увеличивается вслѣдствіе слабости платежныхъ силъ должниковъ, и можно съ полной вѣроятностью сказать, что значительная часть населенія обречена на вѣчную задолженность казнѣ.

Къ несчастію, кромѣ земледѣлія, другихъ доходныхъ промысловъ, пригодныхъ для ссыльнаго населенія, въ настоящее время почти не имѣется. Морской промыселъ, заключающійся въ ловлѣ морской капусты (употребляемой японцами и китайцами въ пищу: сельди, кэты и горбуши (рыбъ изъ породы лососей), засолъ рыбы и приготовленіе изъ рыбы муки, идущей главнымъ образомъ въ Японіи для удобренія рисовыхъ полей, находится почти исключительно въ рукахъ японцевъ. Хотя поселенцы о. Сахалина, иногда даже путемъ насилія, протестуютъ противъ японской конкуренціи, тѣмъ не менѣе, по общему отзыву, они пригодны только для работъ на берегу. Администрація острова, изыскивая способы предоставленія населенію заработка, организовала въ 1899 году въ Тымовскомъ округѣ нѣсколько рыбопромышленныхъ артелей, поручивъ руководство дѣломъ одному изъ интеллигентныхъ ссыльныхъ. Мотаузъ для вязанія неводовъ и соль для засола были выданы артелямъ заимообразно изъ тюремныхъ запасовъ, а весь уловъ принятъ въ тюрьмы для довольствія арестантовъ. Въ результатѣ этого опыта 86 поселенцевъ поставили 5.828 пудовъ соленой рыбы на сумму 7825 руб.

Разработка каменноугольныхъ копей представляетъ выгодный и постоянный заработокъ населенію. Платнымъ трудомъ въ теченіе отчетнаго года разработывались копи товарищества „Маковскій и К°“ и казеннаго Владиміровскаго рудниковъ, что̀ дало заработокъ болѣе чѣмъ 300 человѣкъ, при чемъ заработокъ этотъ достигалъ до 20 рублей въ мѣсяцъ на человѣка. Кромѣ того администраціей острова была организована изъ поселенцевъ артель рабочихъ въ 220 человѣкъ для нагрузки угля на суда съ рудниковъ общества „Сахалинъ“. Артель эта работала въ теченіе всей навигаціи, и, въ зависимости отъ работоспособности каждаго члена, мѣсячный заработокъ колебался между 18—30 рублями.

Къ несчастію, какъ владѣльцы каменноугольныхъ копей, такъ и русскіе рыбопромышленники предпочитаютъ употреблять въ качествѣ рабочихъ японцевъ и китайцевъ (коимъ въѣздъ на островъ не воспрещенъ), такъ какъ работаютъ они „безъ праздниковъ“ (у нихъ только два праздничныхъ дня въ мѣсяцъ, да и въ тѣ, въ случаѣ нужды, они легко соглашаются работать), не пьянствуютъ при полученіи денегъ, и въ общемъ трудъ ихъ производительнѣе труда поселенцевъ. Это послѣднее обстоятельство, по мнѣнію юрисконсульта Д. А. Дриля [1]), находитъ себѣ объясненіе въ цѣломъ рядѣ причинъ.

---

[1]) Отчетъ по командировкѣ на о. Сахалинъ.

Не малая часть ссыльныхъ заканчиваетъ каторжныя работы и выходитъ на поселеніе въ болѣе или менѣе уже пожиломъ возрастѣ. Въ 1894 г., изъ числа переведенныхъ въ поселенцы лицъ, не достигшихъ сорокалѣтняго возраста, было 472 чел., и изъ нихъ 326 чел. были въ возрастѣ отъ 30 до 40 лѣтъ. Перешедшихъ сорокалѣтній возрастъ было 202 чел. Послѣдняя цифра слагалась изъ слѣдующихъ: въ возрастѣ отъ 40 до 50 л. было 159 чел., отъ 50 до 60 л.—28 чел., отъ 60 до 70 л.—13 чел., и отъ 70—80 л.—2 чел. Въ 1895 г. лицъ, не достигшихъ сорокалѣтняго возраста, было 1566, и изъ нихъ въ возрастѣ отъ 30 до 40 л, было 983 чел. Перешедшихъ сорокалѣтній возрастъ было 578 чел., распредѣлявшихся слѣдующимъ образомъ: отъ 40 до 50—438 чел.. отъ 50 до 60 л.—116 чел., отъ 60 до 70 л.—18 чел., отъ 70 до 80 л.—6 чел. А между тѣмъ приведенные годы, нѣсколько исключительные: стеченіе всемилостивѣйшихъ манифестовъ 1894 и 1896 г.г. и Высочайшаго указа 1891 г., на много сокративъ сроки каторжныхъ работъ, значительно и экстраординарно понизили возрастъ выходящихъ на поселеніе.

Далѣе нельзя упускать изъ вида, что штрафное населеніе въ общемъ болѣе слабо, быстрѣе старѣется и изнашивается. Есть, конечно, въ средѣ его люди крѣпкіе и стойкіе, но процентъ ихъ въ массѣ меньше, нежели въ средѣ людей непреступныхъ. И причины этого налицо. Говоря вообще, въ ссылку приходятъ большею частью люди, которые были менѣе упорядочены въ своей прошлой жизни, люди, нерѣдко много пожившіе, болѣе или менѣе злоупотреблявшіе, особенно алкоголемъ, и уже потому ослабленные и расшатанные въ своемъ здоровьѣ, люди, побывавшіе и обыкновенно болѣе или менѣе уже пожившіе въ тюрьмахъ, режимъ которыхъ не благопріятствуетъ сохраненію органической устойчивости. Сахалинскія тюрьмы не только вновь не пріучаютъ арестантовъ къ труду и не сохраняютъ въ нихъ на прежней высотѣ существовавшую работоспособность, а, напротивъ, понижаютъ послѣднюю и ослабляютъ ихъ трудовую иниціативу. При этомъ питаніе сахалинскихъ каторжныхъ по отзыву врачей, которые обратили очень большое вниманіе [1]) на эту существенную сторону дѣла, не-

---

[1]) Сахалинскіе врачи указываютъ постоянно на недостаточность дачи овощей, на жидкость хлѣба и на употребленіе въ пищу почти исключительно соленыхъ продукговъ—солонины и соленой рыбы, изъ которыхъ и варится жидкая похлебка.

достаточно и неудовлетворительно. Однимъ изъ лучшихъ доказательствъ справедливости ихъ мнѣнія служитъ тотъ фактъ, что первое мѣсто въ числѣ болѣзней, которыми страдаютъ ссыльные, занимаютъ гастрическія разстройства. Желудочныя заболѣванія, переходящія въ хроническія формы, даютъ самую большую цифру заболѣваній и служатъ почвой, на которой появляются другія заболѣванія, зависящія отъ упадка питанія: малокровіе въ связи съ истощеніемъ тѣла, воспріимчивость къ легочнымъ заболѣваніямъ, которыя имѣютъ наклонность переходить въ хроническія формы, заканчивающіяся то эмфиземою легкихъ, то прямо туберкулозомъ, На обѣднѣніе арестантскаго организма указываютъ тѣ долгіе сроки, которые требуются для излеченія въ самыхъ неважныхъ случаяхъ заболѣваній. Часто наблюдаются отеки ногъ, не обусловленные какимъ-нибудь страданіемъ внутреннихъ органовъ и зависящіе исключительно отъ ненормальнаго состава крови. Недостаточное питаніе, иногда недостаточная одежда, скученность въ тюремныхъ помѣщеніяхъ, сырость и неудовлетворительность послѣднихъ—все это ослабляетъ организмъ и всегда болѣе или менѣе понижаетъ уровень его силъ, а слѣдовательно и его работоспособность.

А извѣстно, что органическое ослабленіе обычно сопровождается повышенною раздражительностью, при извѣстныхъ условіяхъ—озлобленностью, усиленіемъ наклонности къ нарушеніямъ порядка, а иногда вызываетъ и явленія такъ называемаго уклоненія и отказа отъ работъ, которыя въ свою очередь, въ качествѣ примѣра, оказываютъ весьма дурное вліяніе на другихъ. Затѣмъ влеченіе къ алкоголю, а мужчинъ поселенцевъ и къ карточной игрѣ, оказываетъ не малое вліяніе на ослабленіе остатковъ нравственности въ сахалинской средѣ. Водка получается изъ колонизаціоннаго фонда, высшее распоряженіе которымъ принадлежитъ военному губернатору и изъ котораго отпускается не менѣе 3.000 ведеръ въ годъ. Она тайно провозится также изъ Японіи и другихъ мѣстностей и тайно выкуривается въ самомъ Сахалинѣ. При полученіи водки, за которую поселенцы иногда платятъ сравнительно „бѣшеныя деньги“, пьютъ всѣ члены семьи, пропиваютъ все, что можно, а затѣмъ не стѣсняются прибѣгать и къ женской проституціи, какъ средству добычи денегъ на водку.

Наконецъ въ числѣ могущественнѣйшихъ причинъ неудачи колонизаціи надо указать на семейныя неурядицы, усиленное развитіе разврата и проституціи.

На 1 января 1900 года среди взрослаго населенія Сахалина на

23.134 взрослыхъ мужчинъ приходилось 4.542 взрослыхъ женщинъ, что̀ составляетъ 16,4% общаго числа. Среди же ссыльнаго населенія, считая въ томъ числѣ и законныхъ женъ, добровольно пришедшихъ за мужьями, на 20.548 мужчинъ приходилось 4.087 женщинъ, что̀ составляетъ 16,6% общаго числа.

Изъ нихъ состоящихъ и живущихъ въ законномъ бракѣ было:

	Сс.-кат.	Сс.-пос.	Добр. пришед.	Всего.
Мужчинъ . .	341	1989	4	2334
Женщинъ . .	90	612	1573	2275
Всего:	431	2601	1577	4609

Число же не живущихъ въ бракѣ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Неженат. и вдов.		Скрывающихъ семейное положеніе.		Женатыхъ, но не живущихъ въ бракѣ.		Всего.
	сс.-кат.	сс.-пос.	сс.-кат.	сс.-пос.	сс.-кат.	сс.-пос.	
Муж.	2963	7350	236	296	1772	5601	18218
Женщ.	282	686	57	55	194	536	1810
Всего:	3245	8036	293	351	1966	6317	20028
	11281		644		8103		

Состояло въ незаконномъ сожительствѣ:

	Мужч.	Женщ.
Сс.-каторжн. . .	55	514
Сс.-поселен. . .	1071	612
Итого:	1126	1126

О числѣ лицъ свободнаго состоянія, вступающихъ въ сожительство съ ссыльными, у администраціи о. Сахалина точныхъ свѣдѣній не имѣется. Вообще строгой регистраціи сожительствъ нынѣ не ведется, и въ приведенныхъ выше цифрахъ показаны преимущественно сожительствующіе уже нѣсколько лѣтъ, имѣющіе семьи и хозяйства.

Отношеніе сахалинской администраціи къ этимъ незаконнымъ сожительствамъ всего лучше характеризуется слѣдующимъ приказомъ нынѣшняго губернатора о. Сахалина Ляпунова отъ 26 іюня 1899 г. за № 193 [1]).

„Принявъ въ управленіе ввѣренный мнѣ островъ, я засталъ установившійся порядокъ отнесенія ссыльно-каторжными женщинами положеннаго имъ наказанія путемъ назначенія ихъ къ поселенцамъ для совмѣстнаго домообзаводства. Назначеніе производилось исключительно по усмотрѣнію администраціи безъ предварительнаго даже

[1]) Тюремный Вѣстникъ 1899 г. за № 10, стр. 422, 423.

освѣдомленія о желаніи назначаемыхъ. Такой порядокъ, приводя съ одной стороны законную кару, налагаемую судомъ, къ противозаконному униженію человѣческаго достоинства, съ другой стороны является актомъ неуваженія къ опредѣленію суда, парализующимъ исправительное значеніе наказанія. Въ виду изложеннаго .... 1) допуская въ интересахъ колонизаціи острова, отпускъ каторжныхъ женщинъ на поселья для совмѣстнаго домообзаводства съ поселенцами и каторжными внѣ-тюремнаго разряда, ... безусловно воспрещаю замѣну такого отпуска—назначеніемъ безъ согласія назначаемой, оформленнаго подачею прошенія; 2) ссыльно-каторжныя женщины, не пошедшія на поселья, должны содержаться въ тюрьмахъ, съ употребленіемъ на работы, пока онѣ не пріобрѣтутъ права жительства внѣ тюрьмы; 3) поселенкамъ разрѣшается совмѣстное домообзаводство съ несемейными крестьянами поселенцами и каторжными внѣ-тюремнаго разряда, съ обоюднаго согласія сторонъ и съ разрѣшенія начальника уѣзда".

Относительно порядковъ, существовавшихъ на Сахалинѣ до изданія этого приказа, въ отчетѣ юрисконсульта Д. А. Дриля имѣются слѣдующія любопытныя указанія.

Каторжныя женщины въ значительномъ числѣ случаевъ попадаютъ въ ссылку за лишеніе жизни мужей, ихъ любовницъ, за участіе въ лишеніи жизни женъ своихъ любовниковъ или за посягательства на жизнь любовницъ послѣднихъ, и т. д. Самыя уже преступленія указываютъ, что всѣ эти женщины не относились безразлично, а напротивъ,—болѣе или менѣе страстно къ своимъ супружескимъ или любовнымъ связямъ. Очевидно, что онѣ не могли относиться безразлично и къ назначенію ихъ въ сожительство къ неизвѣстнымъ имъ поселенцамъ.

Собственныя влеченія женщинъ, существовавшія уже связи и даже заявленія о желаніи вступить въ бракъ не принимались во вниманіе и не оказывали вліянія. Такъ, напр., ссыльно-каторжная С—ская, назначенная въ сожительство, обратилась съ просьбою къ военному губернатору генералу Мерказину. Въ ней она заявляла, что состоитъ въ связи съ работающимъ въ типографіи ссыльно-каторжнымъ О—скимъ, отъ котораго она беременна и съ которымъ, по обоюдному ихъ согласію, желаетъ вступить въ бракъ. При этомъ она ходатайствовала избавить ее отъ назначеннаго ей поселья и говорила: „что же я должна буду дѣлать на поселѣ въ моемъ теперешнемъ положеніи, какъ я должна буду жить съ тѣмъ, кто меня возьметъ, и какъ онъ долженъ отнестись къ моему положенію. Онъ будетъ

ненавидѣть меня. Какая я буду хозяйка и какая будетъ наша жизнь?". На это послѣдовала резолюція: „каторжныя женщины высылаются для совмѣстнаго веденія домохозяйства съ поселенцами острова и выбирать въ мужья каторжныхъ не имѣютъ права, почему предлагаю отправить С—скую, куда она назначена". Кромѣ того бывали и случаи разъединенія мужа и жены и отдачи послѣдней въ сожительство другому лицу. Забеременѣвшая отъ сожителя женщина, когда ей предложили соединиться съ мужемъ, конечно, рѣшительно отказалась и была отправлена на поселье.

Уклоненія и отказы отъ сожительствъ влекли за собою наказанія, каковыми являлось либо заключеніе въ карцеръ, либо отправка въ новое сожительство въ дальнія селенія, что̀ нерѣдко было равносильно осужденію на самую необузданную и разрушительную проституцію. Въ одномъ селеніи, въ которомъ было 4 женщины на 80 поселенцевъ и 6 чел. солдатъ, къ врачу обратилась поселенка за совѣтомъ. Находя ее очень истощенной, онъ взялъ ее на отдыхъ въ околоткѣ. Оказалось, что обратившаяся ежедневно имѣла не менѣе 20 сношеній съ мужчинами.

При такихъ порядкахъ неудивительно, что состояніе нравственности крайне печальное.

Многіе поселенцы выпрашиваютъ женщинъ преимущественно съ цѣлью пользоваться доходами отъ ихъ проституціи.

Ссыльные же, за коими послѣдовали ихъ семейства, посылаютъ проституироваться за копѣйки женъ и дѣвочекъ-дочерей. „Живется тутъ хорошо тому",—пояснилъ одинъ сахалинскій ссыльный,—„у кого жена да дочь хороши: тогда и двухъ коровъ не надо".

Женщины свободнаго состоянія, приходящія за мужьями, рѣдко сохраняются въ развращающей атмосферѣ Сахалина и быстро начинаютъ падать все ниже и ниже. Зависитъ это отъ многихъ причинъ. Могущественное вліяніе окружающей среды и ея понятій, вліяніе, а часто и прямое насиліе испорченнаго мужа, отсутствіе на островѣ для женщинъ другихъ заработковъ и вообще достаточнаго труда, безъ котораго онѣ еще болѣе портятся, гнетъ сахалинской нужды, особенно ощутительной въ семьѣ [1]), все это благопріятствуетъ глубокому паденію женщины.

---

[1]) Надо замѣтить, что матеріальное положеніе женщины свободнаго состоянія хуже, нежели каторжной. Послѣдняя получаетъ пищевое и одеждное довольство, а первая только 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ, тогда какъ пудъ муки стоитъ 1 р. 30 к.

Несчастныя дѣти, родящіяся на Сахалинѣ и приходящія сюда съ матерями, выростая въ такой обстановкѣ, съ раннихъ поръ знакомятся со всѣми сторонами сахалинской жизни и, какъ существа еще только складывающіяся и развивающіяся, особенно легко поддаются ея тлетворному вліянію [1]). Завѣдывающая дѣтскимъ пріютомъ на о. Сахалинѣ г-жа Лобасъ передавала Д. А. Дрилю, что ея питомцы, какъ зеркала, съ полной точностью отражаютъ въ себѣ всѣ темныя явленія сахалинской жизни. „Сожитель мамку билъ, чтобы не спала съ чужимъ мужикомъ"—разсказываютъ маленькія ребятишки. „Я буду твоя сожительница, и мы пойдемъ на поселье"—лепечетъ еще совсѣмъ крошечная дѣвочка. „Я тебя зарѣжу"—грозитъ мальчикъ. „Я буду начальникъ тюрьмы, а ты пойдешь бродяжить, и я буду тебя драть"—уговариваются при играхъ дѣти и при этомъ сообщаютъ другъ другу, что „тятьку нонѣ выдрали", „мамку въ карцыю взяли" и вообще обмѣниваются разсказами о различныхъ поучительныхъ для нихъ эпизодахъ сахалинской жизни.

Дѣвочки съ 12 и 13 лѣтъ уже начинаютъ жить половою жизнью, а бываютъ случаи, хотя, конечно, очень рѣдкіе, что и ранѣе этого возраста уже попадаютъ въ сожительницы. Въ лазаретѣ Д. А. Дриль видѣлъ девятилѣтнюю дѣвочку, представлявшую явленія зараженія сифилисомъ на наружныхъ половыхъ частяхъ. Въ томъ же лазаретѣ лечилось нѣсколько мальчиковъ отъ зараженія черезъ акты педерастіи.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, приходится повторить, хотя и съ очень тяжелымъ чувствомъ, слышанный на Сахалинѣ Д. А. Дрилемъ отзывъ, что „значительная часть молодаго сахалинскаго поколѣнія являются кандидатами на каторгу". Во время объѣзда

---

[1]) Съ физической стороны они уже отъ рожденія часто представляются болѣе или менѣе оскудѣлыми, что̀ въ значительной степени зависитъ и отъ истощенности матерей, у которыхъ, по свидѣтельству врачей, нерѣдко не хватаетъ молока для кормленія грудью. При осмотрѣ дѣтей въ пріютѣ, гдѣ они обставлены очень недурно (этотъ пріютъ находится въ вѣдѣніи того же благотворительнаго общества, которое устроило пріютъ на Нерчинской каторгѣ), на 37 мальчиковъ въ 14 случаяхъ отмѣчено малокровіе, въ 2—рахитизмъ, въ 4—золотуха, въ 8—тупость умственныхъ способностей, въ одномъ—судорожные припадки, въ 5—неправильности образованія или отсталость въ развитіи. Дѣвочки значительно здоровѣе мальчиковъ, и на 22 дѣвочки совершенно здоровыми отмѣчено 14; малокровіе отмѣчено въ 2 случаяхъ, золотуха—въ одномъ и рахитизмъ—въ одномъ.

о. Сахалина Д. А. Дрилю, при разспросахъ поселенцевъ о ихъ житьѣ-бытьѣ, о ихъ планахъ на будущее, не разъ приходилось слышать такія сужденія и отзывы [1]).

„Мы бы еще могли остаться и здѣсь—люди старые, но изъ-за дѣтей не останемся. Здѣсь народъ избалованный и дурной, всѣ молодые уѣзжаютъ, а здѣсь не остаются". „Хоть бы дѣтямъ вольный свѣтъ показать". „Гдѣ бы не умереть, только на материкѣ". „Боже сохрани оставаться на Сахалинѣ; живаго въ гробъ кладите, не хочу". Если и удерживаетъ что̀,—то это: „съ казной еще не могу расплатиться: много долженъ". „Денегъ еще не собралъ на переѣздъ". „Сейчасъ бы полетѣлъ, если бы пустили".

При такомъ отношеніи старшихъ, молодежь уходитъ съ острова, а потому сколько-нибудь прочное его заселеніе ссыльными и до настоящаго времени не образовалось еще и въ зачаткѣ. На Сахалинѣ, по мнѣнію юрисконсульта Д. А. Дриля, существуетъ только обширный комплексъ тюремъ съ переходною стадіей къ выселенію на материкъ—временнымъ поселеніемъ на островѣ. Къ тому же выводу приходитъ и бывшій Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія А. П. Саломонъ, который въ своемъ отчетѣ пишетъ:

„Не даромъ арестантская пѣсня характеризуетъ ненавистный Сахалинъ словами: „кругомъ море, въ серединѣ горе". Я не слышалъ ни отъ одного поселенца добраго слова объ островѣ, ни одинъ не выражалъ желанія тамъ остаться. Не удерживаетъ тамъ пріобрѣтенный трудомъ достатокъ, не удерживаютъ и иныя, болѣе идеальныя связи. Одному поселенцу, семь лѣтъ находящемуся въ сожительствѣ, прижившему четверыхъ дѣтей, я посовѣтывалъ вступить въ бракъ. Надо было видѣть, съ какимъ ужасомъ этотъ человѣкъ мнѣ отвѣтилъ: „помилуйте, баринъ, да вѣдь я еще надѣюсь вернуться на родину". О своихъ дѣтяхъ, тутъ же стоявшихъ, онъ и не подумалъ".

Неудивительно поэтому, что и побѣги съ Сахалина на материкъ довольно часты, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

---

[1]) Съ выводами Д. А. Дриля вполнѣ согласенъ и А. П. Саломонъ, который въ своемъ отчетѣ (Тюр. Вѣстн. 1901 г. № 2 стр. 76) пишетъ, что „послѣдствіемъ неблагопріятнаго соотношенія половъ является развратъ, не останавливающійся ни передъ узами, освященными церковью, ни даже передъ возрастомъ; не говоря уже о педерастіи, весьма распространенной на островѣ".

	Бѣжало.		Поймано и возвр. добр.		Найдено мертвыми и убито.		Не поймано.	
Ссыльно-каторжныхъ.								
1898 годъ.	435	14	244	5	5	—	186	9
1899 —	246	13	163	2	4	5	77	6

Большинство побѣговъ каторжными совершается съ наружныхъ работъ, поселенцы же считаются бѣжавшими лишь въ томъ случаѣ, если ихъ самовольная отлучка съ поселья продолжалась болѣе 7—14 дней; обыкновенно побѣги дѣлаются съ цѣлью уйти на материкъ, но иные каторжные бѣгутъ и просто для бродяжества по острову, особенно въ лѣтнее время.

Съ побѣгами обычно увеличивается число происшествій и преступленій на островѣ, между которыми на первомъ планѣ стоятъ кражи и грабежи, сопровождаемые иногда убійствами. Случается, что бѣглецы, для болѣе успѣшнаго добыванія себѣ средствъ пропитанія и иногда прямо съ цѣлью наживы, группируются шайками,—и тогда грабежи и убійства становятся необычайно дерзкими, особенно если бродягамъ удается пріобрѣсти огнестрѣльное оружіе, какъ это было въ 1899 году, когда сформированная бѣгло-каторжнымъ Бараташвили изъ уроженцевъ Кавказа шайка наводила паническій ужасъ на населеніе, пока не была частью перестрѣлена, частью поймана и по приговору военнаго суда повѣшена.

Вообще изъ преступленій, совершаемыхъ на островѣ, наибольшій % приходится на долю преступленій противъ имущества—разбоевъ, грабежей и кражъ (которыхъ было въ 1899 году 56% общаго числа преступленій), затѣмъ слѣдуютъ убійства и покушенія на нихъ (34%) и нанесеніе ранъ или увѣчій (5%).

Изъ нижеслѣдующей таблицы видно число обвиняемыхъ и совершенныхъ ими преступленій.

Число обвиняемыхъ.

	Число преступленій.	сс.-кат.		сс.-пос.		сс.-кр.		своб. сост.		бродяги.		Итого.	
		м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1898 годъ.	630	534	—	126	—	79	—	18	1	15	—	773	1
1899 —	495	421	—	201	—	65	1	15	—	9	—	712	1

Г. Будущее русской каторги.

Составители проекта уголовнаго уложенія, который нынѣ находится на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта и, по всему вѣроятію, въ ближайшемъ будущемъ обратится въ дѣйствующій законъ, оставили безъ существеннаго измѣненія настоящую организацію каторги [1]). Объясняется это тѣмъ, что составители проекта были связаны состоявшимся еще 11 декабря 1879 года Высочайшимъ повелѣніемъ, которымъ была предустановлена будущая лѣстница наказаній. Поэтому они не сочли себя даже въ правѣ войти въ обсужденіе указаній варшавской присяжной адвокатуры, которая привела рядъ доводовъ противъ перевода отбывшихъ заключеніе каторжныхъ на поселеніе въ отдаленную восточную окраину Россіи. „Независимо отъ непроизводительныхъ издержекъ"—говорится въ этомъ заключеніи присяжной адвокатуры—„необходимымъ послѣдствіемъ ссылки преступниковъ въ отдаленную, безлюдную мѣстность является отреченіе общества отъ исполненія одной изъ благороднѣйшихъ задачъ—исправленія преступниковъ".

Не подлежитъ сомнѣнію, что среди преступниковъ можно встрѣтить весьма значительный процентъ людей, доступныхъ нравственному вліянію, часто вовлеченныхъ въ преступленіе лишь вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ и неумѣнія совладать съ ними, людей, которые при добросовѣстномъ и умѣломъ обращеніи съ ними могли бы еще возстановить свое человѣческое достоинство и принести извѣстную пользу обществу. Отправляя ихъ въ ссылку, общество отрѣзываетъ эту часть своего организма, не испытавъ еще ея жизнеспособности. Назначеніе поселенія послѣ каторги держится только обычаемъ, унаслѣдованнымъ пренебреженіемъ къ личности, впавшей въ преступленіе, пренебреженіемъ, которое въ другихъ государствахъ отжило свой вѣкъ и замѣнилось разумнымъ и доброжелательнымъ участіемъ къ судьбѣ приговоренныхъ (патронатомъ). Вслѣдствіе укоренившагося обычая для многихъ

---

[1]) Всѣ измѣненія заключаются въ томъ, что присужденныя къ каторгѣ женщины могутъ отбывать это наказаніе въ особыхъ помѣщеніяхъ при исправительныхъ домахъ и что въ устроенныхъ для мужчинъ каторжныхъ тюрьмахъ арестанты должны быть на ночь по возможности разъединены. Проектъ допускаетъ устройство такихъ каторжныхъ тюремъ въ Европейской Россіи, но это возможно и по нынѣ дѣйствующимъ законамъ.

представляется чѣмъ-то непостижимымъ, чтобы преступника по отбытіи каторги одарить свободой, съ которою напуганное воображеніе соединяетъ предвидѣніе цѣлаго ряда будущихъ злодѣяній освобожденнаго. Но подобное положеніе существуетъ и при отправленіи каторжныхъ по отбытіи заключенія на поселеніе. Поселенецъ имѣетъ такую же возможность совершить преступленіе, какъ и лицо, ссылаемое на поселеніе: что онъ воруетъ или убиваетъ не на мѣстѣ совершенія первоначальнаго преступленія, а въ Сибири или на Сахалинѣ,—отъ этого не измѣняется ни вредность, ни преступность его дѣйствія.

Но, будучи ссылаемъ на поселеніе, онъ въ своемъ безотрадномъ и безвыходномъ положеніи находитъ новыя побужденія къ совершенію новаго преступленія, между тѣмъ, дѣлаясь свободнымъ и возвращаясь въ среду того общества, къ которому принадлежитъ, получая возможность трудиться и имѣть честный заработокъ, состоя подъ бдительнымъ надзоромъ и начальства и самаго общества, дорожащаго своею безопасностью и спокойствіемъ, а потому и подвергаясь здѣсь отвѣтственности гораздо скорѣе, чѣмъ въ Сибири,—отбывшій наказаніе самъ теряетъ интересъ въ совершеніи новаго преступленія“ [1]).

Къ тому же самому выводу пришелъ и такой компетентный въ вопросѣ сибирской колонизаціи государственный дѣятель, какъ статсъ секретарь А. Н. Куломзинъ. Въ заключеніи всеподданнѣйшаго отчета, поданнаго имъ 25 февраля 1899 г. Государю Императору, онъ пишетъ слѣдующее: „По глубокому моему убѣжденію, вынесенному изъ двукратнаго объѣзда разныхъ областей Сибири, поселеніе тамъ послѣ отбытія каторги представляется анахронизмомъ, не достигающимъ имѣвшихся въ виду законодателемъ цѣлей, вреднымъ для наказуемыхъ и глубоко развращающимъ все сибирское населеніе. Самымъ правильнымъ разрѣшеніемъ сего вопроса было бы разъ навсегда покончить съ нимъ, исключивъ изъ уложенія о наказаніяхъ послѣдующее за отбытіемъ каторги поселеніе. Если бы однако это было признано неосуществимымъ при нынѣшнемъ состояніи нашихъ тюремъ и слабости личнаго состава полиціи во внутреннихъ губерніяхъ, то, въ цѣляхъ возможнаго ослабленія громадности приносимаго поселеніемъ зла, казалось бы возможнымъ примѣнять ссылку въ качествѣ дополнительнаго на-

---

[1]) Сводъ замѣчаній на проектъ общей части уголовнаго уложенія, т. II, стр. 167—174.

казанія факультативно только тогда, когда по убѣжденію суда эта мѣра будетъ вызываться особенными условіями такого преступнаго дѣянія, которое, возбуждая въ окружающихъ особое опасеніе за безопасность или рѣзко возмущая общественную совѣсть, затрудняетъ возвращеніе преступника въ прежнюю среду".

„При этомъ можно было бы поставить освобожденіе отъ поселенія въ зависимость отъ признанія въ дѣлѣ наличности уменьшающихъ вину обстоятельствъ" [1]).

Отчетъ этотъ по распоряженію Министра Юстиціи статсъ секретаря Муравьева пріобщенъ къ дѣламъ коммисіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки, такъ какъ въ программу дѣятельности этой коммисіи вошла, между прочимъ, и „выработка мѣръ по переустройству каторги и послѣдующаго за ней поселенія". Коммисія эта до сихъ поръ не приступала къ обсужденію этихъ послѣднихъ мѣръ, выжидая результатовъ дѣятельности другой учрежденной въ маѣ 1901 года подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Шмемана коммисіи, задачей коей является изслѣдованіе пригодности о. Сахалина, какъ мѣста штрафной колонизаціи. Такимъ образомъ независимо отъ изданія новаго уголовнаго уложенія, вопросъ о судьбѣ русской каторги и послѣдующаго за нимъ поселенія, надо надѣяться, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ получитъ окончательное разрѣшеніе. А пока вновь назначеннымъ губернаторомъ о. Сахалина ген. Ляпуновымъ принимаются самыя энергичныя мѣры къ устраненію безпорядковъ и злоупотребленій, которыя являются особенностью отнюдь не одного только Сахалина, а въ большей или меньшей степени присущи всякой каторгѣ, гдѣ бы таковая ни устраивалась, въ Австраліи, Гвіанѣ или иной какой странѣ.

---

[1]) Отчетъ статсъ секретаря Куломзина, стр. 13, 15.

ПРЕСѢЧЕНІЕ СПОСОБОВЪ УКЛОНЕНІЯ ОТЪ СЛѢДСТВІЯ И ОТЪ СУДА.

Докладъ профессора Военно-Юридической Академіи В. Д. Кузьмина-Караваева.

I.

Въ вопросѣ о мѣрахъ пресѣченія наиболѣе рѣзко обнаруживаются несовмѣстимость и противоположность требованій, вытекающихъ изъ интересовъ личной свободы, съ одной стороны, и обусловливаемыхъ цѣлью уголовнаго правосудія раскрыть истину и наложить кару на виновнаго—съ другой.

Пока нѣтъ вошедшаго въ законную силу судебнаго приговора, виновнаго еще нѣтъ. Есть только предполагаемый виновникъ, относительно котораго или собираются улики и доказательства, или провѣряются, или обсуждаются. Его виновность еще компетентной властью не установлена. Есть вѣроятность, что изъ предполагаемаго виновника—обвиняемаго или подсудимаго—онъ обратится въ осужденнаго. Но возможно, что судебное преслѣдованіе будетъ прекращено или что онъ выйдетъ изъ суда оправданнымъ, что подозрѣнія разсѣются и предположенія не подтвердятся.

А между тѣмъ онъ уже подвергается тому, что̀, съ логической послѣдовательностью, можетъ имѣть мѣсто исключительно послѣ и на основаніи судебнаго приговора—ограниченію личной свободы. Лицу создаютъ препятствія для свободнаго передвиженія и перемѣны мѣста жительства. Его ограничиваютъ въ правѣ распоряженія имуществомъ. Его, наконецъ, подвергаютъ предварительному заключенію, которое, какъ бы оно не обставлялось, въ существѣ своемъ совпадаетъ съ заключеніемъ по приговору суда и въ одномъ, весьма

важномъ, отношеніи даже всегда болѣе тягостно, такъ какъ назначается не на точно опредѣленный срокъ.

Интересы уголовнаго правосудія, однако, настоятельно и неизбѣжно требуютъ принятія тѣхъ или иныхъ принудительныхъ мѣръ противъ лица, не только преданнаго суду или привлеченнаго къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, но даже противъ того, на кого пало одно подозрѣніе въ совершеніи преступнаго дѣянія, т. е. въ такой моментъ процесса, когда подозрѣніе еще не облечено въ форму судебнаго акта. Судебное разбирательство никогда не слѣдуетъ и не можетъ слѣдовать непосредственно ни за совершеніемъ дѣянія, ни за обнаруженіемъ виновнаго. Хотя бы фактъ совершился открыто, явно, хотя бы совершившій его не обнаруживалъ и тѣни намѣренія скрыть свою вину, возстановленіе этого факта на судѣ неизбѣжно требуетъ долгой и кропотливой предварительной работы: закрѣпленія внѣшней картины преступленія на бумагѣ, установленія, чѣмъ именно, какимъ способомъ, когда и при комъ оно было совершено. Мало того, необходимо выяснить еще внутреннюю сторону—побужденія, мотивы, степень сознанія, а также все то, что характеризуетъ личность совершившаго дѣяніе, ибо вслѣдъ за признаніемъ факта судъ долженъ будетъ рѣшить вопросъ о вмѣненіи и о размѣрѣ наказанія. Это требуетъ еще больше времени. И чѣмъ болѣе проникаетъ въ общественное сознаніе и въ положительное право мысль, что не преступное дѣяніе, а преступникъ, его личное состояніе преступности есть главный объектъ карательной дѣятельности, тѣмъ болѣе неизбѣжно отдаляется моментъ сужденія отъ момента совершенія дѣянія.

Въ теченіе всего этого долгаго періода подготовки дѣла, для интересовъ правосудія необходимо, чтобы была обезпечена явка обвиняемаго и подсудимаго, какъ для дачи объясненій и участія въ судебныхъ дѣйствіяхъ, такъ и для отбытія наказанія въ случаѣ обвинительнаго приговора. Они требуютъ также, чтобы была устранена или, по меньшей мѣрѣ, ослаблена возможность для совершившаго преступленіе препятствовать органамъ власти въ ихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ къ раскрытію истины.

Такимъ образомъ мѣры пресѣченія имѣютъ за собой неустранимую фактическую необходимость, и послѣдовательное проведеніе принципа ограниченія личной свободы только на основаніи судебнаго приговора, если не равносильно, то весьма близко съ предоставленіемъ на усмотрѣніе самого виновнаго юридическихъ послѣдствій его дѣянія. Но фактическая необходимость не есть логиче-

ское основаніе: она можетъ объяснять, оправдывать; обосновывать же твердо, незыблемо—она ничего не можетъ.

Отсюда вытекаетъ принципіальное воззрѣніе на мѣры пресѣченія, которое должно проходить красной нитью черезъ всѣ законодательныя опредѣленія: мѣры пресѣченія—неизбѣжное зло. Зло—потому, что онѣ не имѣютъ на своей сторонѣ юридическаго основанія; неизбѣжное—потому, что онѣ фактически необходимы. Воззрѣніе это, при отвлеченной постановкѣ вопроса, едва ли можетъ въ настоящее время встрѣтить серьезныя возраженія. Но въ положительное право и въ практику жизни оно далеко еще не проникло. Тюрьмы предварительнаго заключенія переполнены ожидающими судебнаго приговора. Совершившіе преступленіе, не желающіе уклоняться отъ наказанія, являясь къ органамъ власти, сами требуютъ, чтобы ихъ немедленно арестовали. Настолько твердо еще распространенъ взглядъ даже на высшую мѣру пресѣченія—на предварительный арестъ, какъ на явленіе естественное, нормальное.

Новѣйшее законодательство ясно обнаруживаетъ стремленіе сузить примѣненіе предварительнаго ареста. Какъ объяснено въ мотивахъ къ французскому законопроекту отъ 16 января 1902 г., составители его поставили себѣ задачей ограничить предѣлами крайней для уголовной репрессіи необходимости случаи, когда предварительное заключеніе можетъ быть допущено, и обусловить его наивозможно краткимъ временемъ, когда оно неизбѣжно. Послѣдняго слова, однако, они сказать не рѣшились. *Права* пользоваться свободой въ періодъ предварительнаго изслѣдованія, независимо отъ тяжести правонарушенія, прежней судимости и другихъ обстоятельствъ, проектъ не признаетъ. На основаніи статей 118 и 119 проекта, быть оставленнымъ на свободѣ составляетъ право, подлежащее ограниченію при наличности указанныхъ въ законѣ условій, только для обвиняемаго въ менѣе важномъ преступномъ дѣяніи (en matière correctionnelle), имѣющаго притомъ постоянное мѣстожительство и не подвергавшагося ранѣе тюремному заключенію на срокъ болѣе трехъ мѣсяцевъ. Въ отношеніи же всѣхъ прочихъ случаевъ сохраняется презумпція, что обвиняемый съ момента привлеченія къ слѣдствію и до обращенія приговора къ исполненію подлежитъ содержанію въ предварительномъ заключеніи, и оставленіе его на свободѣ разсматривается, какъ исключеніе [1]).

---

[1]) Chambre des députés. Septième législature, session de 1902. № 2876.

II.

Не формулируя до конца основной мысли, на которой должно конструироваться ученіе о мѣрахъ пресѣченія, французскій проектъ 1902 г. является тѣмъ не менѣе и съ принципіальной точки зрѣнія крупнымъ шагомъ впередъ на пути огражденія личной свободы еще не признаннаго виновнаго. По всякому дѣлу и во всякій моментъ, задержанный можетъ быть освобожденъ (en toute matière et à toute période de la détention préventive, l'inculpé peut être mis en liberté provisoire). Сравнительно съ системой обязательнаго содержанія подъ предварительнымъ арестомъ при обвиненіи въ тяжкомъ правонарушеніи, право судьи не подвергать обвиняемаго аресту вовсе, а подвергнутаго освободить во всякій моментъ предварительнаго производства, является существенно важной для обвиняемаго и подсудимаго возможностью оставаться до приговора суда на свободѣ.

Русскому законодательству такая возможность извѣстна уже почти сорокъ лѣтъ. Сводъ законовъ 1857 г. устанавливалъ прямое и обязательное соотношеніе между тяжестью возникшаго обвиненія (по тяжести положеннаго наказанія) и мѣрою пресѣченія. Обвиняемыхъ въ дѣяніяхъ, влекущихъ за собою наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, предписывалось содержать въ тюрьмѣ или при полиціи. Обвиняемые въ менѣе тяжкихъ дѣяніяхъ, обложенныхъ наказаніемъ не ниже тюремнаго заключенія, подлежали домашнему аресту или полицейскому надзору. Судебные Уставы 1864 г. рѣшительно отвергли эту систему. Въ ряду ст. 415—420 уст. уголов. судопр. только двѣ первыя имѣютъ характеръ категорическихъ предписаній: 415-ая, воспрещающая состоящимъ подъ слѣдствіемъ отлучаться безъ разрѣшенія слѣдователя изъ того города или участка, гдѣ производится слѣдствіе, и 416-ая—перечисляющая мѣры, которыя „принимаются" для воспрепятствованія обвиняемымъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Послѣдующія же заключаютъ въ себѣ, въ отношеніи каждаго изъ трехъ родовъ обвиненія: а) въ дѣяніяхъ, подвергающихъ заключенію въ тюрьмѣ или въ крѣпости безъ лишенія правъ, б) подвергающихъ тѣмъ же наказаніямъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и в) подвергающихъ наказаніямъ, соединеннымъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, неизмѣнную формулу: „высшею мѣрою обезпеченія *можетъ быть*". Такъ же точно и противъ

обвиняемыхъ, не имѣющихъ осѣдлости, взятіе подъ стражу не должно, а *можетъ* быть принимаемо, независимо отъ тяжести возникшаго обвиненія (ст. 420) [1]).

Такимъ образомъ, власть судебнаго слѣдователя въ отношеніи избранія низшей, противъ поставленной въ соотвѣтствіе съ тяжестью обвиненія, мѣры пресѣченія, ничѣмъ не ограничена. Хотя бы лицо обвинялось въ дѣяніи, влекущемъ ссылку въ каторжныя работы и хотя бы оно не имѣло осѣдлости, оно можетъ находиться вплоть до судебнаго приговора на свободѣ, даже безъ внесенія залога, отдачи на поруки или подъ особый надзоръ полиціи. Законъ ограничиваетъ судебнаго слѣдователя только въ maximum'ѣ избираемой мѣры [2]).

Съ другой стороны, во всякій моментъ предварительнаго слѣдствія, судебный слѣдователь можетъ замѣнить избранную имъ мѣру пресѣченія на болѣе легкую. Прокуратурѣ предоставлено не одно право предлагать слѣдователю о задержаніи обвиняемаго, оставленнаго на свободѣ (ст. 285), но и право требовать освобожденія задержаннаго (ст. 283). Наконецъ каждое распоряженіе судебнаго слѣдователя, касающееся мѣры пресѣченія, всегда можетъ быть обжаловано обвиняемымъ суду.

Цифры, однако, показываютъ, что всего этого совершенно недостаточно для того, чтобы постановка вопроса о мѣрахъ пресѣченія отвѣчала принципу: онѣ допустимы въ предѣлахъ лишь крайней необходимости.

Въ 1898 г. по дѣламъ, поступившимъ въ окружные суды, находилось подъ стражей 22.133 подсудимыхъ. Изъ нихъ оправ-

---

[1]) Аналогичный характеръ имѣетъ ст. 77, опредѣляющая, какія именно мѣры пресѣченія и въ какихъ случаяхъ *можетъ* принимать мировой судья.

[2]) Ограниченія въ minimum'ѣ извѣстны уставу уголовнаго судопроизводства въ четырехъ случаяхъ: 1) присужденный неокончательнымъ приговоромъ мироваго судьи къ заключенію въ тюрьмѣ можетъ быть оставленъ на свободѣ, впредь до вступленія приговора въ законную силу, не иначе, какъ по представленіи имъ залога или поручительства (ст. 125); 2) подсудимый, подавшій апелляціонный отзывъ противъ приговора суда, коимъ онъ присужденъ къ содержанію подъ стражей, можетъ остаться на свободѣ только по представленіи суду залога или поручительства (ст. 875); 3) подсудимый, подавшій на приговоръ суда или палаты кассаціонную жалобу, когда онъ былъ присужденъ къ содержанію подъ стражей, можетъ быть оставленъ на свободѣ только по представленіи залога (ст. 910), и 4) по дѣламъ казеннаго управленія не могутъ быть принимаемы мѣры пресѣченія ниже поручительства или залога въ суммѣ, равной денежному взысканію, къ уплатѣ коего можетъ быть приговоренъ обвиняемый (ст. 1164).

дано: по дѣламъ, разсмотрѣннымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей—2091 (на 10.854 осужденныхъ); по дѣламъ, разсмотрѣннымъ безъ участія присяжныхъ,—981 (на 7.048 осужденныхъ). Прекращено дѣлъ до судебнаго разсмотрѣнія о 1159 подсудимыхъ, содержавшихся подъ стражей [1]). 4231 подсудимый, слѣдовательно, или 19%, почти пятая часть, были подвергнуты высшей мѣрѣ пресѣченія напрасно: судъ не призналъ ихъ виновными по предъявленнымъ къ нимъ обвиненіямъ.

Въ теченіе какого времени каждый изъ этихъ 4.231 лица былъ напрасно лишенъ свободы,—свѣдѣній не имѣется. Большая часть, вѣроятно, отъ 3 мѣсяцевъ до года, такъ какъ въ отношеніи осужденныхъ въ 1898 г. изъ 16.836 случаевъ предварительнаго ареста 6.031 приходится на срокъ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ и 6.570 на срокъ отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года [2]).

По дѣламъ, оконченнымъ судебными слѣдователями въ томъ же 1898 г., было привлечено въ качествѣ обвиняемыхъ 111.443 лица. Изъ нихъ было заключено подъ стражу 27.164, или 24,4% [3]). Другими словами, въ отношеніи почти четвертой части обвиняемыхъ судебные слѣдователи осуществили свое право предварительнаго ареста, не будучи къ тому обязаны. Если же принять во вниманіе, что 111.443 представляетъ собой цифру всего числа привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ, а не только тѣхъ, противъ которыхъ могло быть избрано мѣрою пресѣченія содержаніе подъ стражей, то склонность судебныхъ слѣдователей широко пользоваться правомъ ареста станетъ несомнѣнной.

Характернымъ подтвержденіемъ этого служатъ данныя, собранныя въ трудахъ Высочайше учрежденной коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части [4]). Случаевъ взятія обвиняемыхъ

---

[1]) Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1898 году. СПБ. 1901. Стр. 14 и таблица V.

[2]) Тамъ же, стр. 33.

[3]) Тамъ же, стр. 3. Приблизительно такое же процентное отношеніе было и въ предшествующія девять лѣтъ. По отдѣльнымъ судебнымъ округамъ процентъ обвиняемыхъ, заключенныхъ подъ стражу, колебался въ 1898 г. значительно. Такъ, напр., по Иркутскому онъ равенъ 45.7%.

[4]) Труды, т. VI, стр. 212 и 213. Въ предисловіи къ своду статист. данныхъ сказано: „Содержащіяся въ настоящемъ томѣ трудовъ коммисіи статистическія данныя собраны по большинству вопросовъ за 1894 годъ. По нѣкоторымъ вопросамъ свѣдѣнія требовались за болѣе продолжительный или вообще за другой періодъ времени“.

подъ стражу по требованію прокурорскаго надзора, когда судебными слѣдователями была избрана другая мѣра пресѣченія, тамъ отмѣчено 146, при чемъ судебные слѣдователи не соглашались съ предложеніемъ прокуратуры всего 9 разъ. А случаевъ, когда прокурорскій надзоръ требовалъ, въ отношеніи лицъ, взятыхъ подъ стражу, чтобы судебные слѣдователи ограничились мѣрой менѣе строгой,—2052.

Мало обнаруживаютъ, далѣе, какъ судебные слѣдователи, такъ и высшіе надъ ними органы судебной власти, склонности понижать разъ избранную мѣру пресѣченія. Сводъ свѣдѣній за 1898 г. указаній въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, не даетъ. Но въ трудахъ коммисіи имѣются слѣдующія краснорѣчивыя цифры. Случаевъ отмѣны самими судебными слѣдователями принятой мѣры и оставленія обвиняемаго безъ всякой мѣры пресѣченія насчитано 340. Случаевъ отмѣны распоряженій судебныхъ слѣдователей о взятіи обвиняемыхъ подъ стражу: а) окружными судами, при обжалованіи такихъ распоряженій,—76 и б) судебной палатой, при преданіи суду и при разсмотрѣніи жалобъ на опредѣленія суда,—209 [1]).

Еще болѣе поражаютъ цифры, касающіяся дѣлъ низшей подсудности. Въ 1898 г. мировыми судьями и судебно-административными учрежденіями, образованными по закону 12 іюля 1889 г., было осуждено 66.417 подсудимыхъ. Мѣры пресѣченія были приняты противъ 31.881 лица, и въ томъ числѣ было подвергнуто личному задержанію 30.692 лица. Изъ послѣдней цифры, правда, 24.424 случая падаетъ на задержаніе краткосрочное—до 1 мѣсяца. Но при оцѣнкѣ этихъ данныхъ нельзя забывать, что къ низшей подсудности у насъ отнесены обвиненія въ дѣяніяхъ, влекущихъ наказаніе, не превышающее тюремнаго заключенія безъ всякаго ограниченія въ правахъ [2]).

Очевидно, что возможность для обвиняемаго и подсудимаго пользоваться свободой до вступленія въ силу приговора суда остается на практикѣ малосодержательнымъ, почти пустымъ звукомъ. Вопросъ требуетъ иной, болѣе сложной законодательной регламентаціи. Усмотрѣнію органовъ судебной власти не должно быть предоставляемо, въ отношеніи мѣръ пресѣченія, столь большаго простора. Ибо со-

---

[1]) Тамъ же, стр. 228 и 229. Приведенныя цифры даже слишкомъ краснорѣчивы и, если бы не оффиціальный характеръ источника, то мы не рѣшились бы на нихъ основывать сужденіе.

[2]) Сводъ статистич. свѣдѣній, стр. 34 и табл. XVIII.

держаніе обвиняемаго подъ арестомъ представляетъ для судьи, особенно для судебнаго слѣдователя, слишкомъ большія удобства, упрощая и облегчая предварительное изслѣдованіе, и съ этимъ нельзя не считаться.

III.

Изъ признанія, что единственнымъ оправданіемъ ограниченія личной свободы въ періодъ предварительнаго производства служитъ фактическая необходимость, вытекаетъ, что эта необходимость должна быть въ каждомъ данномъ случаѣ доказана. Требовать доказательствъ абсолютныхъ, само собою разумѣется, невозможно. Достаточно, чтобы была доказана вѣроятность наступленія вредныхъ для правосудія послѣдствій, т. е. вѣроятность того, что истина не будетъ раскрыта и что виновный не понесетъ заслуженнаго наказанія.

Виновный не понесетъ наказанія, и тѣмъ самымъ вся работа предварительнаго изслѣдованія останется безъ результата, если онъ скроется. Предупрежденіе сокрытія виновнаго составляетъ главное фактическое основаніе мѣръ пресѣченія.

Это основаніе безспорно принимается всѣми процессуалистами. Дѣйствительно, одно изъ двухъ: или отвергать право государства наказывать, или признавать. И если признавать, то нельзя лишать государственную власть средствъ противодѣйствовать естественному стремленію совершившаго преступленіе, путемъ сокрытія своей личности, избавить себя отъ наказанія. Другія основанія вызываютъ значительное разногласіе.

Иногда указываютъ, что мѣры пресѣченія, въ частности заключеніе подъ стражу, ограждаютъ общество отъ новыхъ посягательствъ совершившаго преступное дѣяніе. Едва ли стоитъ подвергать серьезному разбору этотъ доводъ. Между мѣрами пресѣченія, принимаемыми для предупрежденія уклоненія виновнаго отъ суда и наказанія за данное дѣяніе, и послѣдующей его преступной дѣятельностью нѣтъ ни одной точки соприкосновенія. Какъ справедливо говоритъ проф. Фойницкій, „опасность совершенія новыхъ преступленій можетъ служить основаніемъ не для примѣненія мѣръ пресѣченія, а для улучшенія предупредительной полицейской дѣятельности“ [1]). Еще менѣе заслуживаетъ вниманія то

---

[1]) И. Я. Фойницкій. „Курсъ уголовнаго судопроизводства“, т. II стр. 353.

соображеніе, что оставленіе на свободѣ лица, совершившаго тяжкое правонарушеніе, смущаетъ будто бы общественную совѣсть.

Гораздо серьезнѣе третье основаніе, встрѣчающее многихъ горячихъ сторонниковъ и не менѣе горячихъ противниковъ. Уклониться отъ суда и наказанія виновный можетъ не только непосредственно—путемъ сокрытія своей личности, но и посредственно—путемъ сокрытія слѣдовъ преступленія, путемъ созданія препятствій органамъ власти установить и закрѣпить фактическія и юридическія обстоятельства совершеннаго дѣянія. Отсюда вытекаетъ необходимость устранить обвиняемаго отъ возможности воздѣйствія на ходъ предварительнаго изслѣдованія, и, такъ какъ эта цѣль успѣшнѣе всего достигается черезъ посредство личнаго задержанія, то принятіе за основаніе мѣръ пресѣченія, на ряду съ предупрежденіемъ сокрытія виновнаго, т. е. его личнаго уклоненія или побѣга, предупрежденія сокрытія или извращенія имъ слѣдовъ преступленія. Главное возраженіе противъ этого основанія сводится къ тому, что при заключеніи обвиняемаго подъ стражу во имя устраненія возможности для него прямаго, въ его интересахъ, воздѣйствія на ходъ дѣла, нарушается принципъ равенства сторонъ въ уголовномъ процессѣ. Возраженіе — теоретически безспорное. Но вѣдь въ томъ и состоитъ особенность мѣръ пресѣченія, что онѣ съ теоретической точки зрѣнія не выдерживаютъ никакой критики и что единственное ихъ оправданіе—„фактическая необходимость. „Говорятъ о равенствѣ",—замѣчаетъ проф. Larnaude; „но развѣ оно можетъ имѣть мѣсто безъ предварительнаго заключенія? Развѣ оно не будетъ нарушено въ ущербъ судьѣ? Развѣ онъ не блуждаетъ въ полной темнотѣ, когда начинаетъ предварительное изслѣдованіе, и развѣ можно, сохраняя благоразуміе, отказывать ему въ средствахъ стать на вѣрную дорогу и найти путеводную нить, которая ему не дастъ заблудиться?" [1]).

Дѣйствительно, въ первые моменты предварительнаго изслѣдованія сила отнюдь не на сторонѣ судебнаго слѣдователя. Виновный знаетъ, что̀ именно, какъ, при какихъ обстоятельствахъ и при чьемъ содѣйствіи имъ совершено. Слѣдователь же знаетъ одинъ голый фактъ, да и то рѣдко въ полномъ объемѣ. Направить слѣдствіе, при такихъ условіяхъ, на ложный путь, устранить доказательства, словомъ, затемнить дѣло, если не всегда, то во многихъ

---

[1]) Revue pénitentiaire, 1901 г. № 2, p. 197. Rapport de M. Larnaude sur les garanties de la liberté individuelle.

случаяхъ—въ полной власти виновнаго, разъ онъ остается на свободѣ. Въ видѣ примѣра, стоитъ только представить себѣ любое изъ сложныхъ имущественныхъ посягательствъ—злостное банкротство, растрату суммъ правительственнаго или общественнаго учрежденія или акціонерной кампаніи, обязательно связанную съ рядомъ разнообразныхъ подлоговъ и иныхъ нарушеній и т. п. Вотъ почему, что̀ бы ни утверждала теорія, положительныя законодательства никогда не откажутся отъ оцѣнки настоятельности мѣръ пресѣченія съ точки зрѣнія возможности скрыть слѣды преступленія. Это начало выражено въ ст. 421 нашего устава („при избраніи мѣры пресѣченія принимается въ соображеніе возможность скрыть слѣды преступленія"), въ германскомъ уставѣ 1877 г. и предусмотрѣно французскимъ проектомъ 1902 г. [1]).

Между предупрежденіемъ сокрытія самого виновнаго и слѣдовъ преступленія, какъ фактическими основаніями мѣръ пресѣченія, есть, однако, существенная разница. Опасность, что виновный скроется и тѣмъ избавитъ себя отъ наказанія, сохраняется въ теченіе всего процесса, вплоть до вступленія приговора въ законную силу, и по мѣрѣ хода дѣла даже увеличивается. Опасность же сокрытія слѣдовъ преступленія, напротивъ, съ каждымъ шагомъ процесса уменьшается. Въ какой моментъ она падаетъ?

Существуетъ мнѣніе, что это обстоятельство приходится имѣть въ виду также вплоть до вступленія приговора въ силу. Ибо, говорятъ, сознававшійся на предварительномъ слѣдствіи обвиняемый, будучи, при заключеніи слѣдствія, освобожденъ изъ подъ стражи, на судѣ нерѣдко отказывается отъ сознанія; свидѣтели столь же часто измѣняютъ показанія, подъ очевиднымъ вліяніемъ воздѣйствія на нихъ подсудимаго. Но врядъ ли правильно идти такъ далеко. Уже давно отошло въ прошлое то время, когда сознаніе признавалось „лучшимъ всего міра свидѣтельствомъ". Оно не есть доказательство. Какъ на предварительномъ слѣдствіи — обвиняемый, такъ и на судѣ—подсудимый, даютъ только объясненія. И давать объясненія ихъ право, но не обязанность; право, которое они могутъ осуществлять и не осуществлять по собственному ихъ усмотрѣнію. Сознаніе обвиняемаго не снимаетъ съ судебнаго слѣдователя обязанности всесторонне приготовить дѣло къ судебному разсмотрѣнію, т. е. собрать и провѣрить доказательства. Для внесенія въ судъ дѣло должно быть настолько приготовлено, чтобы

[1]) Exposé des motifs, p. 3.

измѣненіе подсудимымъ данныхъ имъ на предварительномъ слѣдствіи объясненій не могло имѣть рѣшающаго значенія. Что же касается неискренности и лживости показаній, даваемыхъ свидѣтелями на судѣ подъ присягой, то съ этимъ явленіемъ, къ сожалѣнію не исключительнымъ, можно и должно бороться разнообразными мѣрами, но отнюдь не лишеніемъ свободы лица, преданнаго суду, когда никакой для того необходимости въ другихъ отношеніяхъ не имѣется. Это значило бы подвергать его содержанію подъ стражей только для того, чтобы другіе не совершали преступныхъ дѣяній.

Преданіе суду—вотъ тотъ моментъ, съ котораго сокрытіе слѣдовъ преступленія само собою падаетъ, какъ фактическое основаніе мѣръ пресѣченія. Можно сказать даже больше: оно падаетъ въ моментъ непосредственно предшествующій—при заключеніи слѣдствія, но падаетъ не окончательно, такъ какъ по неполнотѣ дѣла оно можетъ быть возвращено для дослѣдованія.

Обязанность доказать фактическую необходимость принятія мѣры пресѣченія должна лежать цѣликомъ на томъ органѣ власти, который ее принимаетъ. Никакія презумпціи здѣсь недопустимы. Судебный слѣдователь или судъ каждый разъ должны войти въ оцѣнку степени вѣроятности либо сокрытія самого обвиняемаго, либо сокрытія имъ слѣдовъ преступленія и соображенія свои изложить въ особомъ мотивированомъ постановленіи. Ст. 430 уст. уголов. судопр. требуетъ мотивированнаго постановленія только при взятіи подъ стражу. Правилу этому несомнѣнно надлежитъ придать общій характеръ, дабы оно относилось ко всякаго рода мѣрамъ пресѣченія.

По конструкціи французскаго законопроекта 1902 г., когда предварительная свобода не составляетъ права (lorsque la liberté provisoire n'est pas de droit), обвиняемый можетъ требовать освобожденія при всякомъ положеніи дѣла [1]). Если, слѣдовательно, онъ освобожденія не требуетъ, то судья можетъ содержать его подъ стражей, не доказавъ судебнымъ актомъ фактической въ томъ необходимости. Таковъ результатъ признанія закономъ права на свободу, какъ изъятія, т. е. въ точно обозначенныхъ случаяхъ. Она всегда и во всѣхъ случаяхъ есть и должна составлять право. А потому не требованіе объ освобожденіи должно быть мотивируемо доказа-

---

[1]) Exposé des motifs, p. 3.

тельствами и даже не отказъ въ его удовлетвореніи, а то распоряженіе, которымъ свобода была ограничена.

IV.

Откуда черпать доказательства вѣроятности, что совершившій преступное дѣяніе имѣетъ намѣреніе и возможность скрыться самъ или скрыть слѣды своего дѣянія? Конечно, изъ обстоятельствъ дѣла, понимая подъ ними какъ внѣшнюю обстановку, такъ и личныя условія обвиняемаго. Но съ чѣмъ ихъ сопоставлять, что̀ принимать критеріемъ для вывода о наличности фактической необходимости поставить обвиняемому преграду и именно въ данной формѣ, а не въ другой?

Вопросъ крайне сложный. Законъ можетъ здѣсь дать одни общія руководящія указанія.

При оцѣнкѣ съ точки зрѣнія воспрепятствованія виновному уклониться отъ слѣдствія, суда и наказанія непосредственно, первое мѣсто занимаетъ тяжесть грозящаго наказанія. Жизнь нелегальная, безъ возможности именоваться своимъ именемъ, подъ постояннымъ опасеніемъ быть обнаруженнымъ, настолько незаманчива, что только наказаніе значительной тяжести можетъ въ глазахъ виновнаго уравновѣшивать ея невзгоды. Съ другой стороны, всякая мѣра пресѣченія есть ограниченіе свободы, и, если за содѣянное угрожаетъ денежная пеня или кратковременный арестъ, то явно нецѣлесообразно обезпечивать заранѣе исполненіе такого приговора. Далѣе—родъ преступленія. Возьмемъ, напримѣръ, дуэль и бродяжество, убійство изъ ревности и разбой. Если въ одномъ случаѣ самый характеръ совершеннаго дѣянія, независимо отъ тяжести наказанія, указываетъ ненадежность, такъ сказать, обвиняемаго, то въ другомъ—наоборотъ. Затѣмъ—неимѣніе осѣдлости, имущественная обезпеченность, сила уликъ и, повторяя слова 421 ст. уст. угол. судопр., „состояніе здоровья, полъ, возрастъ и положеніе обвиняемаго въ обществѣ“. Оцѣнка силы уликъ безусловно необходима каждый разъ. Не говоря уже о томъ, что чѣмъ менѣе уликъ, тѣмъ менѣе вѣроятность намѣренія скрыться,—нельзя подвергать лицо ограниченію свободы, когда виновность его ничѣмъ или крайне слабо доказывается. Наконецъ, предшествующая судимость и процессуальное положеніе дѣла—до и послѣ преданія суду, а главное—до и послѣ постановленія въ первой инстанціи обвинительнаго приговора.

Въ отношеніи оцѣнки съ точки зрѣнія сокрытія слѣдовъ преступленія, тяжесть наказанія имѣетъ несравненно меньшее значеніе; родъ же и характеръ преступленія еще большее. Есть цѣлый рядъ посягательствъ, въ которыхъ самый характеръ ихъ, т. е. конструкція законныхъ признаковъ состава, исключаетъ всякую возможность сокрытія слѣдовъ. Напр., сопротивленіе власти, оскорбленіе суда, присвоеніе непринадлежащаго званія или правъ состоянія. Есть, напротивъ, рядъ другихъ, при которыхъ главное основаніе обвиненія неизбѣжно опирается всегда на трудно уловимые и легко устранимые слѣды, каковы, напр., почти всѣ типичныя формы посягательствъ имущественныхъ. Сила уликъ, при данной оцѣнкѣ, имѣетъ обратное значеніе, ибо, чѣмъ онѣ сильнѣе, тѣмъ ничтожнѣе и тѣмъ менѣе вреда могутъ принести попытки обвиняемаго препятствовать раскрытію истины. Поэтому вполнѣ логично, если поимка съ поличнымъ, задержаніе на мѣстѣ преступленія, явка съ повинной и т. п. будутъ приняты посылкой для вывода объ отсутствіи необходимости въ мѣрѣ пресѣченія, когда нѣтъ причины ожидать, что обвиняемый скроется. Процессуальное положеніе дѣла—до преданія суду и послѣ, какъ уже указывалось, должно имѣть значеніе рѣшающее. Состояніе здоровья, полъ, возрастъ, и въ отношеніи даннаго рода оцѣнки, не могутъ не быть принимаемы въ соображеніе.

Если сопоставленіе приведенныхъ общихъ условій съ фактическими обстоятельствами дѣла не даетъ права на логическій выводъ о необходимости такъ или иначе пресѣчь обвиняемому или подсудимому способы уклоненія отъ слѣдствія или суда, то никакихъ мѣръ противъ него принимаемо быть не можетъ. Единственно, что можетъ быть на него возложено, это обязанность своевременнаго извѣщенія подлежащаго судебнаго органа о всякой перемѣнѣ мѣстожительства, съ отвѣтственностью на общемъ основаніи о неисполненіи законныхъ требованій и распоряженій власти.

Обязательно ли по русскому дѣйствующему законодательству, по дѣламъ высшей подсудности, принятіе мѣры пресѣченія противъ лица, привлеченнаго къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго,—вопросъ спорный. Текстъ закона положительныхъ указаній на рѣшеніе его въ утвердительномъ смыслѣ не даетъ. Но практика большинства судебныхъ округовъ, основываясь на исторіи текста, признаетъ, что, не обязывая судебнаго слѣдователя избирать въ томъ или иномъ случаѣ именно данную мѣру, ст. 415—432 уст. угол. судопр. не даютъ ему права оставлять обвиняемаго вовсе

безъ мѣры пресѣченія [1]). „Какъ видно изъ ревизіонныхъ отчетовъ“,—говорится въ объяснительной запискѣ къ проекту новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства—„въ большинствѣ судебныхъ округовъ по отношенію къ обвиняемому на предварительномъ слѣдствіи всегда принимаются мѣры пресѣченія, даже если бы обвиненіе было опровергнуто, при чемъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ принятая первоначально мѣра замѣняется болѣе слабою, какъ-то: подпискою о неотлучкѣ съ мѣста жительства или особымъ полицейскимъ надзоромъ. Только въ немногихъ судебныхъ округахъ практика допускаетъ въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ оставленіе обвиняемаго безъ всякой мѣры пресѣченія, напримѣръ, когда обнаружена ошибка въ личности обвиняемаго, установлено званіе лица по дѣламъ о бродягахъ и т. п.“ [2]) Находя такой порядокъ несоотвѣтственнымъ смыслу мѣръ пресѣченія, ибо, когда нѣтъ фактической необходимости, „то отпадаетъ и основаніе для принятія по отношенію къ обвиняемому какихъ-либо обезпечивающихъ мѣръ“ [3]), коммисія двадцатью тремя голосами противъ трехъ опредѣлила предпослать перечню мѣръ пресѣченія постановленіе: „для воспрепятствованія обвиняемымъ уклоняться отъ слѣдствія и суда *могутъ быть* принимаемы, *въ случаѣ надобности*, слѣдующія мѣры...“ (ст. 335 проекта). А въ предшествующей статьѣ проекта, взамѣнъ правила ст. 415 дѣйствующаго устава, говорится: „состоящіе подъ слѣдствіемъ, при перемѣнѣ своего мѣста жительства, обязаны увѣдомлять о томъ судью, производящаго слѣдствіе“.

V.

Какъ бы ни было организовано предварительное производство, слѣдствіе никогда не поглотитъ собою дознанія, въ смыслѣ розыска, разспросовъ и другихъ дѣйствій, совершаемыхъ не судьей, а органами судебной или общей полиціи. Наше право, возлагающее на судебнаго слѣдователя обязанность производить слѣдствія не только о лицахъ, но и о происшествіяхъ, заключающихъ въ себѣ признаки преступленія или проступка (ст. 250), тѣмъ самымъ

---

[1]) Того же толкованія держатся комментаторы—Фойницкій, Макалинскій, Квачевскій и др.

[2]) Объяснительная записка, т. II стр. 59.

[3]) Тамъ же, стр. 343.

суживаетъ и сокращаетъ дознаніе, какъ въ отношеніи объема совершаемыхъ дѣйствій, такъ и въ отношеніи продолжительности [1]). Но и у насъ—главнымъ образомъ, по условіямъ территоріальной протяженности судебно-слѣдственныхъ участковъ—дознаніе составляетъ во многихъ случаяхъ самостоятельную стадію предварительнаго производства до фактической передачи дѣла судебному слѣдователю или, какъ говорятъ ст. 256 и 258 уст. угол. суд., до прибытія судебнаго слѣдователя.

Фактическая необходимость принятія принудительныхъ мѣръ въ этотъ періодъ изслѣдованія стоитъ также внѣ сомнѣнія. Поскольку мѣры, принимаемыя органами дознанія, имѣютъ цѣлью пресѣченіе заподозрѣнному способовъ уклоняться отъ явки къ слѣдствію, а черезъ это отъ суда и наказанія, онѣ суть тоже мѣры пресѣченія. Но, по существу, между ними и мѣрами, принимаемыми органами судебной власти, большая разница. Во-первыхъ, во время дознанія допустима одна форма—личное задержаніе. Во-вторыхъ, мотивомъ задержанія можетъ служить только вѣроятность сокрытія самого заподозрѣннаго, потому что оцѣнка съ точки зрѣнія сокрытія слѣдовъ преступленія чрезмѣрно расширяла бы полномочія органовъ, не облекаемыхъ тѣмъ довѣріемъ, которымъ облекаются органы судебные. Въ-третьихъ, сила распоряженія о задержаніи съ момента доставленія заподозрѣннаго къ судебному слѣдователю или къ судьѣ низшей подсудности сама собою падаетъ. Наконецъ, въ-четвертыхъ, дабы задержаніе отнюдь не могло обратиться въ долгосрочное заключеніе, его законность должна быть обусловлена самымъ краткимъ срокомъ.

Въ продолженіе судебнаго движенія дѣла вопросъ о мѣрѣ пресѣченія обязательно долженъ быть предметомъ сужденія въ главнѣйшіе моменты процесса. Такіе моменты, кромѣ привлеченія лица въ качествѣ обвиняемаго, суть: заключеніе предварительнаго слѣдствія, преданіе суду и провозглашеніе вердикта присяжныхъ (или резолюціи суда) о виновности или объ оправданіи.

Это прямо вытекаетъ изъ того, что мѣры пресѣченія не имѣютъ за собой юридическаго основанія и оправдываются одной фактической необходимостью. Что̀ было необходимо, пока не были собраны улики и доказательства, то можетъ обратиться въ ненужное, когда

---

[1]) Необходима оговорка: имѣя въ виду дознаніе по дѣламъ общеуголовнымъ и не касаясь порядка производства дознаній по дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ (ст. 261[1] и слѣд.).

онѣ собраны. Наоборотъ, что не было необходимо, пока лицо было только обвиняемымъ, можетъ стать таковымъ, когда оно предано суду и тѣмъ болѣе, когда оно осуждено и только приговоръ не вступилъ въ силу.

Уставъ уголовнаго судопроизводства предписываетъ суду входить въ обсужденіе вопроса о мѣрѣ пресѣченія въ случаѣ обжалованія осужденнымъ обвинительнаго приговора, обязывая при этомъ не переходить установленнаго minimum'а (ст. 125, 875 и 910). Подобное требованіе слѣдовало бы распространить на всѣ отмѣченные моменты, но, конечно, съ предоставленіемъ органамъ суда права, на основаніи оцѣнки степени вѣроятности уклоненія лица непосредственно и посредствомъ сокрытія слѣдовъ преступнаго дѣянія, свободно измѣнять, во всѣхъ случаяхъ, ранѣе избранную мѣру.

Въ отношеніи предварительнаго производства въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. предварительнаго слѣдствія, этого, однако, недостаточно. Періодъ времени отъ привлеченія лица въ качествѣ обвиняемаго и до заключенія слѣдствія можетъ быть очень продолжителенъ, и опытъ показываетъ, что на практикѣ онъ рѣдко бываетъ краткосроченъ. Останавливаться на начальномъ и конечномъ моментахъ слѣдствія нельзя. Въ интересахъ огражденія свободы еще не признаннаго виновнаго, законъ долженъ идти далѣе.

На основаніи ст. 119 французскаго проекта 1902 г., въ тѣхъ случаяхъ, когда предварительная свобода составляетъ право, задержанный обвиняемый подлежитъ освобожденію черезъ пять дней послѣ перваго допроса. Если продленіе задержанія необходимо, то судебный слѣдователь можетъ мотивированнымъ постановленіемъ отсрочить освобожденіе на двадцать дней. По истеченіи этого срока, продленіе заключенія можетъ имѣть мѣсто только по распоряженію chambre du conseil и каждый разъ не болѣе, чѣмъ на тѣ же двадцать дней.

Такая система періодическаго пересмотра мотивовъ, вызвавшихъ предварительное заключеніе, заимствованная французскимъ проектомъ изъ бельгійскаго закона 20 апрѣля 1874 г. и извѣстная также законодательствамъ голландскому, кантону Vaud и отчасти итальянскому [1]), заслуживаетъ самаго полнаго вниманія. Въ ней особенно цѣнно то, что пересмотръ совершается въ силу требованія закона и независимо отъ просьбы или жалобы подвергнутаго заключенію.

---

[1]) См. Larnaude, Rapport sur les garanties de la liberté individuelle. Revue pénitentiaire, 1901, № 2, p. 206—209.

Ее смѣло можно рекомендовать, какъ одинъ изъ способовъ огражденія интересовъ личной свободы, при полномъ обезпеченіи интересовъ правосудія. Если послѣдніе того настоятельно требуютъ, судебному слѣдователю и прокуратурѣ всегда легко будетъ доказать необходимость предварительнаго заключенія. Если же фактической настоятельности въ продолженіи заключенія нѣтъ, то обвиняемый не будетъ содержаться подъ стражей только потому, что онъ не требовалъ освобожденія. Работы у органовъ предварительнаго изслѣдованія прибавится—это правда. Но развѣ можно хоть на минуту останавливаться на этомъ доводѣ, когда онъ выставляется противъ системы, ограждающей гражданскую свободу лица?

Выше уже отмѣчался основной недостатокъ французскаго проекта—признаніе права на свободу во время предварительнаго изслѣдованія только въ видѣ изъятія. Сообразно съ этимъ, и система періодическаго пересмотра основаній заключенія пріурочена къ одной, весьма ограниченной категоріи случаевъ. Поскольку неправильно отвергать право на свободу всегда, во всѣхъ случаяхъ привлеченія лица въ качествѣ обвиняемаго, постольку система эта должна имѣть распространеніе на всякаго рода дѣла. Съ другой стороны, французскій проектъ устанавливаетъ систему срочнаго пересмотра исключительно въ отношеніи лишенія свободы. Нѣтъ повода не распространять ея на всѣ формы мѣръ пресѣченія, ибо всѣ онѣ ограничиваютъ личную свободу того, кто еще виновнымъ не признанъ. Разница лишь въ тяжести ограниченія, почему при избраніи менѣе тяжкихъ формъ и могутъ быть допущены иные, болѣе продолжительные періоды.

VI.

Изъ отсутствія на сторонѣ мѣръ пресѣченія юридическихъ основаній и изъ того, что единственной ихъ опорой служитъ фактическая необходимость, которая никогда не можетъ быть доказана съ полной достовѣрностью, вытекаетъ относительность или, иначе, спорность каждаго распоряженія, устанавливающаго, измѣняющаго или отмѣняющаго ту или иную мѣру. А отсюда, въ свою очередь, вытекаютъ необходимость контроля высшихъ судебныхъ инстанцій за этого рода дѣятельностью низшихъ и, какъ одинъ изъ способовъ контроля, самая широкая постановка права обжалованія.

Высшая форма мѣръ пресѣченія—содержаніе подъ стражей—настолько глубоко поражаетъ интересы личной свободы, что, строго говоря, ея примѣненіе было бы нормально предоставить не едино-

личной власти судебнаго слѣдователя, а коллегіи. Отчасти такъ поступаетъ французскій проектъ, по точному смыслу котораго, когда предварительная свобода составляетъ право, juge d' instruction можетъ своей властью задержать обвиняемаго всего въ теченіе 25 дней. О продолженіи же заключенія онъ долженъ обращаться съ представленіемъ въ chambre du conseil, гдѣ рѣшеніе постановляется по выслушаніи представителя публичнаго обвиненія, обвиняемаго и его защитника. При такой постановкѣ, возможно довольствоваться обычными правилами контроля судебныхъ распоряженій. Но разсчитывать на ея повсемѣстное принятіе, притомъ въ отношеніи всѣхъ случаевъ предварительнаго ареста, а не только въ томъ ограниченномъ объемѣ, какъ предлагается французскимъ проектомъ, едва ли можно. Слишкомъ много самыхъ разнообразныхъ причинъ препятствуетъ введенію столь сложной и мѣшкотной процедуры. У насъ въ Россіи, напримѣръ, судебно-слѣдственные участки удалены нерѣдко на многіе десятки и даже сотни верстъ отъ мѣста нахожденія окружнаго суда.

Нѣкоторое значеніе для контроля дѣйствій судебнаго слѣдователя можетъ имѣть требованіе представленія срочныхъ вѣдомостей, главнымъ образомъ о дѣлахъ, по которымъ обвяняемые содержатся подъ стражей. При принятіи же системы періодическаго пересмотра самимъ слѣдователемъ основаній избранной мѣры пресѣченія, возможно, безъ большихъ практическихъ затрудненій, установить контроль, гораздо болѣе реальный. Достаточно опредѣлить въ законѣ, что каждое періодически составляемое слѣдователемъ мотивированное постановленіе объ избраніи, измѣненіи или отмѣнѣ мѣры пресѣченія немедленно представляется въ копіи въ судъ, которымъ разсматривается въ ближайшемъ распорядительномъ засѣданіи.

Относительно права обжалованія, существенно важно не столько признаніе его, сколько созданіе условій для его дѣйствительнаго осуществленія. Согласно ст. 491 уст. угол. суд., „участвующія въ дѣлѣ лица могутъ приносить жалобу на всякое слѣдственное дѣйствіе, нарушающее или стѣсняющее ихъ права“. Это широкое опредѣленіе даетъ полный просторъ и частному обвинителю, и гражданскому истцу, и обвиняемому добиваться возстановленія своихъ правъ. Обвиняемому, въ частности,—права пользоваться свободой во время предварительнаго производства. Но отъ признанія права до возможности осуществленія его еще далеко. Обвиняемый на предварительномъ слѣдствіи окруженъ со всѣхъ сторонъ юристами,

противъ соображеній и доводовъ которыхъ онъ, не посвященный въ юридическія тонкости, безсиленъ. При обжалованіи распоряженій о мѣрахъ пресѣченія необходимость участія защитника выступаетъ съ особенной силой.

Въ современной литературѣ уголовнаго процесса ярко выдѣляется движеніе въ пользу допущенія защиты на предварительномъ слѣдствіи, и однимъ изъ главныхъ доводовъ всегда приводится неосуществимость инымъ способомъ права обжалованія слѣдственныхъ дѣйствій вообще и постановленій о мѣрѣ пресѣченія въ особенности. То же движеніе замѣчается и въ положительномъ правѣ. При этомъ тѣ законодательства, которыя разрѣшаютъ участіе защитника съ ограниченіями, всегда обязательно оговариваютъ допущеніе защитника при обжалованіи взятія подъ стражу (австрійскій уставъ 1873 г., германскій 1877 г., итальянскій законъ 1876 г., не говоря уже о французскомъ 1897 г.) [1]).

Въ нашемъ уставѣ уголовнаго судопроизводства ст. 496 гласитъ: „обвиняемому, взятому подъ стражу, въ случаѣ заявленія имъ желанія подать жалобу, предоставляются всѣ необходимые къ тому способы". Широко понимая это опредѣленіе, практика до 1887 г. предоставляла — правда, не во всѣхъ судебныхъ округахъ—обвиняемому, содержащемуся подъ стражей, свиданія съ приглашеннымъ имъ присяжнымъ повѣреннымъ для совѣщаній по обжалованію слѣдственныхъ дѣйствій. Но въ 1887 г. состоялось рѣшеніе Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената, коимъ разъяснено, что, такъ какъ на предварительномъ слѣдствіи защита не допускается, то и въ обжалованіи слѣдственныхъ дѣйствій она участія принимать не можетъ.

На той же точкѣ зрѣнія осталось большинство Высочайше учрежденной коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части. Не признавъ возможнымъ (18 голосами противъ 8) допустить защиту на предварительномъ слѣдствіи вообще, большинство (16 голосовъ противъ 10) нашло, что „едва ли цѣлесообразно предоставлять обвиняемому, заключенному подъ стражу, пользоваться совѣтами присяжнаго повѣреннаго, хотя бы только относительно обжалованія слѣдственныхъ дѣйствій" [2]).

Не касаясь общаго вопроса о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи, рѣшительно невозможно согласиться съ мнѣніемъ большин-

---

[1]) Объяснит. записка къ проекту новой редакціи уст. угол. судопр., т. II, стр. 120 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 143.

ства коммисіи, поскольку оно относится къ вопросу объ обжалованіи распоряженій о мѣрѣ пресѣченія. Во-первыхъ, для заключеннаго подъ стражу создается явно несправедливое положеніе. Какъ указывало меньшинство, „обвиняемые, находящіеся на свободѣ, могутъ безпрепятственно обращаться за совѣтами къ опытнымъ юристамъ, а лицо, заключенное подъ стражу, которое весьма часто гораздо болѣе нуждается въ такой помощи, лишается ея“ [1]). Во-вторыхъ, забывается совершенно исключительный характеръ мѣръ пресѣченія; забывается, что въ отношеніи ихъ все условно, все относительно, все гадательно; что необходимость ихъ опредѣляется вѣроятностью и не по объективнымъ даннымъ, а на основаніи субъективнаго впечатлѣнія, производимаго обстоятельствами дѣла и личностью обвиняемаго. Наконецъ упускается изъ виду, что ни одно распоряженіе слѣдователя, по степени пораженія интересовъ лица и по невознаградимости причиняемаго ему вреда, даже рядомъ не можетъ быть поставлено съ распоряженіемъ о взятіи подъ стражу. Уже не говоря объ отказѣ въ вызовѣ свидѣтеля, въ производствѣ экспертизы и т. п., самое привлеченіе въ качествѣ обвиняемаго тѣмъ и важно въ особенности для привлекаемаго,—т. е. важно въ данный моментъ, что первое его слѣдствіе—возбужденіе вопроса о мѣрѣ пресѣченія. По одному этому, казалось бы, въ вопросѣ о защитѣ на предварительномъ слѣдствіи, если она отвергается вообще, нельзя не выдѣлять права имѣть юридическаго совѣтника при обжалованіи постановленія о мѣрѣ пресѣченія. Такое выдѣленіе тѣмъ болѣе являлось бы послѣдовательнымъ въ проектѣ новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства, разъ прямо и опредѣленно имъ устанавливается, что фактъ привлеченія въ качествѣ обвиняемаго еще не создаетъ безусловнаго основанія для принятія мѣры пресѣченія. Ни въ какомъ другомъ распоряженіи субъективизмъ слѣдователя не можетъ проявляться столь сильно. Обвиняемый долженъ обладать возможностью съ энергіей бороться противъ его мнительности, противъ его преувеличенныхъ опасеній. А для этого основное условіе—юридическая освѣдомленность, т. е. право имѣть совѣтника юриста. Безъ такого права правило ст. 496 уст. уголов. судопроиз. граничитъ съ полной безсодержательностью. Что̀ изъ того, что обвиняемому будутъ даны чернила, перо, бумага, уставъ, уложеніе, когда онъ не знаетъ, что̀ нужно писать, какіе изъ его доводовъ могутъ, съ точки зрѣнія закона, имѣть убѣдительное значеніе!

---

[1]) Тамъ же, стр. 144.

Разрѣшеніе обвиняемому, содержащемуся подъ стражей, совѣщаться съ защитникомъ объ обжалованіи постановленія о мѣрѣ пресѣченія, даже болѣе—обязательное участіе защитника въ составленіи жалобъ этого рода, все равно находится ли обвиняемый подъ стражей или нѣтъ,—одна изъ наиболѣе настоятельныхъ реформъ предварительнаго слѣдствія.

VII.

Основныхъ типичныхъ формъ мѣръ пресѣченія двѣ: личное задержаніе и имущественное обезпеченіе. Первая гарантируетъ, какъ доставленіе обвиняемаго къ слѣдствію, подсудимаго—въ судъ, осужденнаго—для отбытія наказанія, такъ и устраненіе сокрытія виновнымъ слѣдовъ преступнаго дѣянія. Вторая—только явку къ слѣдствію, въ судъ и для отбытія наказанія.

Русское законодательство, сравнительно съ западно-европейскими, представляетъ значительное разнообразіе отдѣльныхъ мѣръ пресѣченія, при чемъ, какъ наслѣдіе прошлаго, сохраняетъ и такія, которыя не подходятъ подъ типичныя формы.

Ст. 416 уст. угол. суд., сверхъ воспрещенія отлучаться, безъ разрѣшенія слѣдователя, изъ того города или участка, гдѣ производится слѣдствіе, перечисляетъ: 1) отобраніе вида на жительство или обязаніе подпискою о явкѣ къ слѣдствію и неотлучкѣ съ мѣста жительства; 2) отдача подъ особый надзоръ полиціи; 3) отдача на поруки; 4) взятіе залога; 5) домашній арестъ и 6) взятіе подъ стражу. Кромѣ того для несовершеннолѣтнихъ закономъ 2 іюня 1897 г. установлена отдача подъ отвѣтственный надзоръ родителей, родственниковъ или другихъ благонадежныхъ лицъ.

Относительно числа случаевъ примѣненія каждой изъ этихъ мѣръ къ осужденнымъ въ 1898 г. Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ даетъ слѣдующія цифры:

Въ общихъ судебныхъ установленіяхъ:

Мѣры пресѣченія:	Число осужденныхъ. Абсолютное	%
1. Содержаніе подъ стражей:		
До 1 мѣсяца	289.	0,6.
Отъ 1 до 3 мѣсяцевъ	1232.	2,5.
Отъ 3 до 6 мѣсяцевъ	6031.	12,4.
Отъ 6 мѣс. до 1 года. . . .	6570.	13,5.

Болѣе 1 года	1590 [1]).	3,2.
До взноса денежнаго обезпеченія . .	1124.	2,3.
Итого содержалось подъ стражей . .	16836.	34,5.
2. Домашній арестъ	2.	0,0.
3. Взятіе залога	452.	0,9.
4. Отдача на поруки	2240.	4,6.
5. Отдача подъ надзоръ полиціи. . .	11578.	23,7.
6. Отобраніе вида на жительство или подписки о неотлучкѣ	9605.	19,8.
7. Отдача подъ отвѣтственный надзоръ .	57.	0,1.
Мѣръ пресѣченія не было принято .	8070.	16,4.
Всего . .	48840.	100.

Въ мировыхъ судахъ и учрежденіяхъ, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 г.:

Мѣры пресѣченія:	Число осужденныхъ. Абсолютное	%
1. Содержаніе подъ стражей:		
До 1 мѣсяца	24424.	36,8.
Отъ 1 до 3 мѣс. . , . .	5177.	7,8.
Отъ 3 до 6 мѣс.	859.	1,3.
Болѣе 6 мѣс.	232.	0,4.
Итого содержалось подъ стражей. . .	30692.	46,3.
2. Взятіе залога	311.	0,5.
3. Отдача на поруки	773.	1,2.
4. Отдача подъ надзоръ полиціи. . .	20.	0,0.
5. Отобраніе вида на жительство . .	56.	0,1.
6. Отдача подъ отвѣтственный надзоръ .	29.	0,0.
Мѣръ пресѣченія не было принято или онѣ не указаны	34536.	51,9.
Всего . .	66417.	100 [2]).

Такимъ образомъ въ мировыхъ судахъ (и въ соотвѣтственныхъ имъ учрежденіяхъ) содержаніе подъ стражей на практикѣ является почти единственной мѣрой пресѣченія. Всѣ остальныя, вмѣстѣ взятыя, за 1898 г. дали въ отношеніи общей суммы осужденныхъ

---

[1]) Въ томъ числѣ: болѣе 2 лѣтъ 234 и болѣе 3 лѣтъ—9.

[2]) Сводъ статист. свѣдѣній, стр. 33 и 34, часть вторая, стр. 274, ч. третья, стр. 127.

всего только 1,8%. Въ томъ числѣ мѣры имущественнаго обезпеченія (залогъ и поручительство)—1,7%; прочія—0,1%.

Въ общихъ судебныхъ установленіяхъ содержаніе подъ стражей также примѣнялось наиболѣе часто. Но мѣры имущественнаго обезпеченія, все-таки, дали 2692 случая, или 5,5%. А изъ прочихъ—отобраніе вида на жительство или подписки о неотлучкѣ—19,8% и отдача подъ надзоръ полиціи—23,7%.

Проектъ новой редакціи устава (1900 г.) исключаетъ отдачу подъ надзоръ полиціи, оставляя въ силѣ всѣ другія изъ нынѣ значащихся въ законѣ мѣръ пресѣченія и относя къ нимъ воспрещеніе отлучаться съ мѣста постояннаго жительства, что̀ дѣйствующій уставъ мѣрой пресѣченія въ собственномъ смыслѣ не почитаетъ.

„Относительно особаго надзора полиціи надлежитъ имѣть въ виду"—говорится въ объясненіяхъ къ проекту,—„что, какъ удостовѣряютъ почти всѣ ревизіонные отчеты, означенная мѣра оказывается недостигающею цѣли, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ надзоръ этотъ является фиктивнымъ, существующимъ только на бумагѣ. Судебные слѣдователи прибѣгаютъ къ нему по большей части въ тѣхъ случаяхъ, когда противъ обвиняемаго нѣтъ досточныхъ уликъ и когда онъ могъ бы быть оставленъ и безъ всякой мѣры, а иногда ради одной лишь формальности. Бываетъ, впрочемъ, на практикѣ, что полиція, обязанности коей по учрежденію особаго надзора не опредѣлены въ законѣ, иногда подвергаетъ обвиняемаго существеннымъ стѣсненіямъ, обязывая его, напримѣръ, являться въ извѣстные дни и часы въ полицейское управленіе, а въ селеніяхъ—въ становую квартиру" [1]).

Дѣйствительно, при неопредѣленности въ законѣ признаковъ полицейскаго надзора, какъ мѣры пресѣченія, онъ неизбѣжно или сводится къ одной формальности, или широко раскрываетъ двери для крайне стѣснительныхъ и всегда болѣе или менѣе произвольныхъ мѣропріятій со стороны органовъ надзора. Полиціи тѣмъ болѣе трудно держаться какихъ-либо однородныхъ рамокъ, что отдача подъ ея особый надзоръ по нашему праву есть въ то же время и карательная мѣра, примѣняемая въ порядкѣ судебномъ на основаніи 58 ст. уложенія о наказаніяхъ, и въ порядкѣ административномъ—на основаніи положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Съ другой

---

[1]) Объяснит. записка, томъ II, стр. 349.

стороны, надзору общему подлежатъ всѣ обыватели, поскольку на полиціи лежатъ обязанности по предупрежденію и пресѣченію преступленій вообще. Но что будетъ съ тѣми 11.578 обвиняемыми, которые, по даннымъ за 1898 г., нынѣ отдаются подъ особый надзоръ полиціи? Если хотя на половину увеличится число заключенныхъ подъ стражу, то надзоръ полиціи нужно сохранить. Надо надѣяться, что общее правило проекта: „мѣры пресѣченія могутъ быть принимаемы *въ случаѣ надобности*"—войдетъ въ жизнь и, только надѣясь на это, можно не возражать противъ проекта.

Съ той же точки зрѣнія пониженія числа заключенныхъ подъ стражу должно оцѣнивать, главнымъ образомъ, значеніе отобранія вида на жительство и „сообщенія подлежащимъ властямъ о невыдачѣ вида на отлучку", какъ добавлено въ проектѣ. Когда Россія отмѣнитъ у себя нынѣ существующія паспортныя правила, то мѣра эта, какъ средство воспрепятствованія уклоненія отъ слѣдствія и суда, падетъ сама собой. Пока же они остаются въ силѣ, она, по справедливому указанію большинства коммисіи, „устраняетъ во многихъ случаяхъ необходимость заключенія обвиняемаго подъ стражу" [1]). Лучше испытывать затрудненія въ пріисканіи заработка, чѣмъ сидѣть въ заключеніи.

На 21.183 случая (43,5%) отдачи подъ надзоръ полиціи и отобранія вида на жительство или подписки о неотлучкѣ въ 1898 г. было всего 2692 случая (5,5%) избранія имущественнаго обезпеченія. Эти цифры краснорѣчиво показываютъ непримѣнимость имущественнаго обезпеченія къ наибольшей массѣ обвиняемыхъ и подсудимыхъ. Поэтому и нельзя отвергать безусловно цѣлесообразность другихъ возможныхъ въ государствѣ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, мѣръ, не подходящихъ подъ типичныя формы. У насъ въ Россіи сообщеніе властямъ о невыдачѣ вида на отлучку съ мѣста приписки для сельскаго, напримѣръ, населенія не влечетъ, въ общемъ правилѣ, тѣхъ тягостныхъ послѣдствій, какъ равносильное отобраніе вида на жительство у пришлаго населенія городовъ. А между тѣмъ, по условіямъ нашей сельской жизни, оно весьма существенно гарантируетъ явку на судъ и для отбытія наказанія. Если строго держаться типичныхъ формъ, то неизбѣжно расширится примѣненіе личнаго задержанія.

Когда основаніемъ мѣры пресѣченія служитъ необходимость устранить возможность сокрытія слѣдовъ преступнаго дѣянія, то

---

[1]) Тамъ же, стр. 349.

единственно, на чемъ могутъ остановиться какъ слѣдователь, такъ и судъ,—на содержаніи подъ стражей. При всѣхъ другихъ сохраняется для обвиняемаго свободное общеніе съ внѣшнимъ міромъ, и возможность сокрытія слѣдовъ преступленія не умаляется.

Когда же основаніемъ служитъ предупрежденіе личнаго уклоненія обвиняемаго или подсудимаго, то могутъ имѣть примѣненіе всѣ установленныя закономъ мѣры пресѣченія. Выяснивъ фактическую необходимость принятія мѣры пресѣченія вообще, судебный слѣдователь и судъ должны, двигаясь по лѣстницѣ мѣръ снизу вверхъ, т. е. отъ болѣе слабыхъ къ болѣе тяжкимъ, оцѣнивать каждую, поскольку она гарантируетъ, соотвѣтственно обстоятельствамъ дѣла и личнымъ условіямъ обвиняемаго или подсудимаго, его явку къ слѣдствію, въ судъ и для отбытія наказанія. Преподать въ данномъ отношеніи исчерпывающія указанія законодателю еще менѣе возможно, чѣмъ въ отношеніи общаго вопроса, назначать или нѣтъ мѣру пресѣченія вообще. Исчерпывающія указанія могутъ касаться лишь ограниченія тяжестью грозящаго наказанія права назначенія высшихъ мѣръ.

При избраніи денежнаго обезпеченія самъ собою возникаетъ еще вопросъ о его размѣрѣ. При назначеніи содержанія подъ стражей—о порядкѣ содержанія.

VIII.

По Своду законовъ уголовныхъ 1857 г., поручительство рѣзко отличалось отъ взятія залога. Оно было личнымъ: поручитель обезпечивалъ явку обвиняемаго только своимъ словомъ. „Поэтому на практикѣ“—говоритъ проф. Фойницкій—„поручительство обратилось у насъ въ особый промыселъ, которымъ занимались темныя личности, предлагавшія арестантамъ свое содѣйствіе за самое незначительное вознагражденіе. Въ такой формѣ оно, конечно, не обезпечивало судебную власть, а потому къ поручительству прибѣгали очень рѣдко“ [1]).

На основаніи 422 ст. дѣйствующаго устава уголовнаго судопроизводства, „всякое состоятельное лицо, общество или управленіе можетъ взять обвиняемаго на поруки, съ принятіемъ на себя денежной отвѣтственности въ случаѣ уклоненія его отъ слѣдствія“. Нынѣ, слѣдо-

---

[1]) И. Я. Фойницкій. „Курсъ угол. судопр.“, т. II, стр. 351.

вательно, поручительство и залогъ въ основномъ признакѣ совпадаютъ. Разница между ними остается въ томъ, что при взятіи залога обвиняемый самъ гарантируетъ свою явку лично ему принадлежащимъ имущественнымъ обезпеченіемъ, а при поручительствѣ гарантируетъ явку обвиняемаго, тоже имущественнымъ обезпеченіемъ, не онъ самъ, а другое лицо или другія лица.

„Въ случаѣ побѣга обвиняемаго или уклоненія его отъ слѣдствія и суда"—говоритъ ст. 427—„взысканная съ поручителя или представленная въ залогъ сумма, за отчисленіемъ изъ нея того количества денегъ, которое можетъ быть присуждено въ вознагражденіе потерпѣвшему отъ преступленія, обращается въ капиталъ на устройство мѣстъ заключенія".

Приведенная статья устава въ принципіальномъ отношеніи, можно смѣло сказать, одна изъ слабѣйшихъ во всемъ отдѣлѣ о пресѣченіи способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Задача мѣръ пресѣченія обезпечить достиженіе цѣли уголовнаго правосудія—раскрыть истину и наложить кару на виновнаго; съ обезпеченіемъ же гражданскихъ послѣдствій правонарушенія онѣ не имѣютъ ничего общаго. Для этого служатъ другія мѣры—наложеніе запрещенія или ареста на имущество,—т. е. мѣры, практикуемыя и въ гражданскомъ процессѣ, и никакъ не могутъ служить тѣ мѣры, которыя въ гражданскомъ процессѣ никогда мѣста не имѣютъ. Ненормальность правила 427 ст. особенно выступаетъ рельефно, когда денежное обезпеченіе было представлено не самимъ обвиняемымъ. Внесенной суммой поручитель гарантируетъ явку обвиняемаго. Обвиняемый явился къ слѣдствію, въ судъ и, по вступленіи приговора въ законную силу, для отбытія наказанія. Поручитель получаетъ всю внесенную имъ сумму обратно, и изъ нея ни копѣйки не отчисляется въ вознагражденіе потерпѣвшему—на томъ простомъ основаніи, что никто отъ него не требовалъ гарантировать это вознагражденіе, и онъ на себя такого обязательства не бралъ. Если же обвиняемый уклонился—потерпѣвшій первымъ получаетъ вознагражденіе, и только остатокъ обращается въ капиталъ на устройство мѣстъ заключенія. Гдѣ тутъ логика?

Несмотря на явную ненормальность правила 427 ст., проектъ новой редакціи устава его сохраняетъ съ болѣе чѣмъ краткимъ притомъ изложеніемъ мотивовъ: „находя нежелательнымъ отступать отъ этого положенія нашего законодательства" [1]). Сохранено

[1]) Объяснит. записка, т. II, стр. 355.

также, съ устраненіемъ, впрочемъ, его абсолютнаго характера, требованіе ст. 425, представляющее дальнѣйшее развитіе смѣшенія разнородныхъ институтовъ.

„Сумма поручительства или залога, согласно 425 ст., ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть менѣе количества вознагражденія, отыскиваемаго потерпѣвшимъ отъ преступленія, если искъ его подкрѣпляется достовѣрными доказательствами". Это требованіе до крайности стѣсняетъ и судебнаго слѣдователя, и судъ и фактически опрокидываетъ систему ограниченія ихъ усмотрѣнія maximum'омъ избираемой мѣры. Разъ заявленъ искъ о вознагражденіи въ такой суммѣ, которая не можетъ быть внесена ни самимъ обвиняемымъ, ни черезъ посредство поручителя, то какъ бы ни были убѣждены слѣдователь и судъ, что денежное обезпеченіе въ меньшей суммѣ вполнѣ гарантируетъ явку обвиняемаго, они должны потребовать сумму отыскиваемую, а впредь до ея внесенія—зная, что она никогда не будетъ внесена—подвергнуть обвиняемаго, за силою ст. 428, лишенію свободы. Еще дальше идетъ законъ въ томъ же направленіи въ ст. 1164, не допускающей по дѣламъ казеннаго управленія опредѣлять размѣръ залога или поручительства въ суммѣ меньшей денежнаго взысканія, „къ уплатѣ коего можетъ быть приговоренъ обвиняемый", и обязывающей, въ противномъ случаѣ, назначать содержаніе подъ стражей.

Размѣръ имущественнаго обезпеченія долженъ опредѣляться исключительно состоятельностью лица—самого обвиняемаго или поручителя,—поскольку утрата внесенной суммы можетъ гарантировать исполненіе принятой имъ на себя обязанности. Никакія иныя соображенія сюда неприложимы. Строгость положеннаго за содѣянное наказанія есть основаніе для избранія или неизбранія залога или поручительства вообще, но не можетъ никоимъ образомъ опредѣлять размѣра обезпеченія.

Основныя черты порядка содержанія подъ стражей опредѣляются цѣлью установленія въ законѣ и принятія въ каждомъ данномъ случаѣ этой мѣры пресѣченія. Обвиняемый—не осужденный. Слѣдовательно, ни о воздѣйствіи на него, въ видахъ исправленія, ни о намѣренной суровости режима, въ видахъ репрессіи, не можетъ быть и рѣчи. Фактическая необходимость требуетъ поставить его въ условія невозможности сокрытія слѣдовъ совершеннаго имъ дѣянія или своей личности. Другимъ способомъ, кромѣ какъ путемъ заключенія, достичь этого, по обстоятельствамъ даннаго случая, нельзя. Онъ и долженъ быть поставленъ въ эти

условія, но съ тѣмъ, чтобы стѣсненія ни въ чемъ не шли далѣе. Предварительное заключеніе отнюдь не должно отбываться въ мѣстѣ отбытія наказанія. Заключенному должна быть предоставлена возможность пользоваться привычнымъ комфортомъ и обстановкой,—въ отношеніи помѣщенія, пищи, образа жизни, одежды. За нимъ должны быть сохранены право и возможность продолжать свои обычныя занятія, если они, конечно, совмѣстимы съ нахожденіемъ подъ стражей, распоряжаться торговыми и другими дѣлами и т. д.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, разсуждая отвлеченно, домашній арестъ есть наилучшая форма личнаго задержанія, какъ мѣры пресѣченія. Возраженіе, что мѣра эта, по абсолютной непримѣнимости къ условіямъ жизни и домашней обстановкѣ людей бѣдныхъ, создаетъ привилегію для богатыхъ,—несущественно, ибо предварительное заключеніе—не наказаніе, и класть въ основу его организаціи принципъ равенства было бы несправедливо. Непреодолимыя затрудненія не въ этомъ, а въ безконечной трудности практическаго осуществленія домашняго ареста: если бы онъ примѣнялся только къ десятой или даже двадцатой долѣ нынѣ подвергаемыхъ предварительному заключенію, то пришлось бы имѣть цѣлую армію стражи. А потому въ тѣхъ государствахъ, которыя его вносятъ въ перечень мѣръ пресѣченія, онъ примѣняется въ крайне рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Напр., у насъ, въ Россіи, изъ 48.840 осужденныхъ въ 1898 г. были подвергнуты домашнему аресту всего двое.

Нормальнымъ мѣстомъ содержанія подъ стражей служатъ особые отъ тюремъ дома предварительнаго заключенія. Должны ли они быть устраиваемы по системѣ общаго или одиночнаго заключенія?

Отвѣтъ на поставленный вопросъ прямо вытекаетъ изъ слѣдующихъ положеній: при предварительномъ заключеніи допустимы только тѣ стѣсненія, которыя оправдываются фактической необходимостью: одиночное заключеніе, въ общемъ правилѣ, тяжелѣе общаго, но для нѣкоторыхъ заключаемыхъ—главнымъ образомъ для людей, стоящихъ въ культурномъ отношеніи выше массоваго уровня,—наоборотъ. Когда содержаніе подъ стражей назначается въ видахъ воспрепятствованія уклоненія отъ слѣдствія, суда и наказанія непосредственно, то, будетъ ли обвиняемый или подсудимый содержаться въ одиночномъ или общемъ заключеніи,—безразлично: въ благоустроенныхъ мѣстахъ заключенія общее содер-

жаніе столь же гарантируетъ невозможность побѣга, какъ и одиночное. Но когда оно назначается для предупрежденія сокрытія слѣдовъ преступленія, то можетъ явиться, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, необходимость устранить общеніе заключеннаго съ другими содержимыми, во-первыхъ, по одному съ нимъ дѣлу, во-вторыхъ—по какимъ бы то ни было дѣламъ вообще. А потому, всѣмъ лицамъ, въ отношеніи коихъ состоялось преданіе суду—такъ какъ съ этого момента второе основаніе лишенія свободы падаетъ само собой,—равно подвергнутымъ на предварительномъ слѣдствіи лишенію свободы по первому основанію—должно быть предоставлено право, по собственному ихъ желанію, содержаться въ общемъ заключеніи или въ одиночномъ. Обвиняемые, относительно которыхъ въ постановленіи судебнаго слѣдователя оговорена необходимость одиночнаго заключенія, должны содержаться въ изолированныхъ помѣщеніяхъ.

Прямая связь между основаніями лишенія свободы и порядкомъ содержанія (въ смыслѣ общаго или одиночнаго заключенія) признается, напримѣръ, во Франціи. На основаніи 613 ст. code d'instruction criminelle, слѣдственный судья имѣлъ широкую власть воспрещать сношенія заключеннаго въ теченіе всего предварительнаго слѣдствія, путемъ періодически возобновляемаго распоряженія. Законъ 8 декабря 1897 г. сохранилъ за нимъ это право, ограничивъ лишь срокомъ: болѣе, какъ 20 дней, запретъ сношеній не можетъ продолжаться.

По русскому дѣйствующему праву вопросъ о порядкѣ содержанія подслѣдственныхъ арестантовъ не имѣетъ и подобія правильнаго разрѣшенія. Въ первомъ пунктѣ перечня, кто содержится въ тюрьмахъ, въ ст. 168 уст. о содерж. подъ стражею, значится: „состоящіе подъ слѣдствіемъ и судомъ, обвиняемые въ преступленіяхъ и проступкахъ, для пресѣченія имъ способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суда". Только въ Петербургѣ существуетъ особый домъ предварительнаго заключенія, гдѣ порядокъ содержанія имѣетъ отличіе отъ содержанія тюремнаго. Во всѣхъ же прочихъ мѣстностяхъ подвергнутые предварительному заключенію содержатся на однихъ основаніяхъ съ отбывающими наказаніе. Если и есть нѣкоторыя особенности, то отнюдь не въ пользу первыхъ.

IX.

Все предшествующее изложеніе имѣло цѣлью намѣтить условія, которыя способствуютъ смягченію карательнаго характера мѣръ

пресѣченія: устраняютъ ихъ примѣненіе безъ достаточныхъ основаній и крайней въ томъ необходимости; сокращаютъ продолжительность налагаемыхъ на непризнаннаго виновнаго ограниченій; содѣйствуютъ тому, чтобы органы предварительнаго производства не прибѣгали къ высшимъ мѣрамъ, когда и низшія достаточно обезпечиваютъ интересы правосудія; дѣлаютъ, наконецъ, менѣе тягостнымъ перенесеніе лишенія свободы.

Но карательный ихъ характеръ, все-таки, остается. Законодатель, сложной системой опредѣленій, можетъ его смягчить, но уничтожить—возможности нѣтъ. Много времени еще пройдетъ прежде, чѣмъ въ государствахъ создадутся такія условія отправленія правосудія, при которыхъ будутъ ничтожны личныя усилія совершившаго преступное дѣяніе уклониться отъ суда и наказанія, какъ посредственно—путемъ препятствованія раскрытію истины, такъ и непосредственно—путемъ сокрытія своей личности.

Государства еще далеко не дожили до этой эпохи, да и наука современная еще не знаетъ, что̀ нужно сдѣлать и какъ, чтобы приблизиться къ ней. А до сознанія права на гражданскую свободу, до умѣнія цѣнить ея блага человѣчество уже доросло.

Съ другой стороны, стоитъ во всей своей наготѣ безобразный фактъ. Тысячи лицъ ежегодно подвергаются напрасно, безъ вины—какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ послѣдующіе оправдательные приговоры—лишенію свободы. Одинъ взглядъ на цифру оправданныхъ, содержавшихся до суда подъ стражей, невольно заставляетъ краснѣть каждаго юриста. Славу Богу, конечно, что они оправданы, что судебная ошибка не повела ихъ на каторгу, не наложила на нихъ клейма преступника. Но за что̀ несовершенства процессуальной техники, несовершенства способовъ обнаруженія и раскрытія истины, за что̀ неумѣстная подозрительность судебныхъ дѣятелей оторвали ихъ отъ дѣла, отъ близкихъ людей, отъ дорогихъ интересовъ и мѣсяцами томили въ заключеніи?

Вопросъ о вознагражденіи невинно къ суду привлекаемыхъ слишкомъ сложенъ и слишкомъ мало разработанъ въ литературѣ, чтобы его можно было касаться попутно. Да едва ли и возможно его коренное разрѣшеніе. Какъ и жизнь, свобода—благо невознаградимое, эквивалента ему не найти. Возмѣстить можно убытки, причиненные неправильнымъ ограниченіемъ свободы. Разстроеннаго же здоровья, душевныхъ мукъ, горя близкихъ не вознаградить ничѣмъ.

Назрѣло разрѣшеніе другаго вопроса, неизмѣримо менѣе ши-

рокаго и сложнаго, но наукою вполнѣ разработаннаго и во многихъ странахъ уже разрѣшеннаго, вопроса—о зачетѣ подслѣдственнаго ареста въ наказаніе.

Не одни невинно къ суду привлекаемые несутъ напрасно кару въ формѣ предварительнаго заключенія. Ее несутъ напрасно же, сверхъ наказанія положеннаго за содѣянное, и виновные. И имъ приходится выносить на своихъ плечахъ несовершенства процессуальной техники, обремененность слѣдователей работой, отдаленность судовъ, сложность и громоздкость предварительной процедуры. Въ силу обстоятельствъ, отъ нихъ не зависящихъ, совершенно постороннихъ учиненному дѣянію, они подвергаются карѣ, по сроку лишенія свободы нерѣдко равной и даже большей, нежели та, подъ угрозой которой законъ воспрещаетъ совершать данное посягательство. И главное—эта дополнительная кара распредѣляется неравномѣрно до самой послѣдней степени.

Имѣетъ пребываніе судебный слѣдователь въ мѣстѣ совершенія преступнаго дѣянія, не было у него въ производствѣ другихъ дѣлъ, были очевидцами постоянные мѣстные жители, сразу произведено было слѣдствіе съ достаточной полнотой, не залежалось дѣло въ обвинительной камерѣ, всѣ вызывавшіеся къ судебному разбирательству присяжные засѣдатели явились, никто изъ состава суда не заболѣлъ, нарушеній формъ и обрядовъ при разборѣ дѣла допущено не было,—предварительное слѣдствіе и судебное разсмотрѣніе прошли быстро, и виновный пробылъ въ предварительномъ заключеніи одинъ мѣсяцъ, много—два. Находился судебный слѣдователь, въ моментъ совершенія аналогичнаго по роду и тяжести дѣянія, въ отпуску и замѣнялъ его временно малоопытный кандидатъ, скопилось у него большое количество другихъ дѣлъ, были свидѣтелями пришлые люди, ранѣе допроса разъѣхавшіеся за сотни и тысячи верстъ, потребовалъ прокурорскій надзоръ или обвинительная камера дополненія слѣдствія, не явился комплектъ присяжныхъ засѣдателей, не явились свидѣтели, неправильно разъяснилъ предсѣдательствующій присяжнымъ законные признаки состава дѣянія, ошибочно были редактированы вопросы, отмѣнила кассаціонная инстанція рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ,—виновному пришлось пробыть подъ стражей до начала отбытія наказанія многіе мѣсяцы.

Пока въ основѣ карательной системы лежали смертная казнь и тѣлесныя наказанія, предварительное лишеніе свободы зачитывать было нельзя. Да и мало тогда цѣнилась свобода. Съ тѣхъ поръ,

какъ свобода стала почти единственнымъ благомъ, на которое направляется наказаніе, зачетъ предварительнаго заключенія сталъ насущной потребностью жизни.

Въ положительномъ правѣ существуютъ двѣ системы зачета: одна предоставляетъ зачитывать предварительный арестъ усмотрѣнію суда, по другой зачетъ для суда обязателенъ. Первая принята въ германскомъ и нидерландскомъ уголовныхъ уложеніяхъ и въ законѣ 1886 г. швейцарскаго кантона Vaud. Вторая—въ женевскомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства, въ итальянскомъ и бельгійскомъ уложеніяхъ. Къ ней же примыкаетъ венгерское уложеніе, обязывающее судъ дѣлать зачетъ, но съ ограничительной оговоркой: при условіи продолжительности ареста, происшедшей не по винѣ подсудимаго. Во Франціи закономъ 15 ноября 1892 г. установлена смѣшанная система. „Въ тѣхъ случаяхъ"— говоритъ новая редакція ст. 24 code pénal,—„когда имѣлъ мѣсто предварительный арестъ, онъ сполна засчитывается въ срокъ наказанія, опредѣляемаго судебнымъ приговоромъ, если только судья не постановитъ въ особомъ мотивированномъ опредѣленіи о томъ, что такой зачетъ не можетъ быть вовсе допущенъ или можетъ быть сдѣланъ только въ части. Что же касается предварительнаго ареста со времени постановленія приговора и до вступленія его въ законную силу, то онъ засчитывается всегда въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) когда осужденный не обжаловалъ приговора, и 2) когда по его жалобѣ назначенное ему наказаніе было уменьшено при апелляціонномъ производствѣ или же послѣ кассаціи приговора" [1]).

Въ русскомъ дѣйствующемъ законодательствѣ правила о зачетѣ предварительнаго лишенія свободы находятся въ зачаточномъ состояніи. Ст. 153 (п. 3) уложенія о наказаніяхъ относитъ долговременное нахожденіе подъ судомъ и подъ стражей за преступленіе, не влекущее лишенія всѣхъ правъ состоянія, къ числу обстоятельствъ, смягчающихъ вину, дающихъ суду право ходатайствовать передъ верховною властью о облегченіи участи подсудимаго. (ст. 154). Затѣмъ, согласно 191[1] ст. уст. угол. судопр., по дѣламъ, подсуднымъ мировымъ установленіямъ, „время, проведенное

---

[1]) См. И. Г. Щегловитовъ. „Зачетъ подслѣдственнаго ареста въ наказаніе". Журналъ Министерства Юстиціи, 1902 г., № 5, стр. 2—5. Своеобразная постановка вопроса усвоена также испанскимъ закономъ 17 января 1901 г.—см. Revue pénitentiaire, 1901 г., № 2, p. 411.

обвиняемымъ подъ стражею послѣ провозглашенія приговора, засчитывается въ срокъ заключенія въ тюрьмѣ, если приговоръ не былъ обжалованъ обвиняемымъ". Для дѣлъ же, подсудныхъ общимъ судебнымъ мѣстамъ, ст. 968 (по редакціи закона 10 ноября 1887 г.) опредѣляетъ: „Время, проведенное по вступленіи приговора въ законную силу подъ стражею лицами, присужденными къ каторжнымъ работамъ или къ содержанію въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, въ крѣпости, въ тюрьмѣ или подъ арестомъ, засчитывается въ срокъ заключенія. Если приговоръ не былъ обжалованъ подсудимымъ, то ему засчитывается въ срокъ заключенія и время, проведенное подъ стражей послѣ провозглашенія приговора" [1]).

На практикѣ, однако, зачетъ производится и у насъ. Но, какъ все, что дѣлается не въ силу требованій закона, а „въ обходъ" закона,—производится случайно и иногда въ ненормально широкихъ рамкахъ. Присяжные, выслушавъ оглашенную по просьбѣ защиты справку, что подсудимый ждалъ подъ стражей ихъ рѣшенія 6, 8, 10 мѣсяцевъ или годъ, и придя въ совѣщательную комнату, прежде всего стремятся сопоставить предварительный арестъ съ грозящимъ наказаніемъ, и, если послѣднее не слишкомъ разнится по сроку отъ перваго, говорятъ, что подсудимый понесъ уже кару,—и выносятъ оправдательный вердиктъ. Люди жизни, чуждые юридическихъ тонкостей, скорѣе соглашаются сказать „нѣтъ", вопреки чувству правды, которое подсказываетъ „да", нежели заставить человѣка вторично отбывать уже отбытую имъ кару, хотя ея и не называли этимъ именемъ.

Отставшій отъ жизни законъ имѣетъ, такимъ образомъ, коррективъ—въ институтѣ присяжныхъ засѣдателей. Но развѣ всѣ дѣла разсматриваются при ихъ участіи? Развѣ всегда присяжные сумѣютъ выйти изъ затрудненія? Развѣ нормально заставлять ихъ говорить „нѣтъ, не виновенъ", когда виновность подсудимаго несомнѣнна [2])?

---

[1]) Подробный разборъ приведенныхъ опредѣленій см. въ цитированной статьѣ И. Г. Щегловитова, стр. 7 и слѣд.

[2]) Весьма любопытную постановку получилъ вопросъ о долговременномъ содержаніи подъ стражей въ практикѣ военныхъ нашихъ судовъ, на основаніи кассаціонныхъ разъясненій, вставшихъ на путь корректированія закона. По точному смыслу ст. 153 и 154 уложенія, долговременное содержаніе подъ стражей не даетъ суду права самостоятельно понижать наказаніе, а можетъ служить лишь основаніемъ для ходатайства о томъ. Съ другой стороны, для военнаго

Проектъ уголовнаго уложенія (1895 г.) отвѣчаетъ на данный запросъ жизни, но отвѣчаетъ боязливо и полумѣрой. Ст. 46 проекта гласитъ: „Предварительное заключеніе можетъ быть засчитано вполнѣ или частью судомъ, постановляющимъ по дѣлу приговоръ, въ наказаніе, если виновный приговаривается къ исправительному дому, заточенію, тюрьмѣ или аресту".

Послѣднее ограниченіе мотивировано въ объясненіяхъ слѣдующими соображеніями: „при наказаніяхъ болѣе тяжкихъ подобный зачетъ едва ли представляется правильнымъ, съ одной стороны, потому, что принятіе по дѣламъ этого рода такой мѣры, какъ предварительный арестъ, вполнѣ оправдывается свойствомъ самаго преступленія, а съ другой—въ виду безсрочности сопровождающаго эти наказанія поселенія". А противъ системы обязательнаго зачета сдѣлана ссылка на возможность, „что продолжительность слѣдствія обусловливается виною самого подсудимаго, который, находя предварительный арестъ для себя удобнымъ, умышленно затрудняетъ скорѣйшее окончаніе слѣдствія, такъ что для уменьшенія отвѣтственности не представляется никакихъ основаній". „По тѣмъ же основаніямъ",—говорится далѣе,—„дѣлая зачетъ, судъ не долженъ быть стѣсненъ въ вычисленіи объема зачета, т. е. онъ можетъ засчитать его вполнѣ, день въ день, или частію" [1]).

Поскольку принятіе мѣрою пресѣченія предварительнаго ареста никогда закономъ не требуется и, слѣдовательно, не „оправдывается свойствомъ самаго преступленія, постольку нѣтъ логики не распространять правила о зачетѣ на наиболѣе тяжкія формы лишенія свободы, какъ наказанія. „Безсрочность же поселенія"—по справедливому замѣчанію г. Тальберга—„не только не устраняетъ въ настоящемъ случаѣ сокращенія срочной каторги, но, напротивъ, усугубляетъ необходимость этого сокращенія; едва ли справедливо лишать приговоренныхъ къ каторгѣ зачета предварительнаго ареста

суда, какъ суда короннаго, перечень общихъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ (ст. 134 улож. и 79 воинск. уст. о наказ.) имѣетъ исчерпывающее значеніе. Кассаціонная же практика разъяснила, что, въ виду долговременнаго содержанія подъ стражей, судъ самъ можетъ понизить наказаніе въ мѣрѣ, а если вмѣстѣ съ тѣмъ имѣется и другое уменьшающее вину обстоятельство, то и до двухъ степеней. Установлено даже, въ кассаціонномъ же порядкѣ, что должно разумѣть подъ „долговременнымъ" содержаніемъ.

[1]) Уголовное уложеніе. Проектъ редакціонной коммисіи и объясненія къ нему СПБ., 1897, т. I, стр. 511 и 512.

на томъ основаніи, что, по отбытіи этаго наказанія, они несутъ еще тяжкое дополнительное наказаніе—безсрочное поселеніе" [1]).

Умышленное со стороны виновнаго затягиваніе дѣла—обычное опасеніе сторонниковъ конструкціи зачета въ формѣ факультативнаго права суда. Если продолжительность предварительнаго ареста имѣла мѣсто по винѣ подсудимаго,—прямо оговариваетъ § 94 венгерскаго кодекса,—то зачета дѣлать не слѣдуетъ. Опасеніе—на первый взглядъ реальное, но если глубже вглядѣться въ вопросъ—явно несостоятельное. Затягивать дѣло по собственному произволу подсудимый не можетъ. Онъ можетъ отсрочивать окончаніе предварительнаго слѣдствія лишь путемъ обращенія къ судебной власти съ разнаго рода просьбами, которыя ни слѣдователь, ни судъ удовлетворять не обязаны. Если они ихъ удовлетворяютъ слишкомъ широко, надо принять мѣры, чтобы органы судебной власти дѣйствовали менѣе пассивно. Но налагать за это лишнюю кару на виновнаго нельзя. Можетъ быть, онъ самъ, предъявляя требованіе о допросѣ новыхъ свидѣтелей, о новомъ разъясненіи того или иного обстоятельства, добросовѣстно заблуждался о существенности своего требованія. Гдѣ безошибочный показатель того, что онъ дѣйствовалъ единственно съ цѣлью затянуть дѣло, разъ его требованіе не было очевидно несостоятельно и было исполнено? . . . Тотъ же доводъ—подсудимые станутъ затягивать дѣла—приводятъ противники допущенія защиты на предварительномъ слѣдствіи. Ряды ихъ, однако, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе рѣдѣютъ.

При системѣ зачета по усмотрѣнію суда присяжные опять будутъ въ неизвѣстности, отразится ли на наказаніи и въ какой степени долговременное предварительное нахожденіе подъ стражей. Они будутъ справедливо опасаться, что, можетъ быть, судъ недостаточно гуманно отнесется къ подсудимому, и сами станутъ дѣлать зачетъ путемъ оправданія.

Зачетъ и нынѣ не всегда примѣнимъ—это правда. Не мало кодексовъ сохраняютъ еще смертную казнь. Съ другой стороны, всѣ кодексы знаютъ денежныя взысканія. Невозможность засчитывать предварительное заключеніе въ смертную казнь стоитъ внѣ спора и сомнѣнія. Но также внѣ спора стоитъ и то, что смертная казнь—наказаніе вымирающее, что не столѣтія уже осталось ждать, чтобы она исчезла повсемѣстно изъ карательной системы. Что же касается разсужденій о непримѣнимости зачета къ денежнымъ взысканіямъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 511.

то они плодъ простаго недоразумѣнія. Основное требованіе правильной постановки мѣръ пресѣченія—ограниченіе области усмотрѣнія органовъ предварительнаго изслѣдованія maximum'омъ избираемой мѣры. Первое, что отсюда вытекаетъ,—недопустимость содержанія подъ стражей при обвиненіи въ дѣяніи, обложенномъ денежнымъ взысканіемъ. Слѣдовательно, если лицо до суда находилось подъ стражей, а по суду приговорено къ денежному взысканію, то, значитъ, ему предъявлялось еще другое обвиненіе, по которому состоялось оправданіе. А въ такомъ случаѣ можетъ возникать вопросъ о вознагражденіи невинно къ суду привлеченнаго, но никакъ не о зачетѣ.

Зачетъ подслѣдственнаго ареста въ наказаніе долженъ быть для суда обязателенъ и долженъ распространяться на всѣ виды наказанія лишеніемъ свободы. Какъ зачитывать—день за день или иначе—должно быть точно опредѣлено въ законѣ.

Каждый гражданинъ долженъ обладать *правомъ* пользоваться свободой, пока не вступилъ въ законную силу приговоръ о немъ компетентнаго суда. Если вслѣдствіе фактической необходимости, а не по юридическимъ основаніямъ, онъ былъ этого права лишенъ, ему должно принадлежать *право* на зачетъ предварительнаго ареста въ наказаніе.

О ПРЕДМЕТѢ И ПРЕДѢЛАХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМЪ СЛѢДСТВІИ.

Въ отношеніи предмета и предѣловъ изслѣдованія на предварительномъ слѣдствіи, состоящая подъ предсѣдательствомъ И. Я. Фойницкаго Соединенная Коммисія С.-Петербугскаго Юридическаго Общества и русской группы Международнаго союза криминалистовъ остановилась на слѣдующихъ положеніяхъ.

1. Постановка предварительнаго слѣдствія находится въ существенной зависимости отъ мѣстныхъ условій, главнымъ образомъ, отъ существующаго въ данной странѣ устройства (организаціи) розыска. Это устройство распадается главнымъ образомъ на два типа. При одномъ, русско-французскомъ, къ розыску привлекается полиція въ качествѣ помощницы судьи-слѣдователя, и частью замѣняющая его. При другомъ, англо-германскомъ, розыскъ сосредоточивается въ рукахъ государственнаго или частнаго обвинителя, которому помогаетъ, а частью и замѣняетъ, полиція. Желательнымъ представляется приближеніе къ этому второму типу.

2. Слѣдуетъ различать, какъ виды судебной дѣятельности, производство предварительнаго слѣдствія и производство отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій по требованіямъ обвинителя или обвиняемаго. Предварительное слѣдствіе должно имѣть мѣсто только противъ опредѣленнаго лица обвиняемаго и опредѣленнаго преступнаго дѣянія, ему вмѣняемаго; начало недѣлимости (Untheilbarkeit) къ нему, какъ къ дѣятельности судебной, непримѣнимо. Производство отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій можетъ имѣть мѣсто и при неизвѣстности обвиняемаго. Такія отдѣльныя дѣйствія или составляютъ подготовительную стадію предварительнаго слѣдствія, или же ими исчерпывается все предварительное производство по дѣлу.

3. Моментъ обязательнаго открытія предварительнаго слѣдствія

ни по существу, ни съ формальной стороны, не можетъ быть съ точностью установленъ закономъ. Нельзя, напр., установить, что съ подачею жалобы потерпѣвшаго должно открываться предварительное слѣдствіе.

4. Въ отношеніи собиранія доказательствъ, состязательный принципъ не можетъ быть выдержанъ на предварительномъ слѣдствіи, въ виду крайней фактической неравномѣрности въ положеніи обвиняемаго и обвинителя.

5. Процессуальныя права могутъ быть предоставлены на предварительномъ слѣдствіи обвиняемому въ отношеніи установки доказательствъ, судебнаго закрѣпленія ихъ.

6. Предварительное слѣдствіе должно ограничиваться выясненіемъ дѣла настолько лишь, насколько то необходимо для рѣшенія вопроса объ открытіи по дѣлу окончательнаго засѣданія. Не слѣдуетъ на предварительномъ слѣдствіи стремиться дѣлать то, что съ успѣхомъ можетъ быть сдѣлано на слѣдствіи судебномъ.

7. Предварительное слѣдствіе, какъ и судебное, непосредственнымъ предметомъ своего изслѣдованія имѣетъ обстоятельства, входящія въ законный составъ даннаго преступнаго дѣянія, а также личность обвиняемаго, насколько она вложилась въ преступное дѣяніе и насколько она является объектомъ наказанія въ данномъ случаѣ. Будучи видомъ юридической дѣятельности, предварительное слѣдствіе: а) обращаетъ преимущественное вниманіе на собираніе и выясненіе объективныхъ по дѣлу данныхъ, направляя свое изслѣдованіе на субъективную сторону настолько, насколько то необходимо для опредѣленія отвѣтственности обвиняемаго, и б) должно признавать принципъ, по которому судъ интересуется лишь существеннымъ по дѣлу, отбрасывая несущественныя мелочи.

8. Въ высокой степени важно изыскать способы ускоренія предварительныхъ слѣдствій и установленія контроля надъ органами его.

Ив. Фойницкій.
Ин. Закревскій.
В. Кузьминъ-Караваевъ.
Волковицкій.
Т. Тютрюмовъ.
Г. Сліозбергъ.
Рымовичъ.

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія комитета русской группы Международнаго союза криминалистовъ 31 мая 1902 года.

Выслушаны предложенія въ члены группы слѣдующихъ лицъ:

1) Барона Александра Эмильевича *Нольде*, приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета.

2) Георгія Ѳедоровича *Парфенова*, магистранта С.-Петербургскаго университета.

3) Эммануила Германовича *Гинзберга*, помощника присяжнаго повѣреннаго.

4) Сергѣя Александровича *Зноско-Боровскаго*, магистранта С.-Петербургскаго университета.

5) Михаила Яковлевича *Пергамента*, приватъ-доцента.

6) Конрада Конрадовича *Дыновскаго*, приватъ-доцента.

7) Чиновника особыхъ порученій при Министрѣ Юстиціи Валеріана Рудольфовича *Эйхгольцъ*.

8) Александра Исааковича *Люблинскаго*, помощника дѣлопроизводителя Втораго Департамента Министерства Юстиціи.

9) Владиміра Ефимовича *Бѣлинскаго*, состоящаго при Юрисконсультской Части Министерства Юстиціи.

10) Владиміра Александровича *Гагенъ*, магистранта полицейскаго права.

11) Михаила Аполлоновича *Корниловича*, юрисконсульта Министерства Юстиціи.

12) Александра Александровича *Мейснера*, завѣдывающаго Временною Канцеляріею Министерства Юстиціи для производства особыхъ уголовныхъ дѣлъ.

13) Александра Николаевича *Веревкина*, старшаго юрисконсульта Министерства Юстиціи.

Постановили: означенныхъ лицъ принять въ число членовъ группы и по истеченіи перваго оплаченнаго ими года представить Центральному Комитету союза.

Предсѣдатель *И. Фойницкій.*

Членъ Комитета *Д. Дриль.*